

КАЗАХСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ
ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА

ЦЕНТР КОРЕЕВЕДЕНИЯ

Серия «Корееведение в Центральной Азии»
Том 4

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОРЕИ

Кандидат исторических наук, доцент Ужкенов Е.М.
Кандидат исторических наук, доцент Шотанова Г.А.

Алматы
2020

УДК 94 (519)
ББК 63.3 (5К00)
У 33

Рецензенты:

СНС отдела истории древнего и средневекового Казахстана и сопредельных стран ИИЭ. А.Р. Аренова

Кандидат исторических наук, внс отдела этнологии и антропологии ИИЭ Г.У. Орынбаева

Доктор исторических наук, профессор А.А. Галиев

История средневековой Кореи: монография/ Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А.

Алматы, 2020. – 147 с.

ISBN 978-601-270-501-0

Рекомендовано к изданию Ученым Советом Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (протокол № 5 от 28.12.2020г.)

Основная цель монографии состоит в том, чтобы дать общее представление об истории Кореи, показать его место в историческом и культурном развитии Восточноазиатского региона. Для этого нами рассматриваются проблемы этногенеза корейцев, их контакты с другими государствами и народами, основные события политической истории и социально - экономического развития, а также религиозной жизни общества.

This work was supported by the Core University Program for Korean Studiethrough the Ministry of Education of the Republic of Korea and Korean StudiesPromotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250007)

УДК 94 (519)
ББК 63.3 (5К00)

© Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А., 2020
© КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ФЕОДАЛЬНОЙ КОРЕИ И ИХ ОПИСАНИЕ	8
1.1 Историографическое значение «Самгук саги» / «Исторические записки трёх государств» Ким Бусика. Перевод летописного сочинения Ким Бусика М.Н. Паком	8
1.2. Летописные ведомства феодальной Кореи: Сагван и Чхунчхугван	43
1.3. Корейская средневековая проза в ее историческом и жанровом развитии (Л. Концевич)	46
1.4. Принципы официальной историографии королевства Чосон	61
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ: КОГУРЁ, ПЭКЧЕ И СИЛЛА	69
2.1. Когурё	70
2.2. Пэкче	74
2.3. Силла	77
ГЛАВА 3. ОБРАЗОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ	83
3.1. Хронология Поздних Трёх государств	84
3.2. Образование государства Пархэ и проблема его этнокультурной принадлежности	88
3.3. Объединенное Силла к концу IX — началу X века: причины распада единого государства	89
ГЛАВА 4. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА КОРЁ В X - XI ВЕКАХ	94
4.1.Первое объединенное государство – Корё	94
4.2. Военные походы монголов в Корё и подчинение Корё монгольской династии Юань Китая	97
4.3. Дипломатические отношения между Корё и монголами. Подчинение Корё монгольской династии Юань Китая	103
Глава 5. ГОСУДАРСТВО КОРЁ В XIV ВЕКЕ И ПРИХОД К ВЛАСТИ НОВОЙ ДИНАСТИИ ЛИ	108
5.1. Социально-экономическое положение Корё в XIV веке	108

5.2. Попытки проведения реформ и приход к власти Ли Сонге	110
Глава 6. КОРЕЯ В XV — НАЧАЛЕ XVI ВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ЧОСОН РАННЕГО ПЕРИОДА	118
6.1. Борьба за власть в первые годы династии Ли	118
6.2. Правление ванов Тхэджона (1401 - 1418 годы) и Седжона (1419 - 1450 годы) - укрепление централизованного государства	120
6.3. Корея во второй половине XV - XVI веках. Ориентация на «идеалы древности»	126
Список рекомендованной литературы	132
Приложение 1 (СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ)	136

Введение

Настоящее учебно-методическое пособие призвано восполнить пробелы студентов по такому интересному и загадочному периоду как средневековье на Корейском полуострове. Долгое время средневековье являлось одним из тех периодов, где теория европоцентризма выступала во всей красе. Так, феодальные распри и строительство замков были неотъемлемым атрибутом, и во многом символом средневековой Европы, а наличие рыцарей и принцесс воспринималось в исторической науке как нечто само по себе естественным. История в странах Дальнего Востока занимает свое место в копилке общечеловеческих достижений. Именно при изучении истории данного региона появилась другая, противоречащая традиционному историческому миропониманию, точка зрения на средние века. Так, вместо традиционного для Европы права сильного, в Танском Китае, а чуть позже и в Корее, были введены впервые в истории человечества экзамены на занятие вакантной должности, вне зависимости от происхождения кандидата. Вместо битв по тысяче человек в Западной Европе, территорию Кореи и Китая сотрясали сражения, в которых количество участников превышало 100 000 человек. Интерес к истории средневековой Кореи долгое время еще подогревался и тем, что современная и традиционная архитектура до сих пор соседствует между собой, а прекрасная сохранность образцов монументальной архитектуры привлекает в настоящее время толпы туристов. Богатая, своеобразная культура Корейского полуострова также в свое время подвергалась дискриминации, поскольку и происхождение государств, и происхождение культуры, а также и происхождение письменности воспринималось через призму роста и влияния китайской культуры. Так, первое образование государства на территории нынешней Кореи, в традиционной историографической среде Китая присуждалось беглым воинам, торговцам или другим представителем именно китайского этноса. И только растущее самосознание корейского народа именно в эпоху средневековья сформировало и смогло убедительно доказать автохтонность своего государства и своей культуры.

Своеобразие средневековой истории Корейского полуострова заключается в нескольких моментах, которые достаточно подробно освещены в данном пособии. Так, самостоятельная письменная традиция во много сформированная именно в этот период, так или

иначе повлияло на сохранение собственной этнической идентичности, особенно в период японской оккупации. Важность, а также подробное описание письменной традиции дано в первой главе настоящего пособия, «ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ФЕОДАЛЬНОЙ КОРЕИ И ИХ ОПИСАНИЕ». Значение историографических сборников, а также культурных и литературных традиций, не подвергаются сомнению. По мнению авторов, при наличии таких же традиций у окружающих средневековый Китай соседей, Китай до сих пор бы оставался в пределах бассейна великих рек и не менее Великой китайской стены.

Вмешательство Китая в дела соседних государств лучше всего может быть представлено в период Троецарствия, когда борьба между тремя государствами, Когуре, Силла и Пэкче, привело к интервенции Сунского Китая, что в свою очередь привело к интернационализации конфликта и установлению крепких международных связей между великими государствами Дальнего Востока: Китая, Кореи и Японии. Подробно о перипетиях и основных вехах этого периода дано во второй, «ФОРМИРОВАНИЕ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ: КОГУРЁ, ПЭКЧЕ И СИЛЛА», и третьей, «ОБРАЗОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ», главах.

По мере укрепления принципа единоначалия, идет процесс формирования единого государства, что является самым важным событием в истории Кореи. Формирование единого государства с сильным и независимым правителем, но под общей протекцией Китая, происходило на фоне дальнейшего развития феодальных отношений. Здесь хотелось бы подробнее объяснить будущему читателю, что в отличии от европейского сценария развития средневековой истории, Корея в тот же период, так и не пришла к раздробленности, феодальные распри скорее служили причиной формирования новых государств на ее территории, но не отдельных полусамостоятельных княжеств. Так, с этой точки зрения представляется интересным процесс возникновения позднего Пэкче и позднего Когуре, которые во многом возникли на базе крестьянских волнений. Сам момент формирования Коре подробно описан в четвертой главе, «ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА КОРЕ В X - XI ВЕКАХ».

Крепкое и независимое государство в свою очередь постоянно подвергалось различным испытаниям, одним из которых было нападение кочевых племен. Следует заострить внимание на тот факт, что Корея сама по себе никогда не служила самоцелью завоевателей,

а только как часть большого плана по завоеванию Китая. В этом ее отличие в средневековый, да и, пожалуй, и в более поздний период истории. Дальнейший рост государства и основные эпизоды истории Коре в этот период подробно указаны в пятой главе «ГОСУДАРСТВО КОРЕ В XIV ВЕКЕ И ПРИХОД К ВЛАСТИ НОВОЙ ДИНАСТИИ ЛИ». Падение Коре и восстановление древнего названия Чосон, являлись символом роста самоидентификации корейского народа и положили начало собственной, мифологизированной истории, в том числе и претензия на всю территорию древнего Чосона, который, как известно, выходил за пределы собственного Корейского полуострова.

Шестая и заключительная часть учебно-методического пособия посвящена позднему средневековью, когда Корея впервые сталкивается с новыми завоевателями из Маньчжурии и Японии, а также непосредственного контакта с европейскими путешественниками.

В целом, авторами данного пособия была предпринята попытка обзора всей средневековой истории, хотя мы и отдавали себе отчет в грандиозности сего замысла. Подобные обзоры необходимы студентам для концентрации на главных, узловых моментах истории средневековой Кореи. Подробное описание этих узловых моментов во многом связано и методологией данного вопроса, поскольку во отечественной исторической науке нет четкого определения даже хронологических рамок корейского средневековья. Во многом это связано, что долгое время история Кореи не была самостоятельным предметом, а познавалась через призму событий в Китае, а позднее и Японии. Большим упущением являлось то обстоятельство, что именно в средневековый период были предтечей будущего расцвета Кореи, например, письменность, самоназвание, современное административное деление, разница в менталитете и культуре двух современных Корей, все это до сих пор является преемником именно тех изменений, которые сложились в средневековый период.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ФЕОДАЛЬНОЙ КОРЕИ И ИХ ОПИСАНИЕ

1.1. Историографическое значение «Самгук саги» / «Исторические записки трёх государств» Ким Бусика. Перевод летописного сочинения Ким Бусика М.Н. Паком.

Сочинение Ким Бусика (1075—1151) Самгук саги («Исторические записки трех государств», дата издания— 1145 г.) — определенный этап в развитии корейской историографии и культуры. Значение этого труда состоит не только в том, что это самый ранний из сохранившихся памятников корейской историографии, дающий систематическое хронологическое изложение истории Кореи на протяжении почти целого тысячелетия (I в. до н.э. — IX в.н.э.), но и в том, что в нем подведены итоги предшествующего историописания и заложены важные основы дальнейшего развития официальной (государственной) феодальной исто-риографии в Корее.

Уже с появлением трех раннефеодальных государств в Корее историография стала предметом особых забот господствующего класса, обусловленных целями защиты и укрепления его политических и идеологических позиций. При этом правители новых государств могли опереться на готовые образцы письменности и историографических традиций, сложившихся в соседнем Китае. Эпиграфические памятники Кореи, как, например, стела когурёского вана Квангэтхо (воздвигнутая в 414 г.), свидетельствуют о том, что китайская письменность получила в стране достаточное распространение и стала весьма заметным фактором развития местной литературы и культуры [6]. В свою очередь, корейские государства Когурё и особенно Пэкче сыграли важную роль в распространении в соседней Японии (в государстве Вэ, или Ямато) не только китайской письменности, но и религиозно-этических и социально-политических идей конфуцианства и буддизма, проникших в Корею из китайских государств, а также своих собственных достижений в развитии ремесел и искусств и, очевидно, в составлении официальных хроник и иной литературы.

В Самгук саги сообщается о том, что в самом начале существования государства Когурё, когда впервые стали употреблять китайскую письменность, некто составил в ста книгах хронику событий под названием Юги («Записки о прошлом»), а затем в 11-м году правления (600 г.) ван Ёнъян повелел профессору Высшей

школы Ли Мунджину сократить это сочинение, и в результате появилось сокращенное сочинение под названием Синджип («Новое собрание») в пяти книгах. Названные сочинения, как и многие другие, созданные в период Трех государств, не сохранились до наших дней: они погибли, видимо, в огне многочисленных военных пожаров, прокатившихся по корейской земле [1].

Почти одновременно с Когурё началось составление исторических хроник в государстве Пэкче. В Самгук саги (со ссылкой на «Древние записки» — Коги - указано, что «со времени основания государства Пэкче» (очевидно, имеются в виду времена легендарного «основателя») не велось письменные записки событий и только с 30-го года правления вана Кынчхого (375 г.) «благодаря профессору Кохыну появились «Исторические записки (Соги)». Подробных сведений ни о Соги, ни о его авторе не сохранилось. Однако несомненно, что это было начало официального летописания, связанное с общим процессом формирования идеологической и политической надстройки в Пэкче. Затем в Пэкче появилась серия исторических сочинений. В Нихон секи (японской исторической хронике, составленной в VIII в.) можно найти многочисленные ссылки на такие сочинения, как Пэкче ги («Записки Пэкче»), Пэкче почги («Летописи Пэкче»), Пэкче синчхан («Новое собрание [истории] Пэкче») [2].

Несколько позднее началось летописание в Силла. В шестом году правления вана Чинхына (545 г.) тэачхан Кочхильбу получил повеление вана собрать ученых и приступить к составлению истории государства (кукса), при этом ван полностью поддержал соображения, изложенные в докладе ичхана Исабу, который писал: «История государства, описывая добродетели и пороки государей и их слуг, показывает их достоинства и недостатки десятку тысяч [будущих] поколений, и, если не составлять истории, как могли бы видеть их (достоинства и недостатки) последующие поколения». Конкретных сведений о развитии историографии Силла так же мало, как и об историографии двух других государств, поскольку не сохранились даже те немногие сочинения, которые упоминаются в Самгук саги [3]. Так, например, лишь по упоминаниям и цитатам в Самгук саги известен живший в первой половине VII в. (правление вана Сондок) историк Ким Дэмун, «выходец из аристократической семьи», занимавший на государственной службе должность управителя (тодок) области Хансанджу, и его сочинения: Косынджон («Биографии высших священников»), Хваран сеги («Описание

поколений хваранов»), Хансанги («Описание (области) Хансан»), Керим чапчон («Разные ксримские (силлаские) биографии»).

Уже составитель Самгук саги не смог воспользоваться сочинениями таких силласких авторов, как Пак Инбом, Вон Голь, Ко Ин, Ким Унгсн, Ким Сухун, поэтому он ограничился только перечислением их имен в биографическом разделе своего сочинения. По цитатам и ссылкам в Самгук саги нам известны названия целого ряда историографических трудов: Коги («Древние записи»), Самхан коги («Древние записи Самхана (трех Хан)»), Силла коги («Древние записи Силла»), Силла коса («Старинные деяния Силла»), Силла кукки («Записи государства Силла»), Силла ги («Записки Силла»), Силла чонги («Биографические записи Силла»), Силла джи («Описание Силла»), Хэдон коги («Старинные записи Восточного Приморья»). Эти сочинения, использованные в труде Ким Бусика, вероятно, принадлежали к периоду Объединенной Силла или к началу государства Коре [3].

С утверждением новой династии Коре (в 918 г.) и с созданием под ее властью централизованного феодального государства, которое преодолело феодальную раздробленность, возникшую в конце существования государства Силла (IX в.), новый импульс получила и государственная (официальная) историография как важное средство укрепления власти новой феодальной династии. Основным начинанием новой династии была систематизация материалов по собственной истории — составление так называемых истинных записей (силлок) по царствованиям, а также написание истории предшествующей династии (или династий). Наиболее известным трудом по истории предшествующих династий стали «Исторические записи трех государств». Известны упоминания о ряде других исторических сочинений этого периода, например, Когымнок («Записи о прошлом и настоящем», автор — Пак Иннян), Хэдон самгук тхоннёк («Общая история трех государств Восточного Приморья», т.е. Кореи, автор — Ко Дык-сан), Хэдон самгукса («История трех государств Восточного Приморья» неизвестного автора). И непосредственно предшествовало появлению исторического труда Ким Бусика сочинение Ку самгукса («Старая история трех государств»), о котором известно из сохранившегося сочинения Ли Гюбо Тонмёнван пхён («Книга о ванае Тонмёне») [1]. Таким образом, до составления Самгук саги Ким Бусика существовала серия сочинений корейских историков, посвященная прошлой (до воцарения династии Корё)

истории. И тем не менее особое место Самгук саги определялось сугубо официальным характером этого сочинения, составленного по повелению вана Инджона (1123—1146). Может быть, именно с этого времени утвердился в феодальной Корее тот твердый порядок, согласно которому составление исторических сочинений стало исключительной привилегией государств [4].

С какого именно времени возникли специальные государственные учреждения, занимавшиеся составлением исторических трудов или контролем за содержанием исторических работ, точно неизвестно. Во всяком случае, издание их вначале было посылно только государству. Достоверно известно, что с начала периода Корё уже существовало специальное правительственное учреждение, ведавшее историографией. На протяжении большей части феодального периода оно называлось Чхунчхугван (Управление по истории, или Управление «Вёсен и осеней»), которое нередко объединялось с Емунгван (Управление по составлению королевских [ванских] бумаг). Изменения в названиях этого учреждения и в его штате подробно описаны в Корёса:

«Чхунчхугван занимается записью деятельностью текущего правления. В начале государства [Корё] он назывался Сагван (Историческое управление) и надзирал за составлением истории государства. Первый министр (сиджун) совмещал в нем [должность] редактора истории государства (сугукса). Его заместителем (тонсугукса) по совместительству должен был быть чиновник выше второго ранга. [Должность] чиновника по составлению [истории] (сучхангван) совмещает чиновник ниже третьего ранга из ученого управления Халлимвон (Академии). Четыре человека занимали должность прямых [исполнителей] Исторического управления (чиксагаан), из которых двое через звание служащих (квонму) поднимались до звания исполнителей управления (чиккван). Они имели чин восьмого ранга [5].

В годы правления Коджона (1214—1259) вместо звания чиккван снова установлено [звание] квонмугван (чиновника-исполнителя). В тридцать четвертом году правления вана Чхунёля (1247 г.) и в начале правления вана Чхунсона (1308 г.) после объединения [этого управления] с ученой канцелярией Мунхансо был образован единый Емунчхунчхугван (Управление по королевским бумагам и по истории). В двенадцатом году [правления] вана Чхунсука (1325 г.) он снова был разделен на Емунгван и Чхунчхугван, [причем] в

управлении Чхунчхугван были предусмотрены по одному человеку в должностях составителя (сучхан) и комментатора (чубо) и два человека в [должности] корректора (комель), которые затем были заменены должностями помощника (конбон) [в чине] полного седьмого ранга, сучхан [в чине] полного восьмого ранга и комель [в чине] полного девятого ранга. Была также должность начальника управления (ёнганса) или надзирателя (камгвана), которую занимал главный министр (сусан). Должности управляющего делами (чигванса) или его заместителя (тончигванса) занимали чины выше второго ранга. На должность старшего составителя (кыксучхангван), старшего редактора (кыкпхёнсугван) и редактора (пхёнсугван) назначаются по совместительству чины не ниже третьего ранга.

В пятом году правления вана Конмина (1356 г.) Чхунчхугван стал снова называться Сагван (Историческое управление), и в его составе учреждены должности одного чиновника-редактора (пхёпсугван) полного седьмого ранга, одного корректора (комель) в чине полного восьмого ранга, два служащих (чиккван) в чине полного девятого ранга.

Далее в описании Исторического управления содержится письмо на высочайшее имя, поданное в 1389 г. (первом году правления вана Конъяна) чиновником этого ведомства Чхве Генном. В письме содержатся оценка направления деятельности учреждения и предложения по улучшению его дел, пришедших в упадок к концу правления династии Корё:

«Ввиду того что обязанность чиновников Исторического управления состояла в том, чтобы прямо писать о словах и действиях государей и делах их правления, а равно о правоте и неправильных [действиях] подданных, об их достоинствах и недостатках, не было государств, в которых не придавали бы значения должности историков (саджик). Настолько важны были эти обязанности, что и при нынешней династии (Корё) были учреждены управления Емунгван и Чхунчхугван, куда отбирали восемь человек, известных своей ученостью, и назначали их на должности ученых-историков, а в качестве управляющих ими назначали по совместительству самых высоких по положению чиновников. Но в последние годы обе сферы — составление историй и сочинение государевых бумаг — совмещаются чиновниками и не оправдывают своего назначения, так как четыре чиновника в ранге ниже помощника (конбон), занимающие эти должности, не в состоянии подготовить

необходимые записи. Поэтому не может не подрываться сама идея учреждения государством (должностей по) истории.

Переведенное письмо было написано в последние годы государства Корё, когда власть в стране фактически находилась в руках сторонников реформ во главе с Ли Сонге (будущим основателем династии Ли). В нем отражается стремление новых сил укрепить государственное дело по историографии, пришедшее в упадок с ослаблением централизованного государства.

Иную картину представляла государственная историография в период составления Самгук саги. Судя по титулам, которые были присвоены Ким Бусику (они перечислены перед каждой книгой Самгук саги для характеристики подающего это сочинение на высокое рассмотрение монарха), он принадлежал к числу лиц, имевших наибольшие заслуги перед династией и занимавших самое высокое положение в государстве Корё. Он был одним из трех знатнейших (самгон), обладавших наивысшим чиновным званием (тхэбо), и, не будучи представителем царствующего рода, был приравнен к ним, имел два титула заслуженного сановника, пожизненно носил титул главы (пханса) правительственного совета (Сансосон), т.е. первого министра, совмещая этот пост с должностями управляющего (министра) двух из шести правительственных ведомств (Ведомства чинов — Рибу и Ведомства обрядов и церемоний — Ребу), носил наивысший (первый) чиновный ранг «столпа государства» и т.д. Наряду с этим ему были присвоены также звания члена (тхэхакса) Придворной академии — Чипхёнджон («Павильон собрания мудрецов») и Главного государственного историографа (камсу кукса) — надзирателя над составлением истории государства — пост, который занимал самый выдающийся из конфуцианских ученых и государственных чиновников страны.

Именно в качестве высшего сановника государства Ким Бусик возглавлял и направлял работу чиновников Исторического управления при составлении Самгук саги. Он выступал главным редактором (пхёнсу), руководившим деятельностью коллектива чиновников — авторов, которые называли себя «участниками» (чхамго). В конце Самгук саги перечислены их имена: Ким Ёнон, Чхве Убо, Ли Хванджун, Пак Тонге, Со Анджон, Хо Хонджэ, Ли Онмун, Чхве Санбо. Кроме того, два чиновника - «надзирателя» (камгу) осуществляли организационную работу. Надо полагать, что идейно-политическая ориентация авторского коллектива, состоящего

из государственных чиновников, определялась самим Ким Бусиком, государственным деятелем, оказавшим решающее влияние на определение внутренней и внешней политики Корё в правление вана Инджона.

Ким Бусик был главой конфуцианской группировки правящей аристократии Корё, борющейся за укрепление централизованного феодального государства во главе с монархом-ваном в условиях, когда это государство стало проявлять первые признаки ослабления в связи с ростом классовых и политических противоречий корёского феодального общества¹. Непрерывный рост крупного землевладения феодалов при сохранении общей государственной системы эксплуатации всего крестьянства приводил только к усилению феодальной эксплуатации со стороны как отдельных феодалов, так и феодального класса в целом, представленного в лице феодального государства. Поэтому нарастающее недовольство крестьян, вылившееся во второй половине XII в. в серию крестьянских восстаний, пока проявлялось в разнообразных формах сопротивления, включая и поддержку крестьянами выступлений местных, оппозиционных правительству сил феодалов против центрального правительства. С другой стороны, с возрастанием экономического могущества крупных феодалов на местах (чему способствовали и земельные раздачи правительства) усиливались произвол и стремление укрепить свое политическое влияние на центральное правительство, вана и даже подчинить их своему контролю.

В начале XII в. эти тенденции усилились. Пример тому — появление среди крупных феодалов такой фигуры, как Ли Джагём, семейство которого уже на протяжении трех поколений выдавало своих дочерей замуж за ванов (дед Джагёма Ли Джаён умудрился всех трех своих дочерей сделать женами вана Мун-джона). Сам Ли Джагём также женил вана Инджона на двух своих дочерях и приобрел громадную власть в правительстве. И когда ван попытался устранить его и взять бразды правления в свои руки, Ли Джагём пустил в ход свои собственные войска. Бои развернулись прямо на улицах корёской столицы Кэгён — были сожжены дворцы вана, убиты его приближенные. Только через год удалось изгнать Ли Джагёма.

В борьбе против засилья крупных феодалов ван мог рассчитывать прежде всего на поддержку среднего слоя служилых феодалов, которые были заинтересованы в сохранении и укреплении центральной власти, обеспечивавшей их благополучие как

правительственных чиновников. К этому слою принадлежали и многие потомки старой силлаской аристократии, перешедшей на сторону государства Корё. Из старинной аристократии Силла происходил и Ким Бусик, сделавший политическую карьеру в борьбе против крупных местных феодалов. Необходимость ограничения власти крупных феодалов на местах диктовалась и международным положением Корё — в XII в. после ряда киданьских нашествий возникла новая угроза со стороны чжурчжэней, установивших свое господство (династию Цзинь) над Северным Китаем.

В биографии Ким Бусика, помещенной в Корёса, первой его заслугой признана победа над Ли Джагёмом, когда путем апелляций к конфуцианским традициям Ким Бусик сумел доказать незаконность претензий Ли Джагёма поставить себя как отца великих княгинь (жен вана) выше самого монарха.

Когда Ли Джагём открыто домогался признания своих «родительских прав», чтобы быть выше вана, Ким Бусик, в то время всего лишь смотритель (тэдже) придворной библиотеки (Помунгак), решительно выступил против этих притязаний, ссылаясь на исторические примеры Ханьской и других китайских династий, когда даже отец царствующего монарха, несмотря на святость конфуцианских отношений между отцом и сыном (принцип сыновней почтительности), должен был признать себя подданным своего сына-монарха. Ким Бусик указывал, например, что отец (тайгун) основателя Ханьской династии Гао-цзу сказал: «На небе не бывает двух солнц, а на земле — двух государей, поэтому император, хотя и сын, является государем, а тайгун, хотя и отец, является подданным». И тем более не могут быть признаны выше государя его предки по материнской линии (Ли Джагём — отец государынь, жен вана). Ким Бусик признал еще более незаконными попытки Ли Джагёма воздать царские почести своим предкам, а свой день рождения превратить в государственный праздник (инсуджоль): «Ким Бусик сказал, что издревле не было такого, чтобы день рождения назывался праздником. И только со времен [правления] танского Сюань-цзуна (VIII в.) день рождения императора стали называть Праздником на тысячу лет... Это означало победу Ким Бусика над Ли Джагёмом, который не смог выдвинуть аргументированных доводов в пользу своих притязаний. Уже в четвертом году правления вана Инджона Ким Бусик значительно продвинулся в чиновной иерархии до уровня министра, получив ряд званий этого уровня, вплоть до члена

Придворной академии (халлим хакса).

Подлинным триумфом в политической карьере Ким Бусика стала его победа над феодалами Северо-Западной Кореи (из западной столицы Согён — современный Пхеньян) во главе с буддийским монахом Мёчхоном. Раз-громом клики Ли Джагёма не завершилась борьба различных группировок правящего класса за захват центральной власти. С такими претензиями выступили и влиятельные феодалы Северо-Запада, которые энергично боролись за подрыв господствующего положения столичной знати в Кэгёне. Они почти перетянули на свою сторону вана Инджона, который нуждался в опоре после разгрома Ли Джагёма, уговаривая его переехать в Согён и учредить там ванскую столицу. При этом глава феодалов Северо-Запада Мёчхон проповедовал геомантические идеи о том, что счастье людей зависит от того, насколько благоприятно место расположения их жилища и могил предков, а судьба государства — от того, насколько удачно выбрано место для столицы. Мятеж Ли Джагёма и другие неурядицы последнего времени сторонники Мёчхона объясняли неудачным расположением столицы — г.Кэгёна, на которую неблагоприятно влияют духи, и предлагали перенести резиденцию вана в Согён, рассчитывая в этом случае приобрести решающее влияние на монарха и захватить в свои руки центральное правительство. Через своих сторонников в Кэгёне они достигли немалых успехов, ван Инджон заколебался и в двенадцатом году своего правления (1134 г.) собирался даже выехать в Согён. Но эти планы не могли не встретить самое упорное сопротивление столичной (кэгёнской) чиновной знати. Против проповедуемых Мёчхоном идей наиболее убедительные для вана Инджона аргументы выдвинул Ким Бусик.

В следующем году (1135 г.) Мёчхон, Чо Гван, Лю Гам со своими сторонниками подняли мятеж против центрального правительства. Они провозгласили создание нового государства «великих деяний» и хотели объявить Корё империей, чтобы противопоставить себя чжурчжэньской династии Цзинь в Китае. Ван назначил Ким Бусика главнокомандующим в звании маршала (вонсу) и поставил его во главе центральной армии, подчинив ему командующих армиями левого и правого крыла. Еще до начала похода по указанию Ким Бусика были убиты находившиеся в Кэгёне сторонники мятежных феодалов Северо-Запада — Чон Чисан, Ким Ан и Пэк Сухан. Затем началась длительная и напряженная борьба против восставших

согёнских феодалов и поддерживавшего их населения. Были приняты меры против распространения мятежа — заняты другие города, а восставшие изолированы в Согёне. Ким Бусик, прежде чем приступить к активным военным действиям против осажденных в Согёне, решил расколоть мятежников. Пойманного лазутчика мятежников Ким Бусик вернул в осажденный город, чтобы он передал, что «великой армии» нужно поймать и наказать лишь «горсточку главарей мятежников, что те, кто явится с повинной, не будут наказаны. Неоднократно было повторено обещание через листовки, направляемые в лагерь мятежников. В результате среди главарей мятежников появились изменники. Убив своих вожаков — Мёчхона, Лю Гама вместе с сыном, с отрубленными их головами явились в лагерь карателей парламентарии восставших Юн Чхом, Чо Чханон и прочие. Ким Бусик распорядился принять их радушно, но это вызвало нарекания со стороны соперников в правительстве. Первый министр Мун Гонин и другие в петиции на имя вана упрекали Ким Бусика в том, что, вместо того чтобы сразу брать Согён, он ведет переговоры с мятежниками, что необходимо привезти парламентариев в столицу и наказать. Это известие укрепило решимость Чо Гвана и других главарей мятежников усилить сопротивление. Операция по подавлению мятежа приняла упорный и затяжной характер. Правительственными армиями, занявшими ближние и дальние подступы к городу, пришлось перейти к систематической осаде хорошо защищаемой крепости. В обороне ее принимали активное участие даже женщины и дети, которые срывали с крыши черепицу и бросали в солдат. Взяв курс на длительную осаду, рассчитанную на истощение сил осажденных, Ким Бусик так окружил Согён серией малых укреплений, что через год осады мятежники и население Согёна были доведены до крайнего истощения, и участились случаи сдачи в плен.

Решив, что настало время для штурма, Ким Бусик приказал возвести вдоль стен осажденной крепости высокие земляные насыпи, на устройство которых были собраны десятки тысяч людей, как солдат, так и окрестных жителей, включая и несколько тысяч буддийских монахов. Попытки осажденных завладеть этими насыпями оказались безуспешными, так как их встречали камнями из катапульт, а также огненными шарами из горючих материалов. После сооружения насыпей высотой восемь чан (саженей), длиной более 70 чан и шириной более 18 чан Ким Бусик собрал пять армий и

стал штурмовать, но неудачно. Восставшие даже пытались возвести новую цитадель внутри крепости, но это было бесполезно в условиях начавшегося штурма правительственных армий (во втором месяце 1136 г.). В биографии Ким Бусика в Корё са подробно описаны движения всех частей правительственных армий и капитуляция побежденных. В наказание все согёнское население было переведено в «подлое состояние, члены семей главарей мятежа были сосланы в качестве рабов (ноби) в северо-восточный район страны, а всех активных участников мятежа убили. Ликвидация мятежа, поднятого сторонниками Мёчхона, была признана выдающейся заслугой Ким Бусика. Уже в третьем месяце ван жаловал ему парадное одеяние, ездовую лошадь, золотой пояс, золотой сервиз для вина и другие предметы, сопроводив их личным посланием, в котором отмечались его исключительные политические и воинские таланты, способствовавшие ликвидации мятежа и мятежников, и сообщалось о возведении его в многочисленные звания в соответствии с заслугами. И в последующие годы Ким Бусик получал новые звания и награды.

В двадцать третьем году правления (1145 г.) в связи с завершением Ким Бусиком истории трех государств (Силла, Когурё и Пэкче) ван Инджон пожаловал его дорогим вином (хваджу). Следующий ван, Ыйджон, возвел его в сан князя-основателя округа Аннан (Лолан), а также пожаловал кормовым округом (сигып) из одной тысячи дворов и ленным владением (сиксильбон) из 400 дворов, поручив одновременно составление истории (истинных записей — силлок) правления вана Инджона. Умер Ким Бусик в пятом году правления Ыйджона (1151 г.) на 77-м году жизни [6].

Как политический деятель, и как историк Ким Бусик был ревностным защитником идеи укрепления централизованного государства Корё в духе конфуцианских принципов. Пропаганда конфуцианских идей в историческом сочинении Ким Бусика имела особое значение в процессе утверждения конфуцианства как идеологии централизованного феодального государства в Корее, поэтому кратко остановимся на истории идейно-политической борьбы между сторонниками и противниками государственной централизации на основе принципов конфуцианства.

Как уже отмечалось, после основания Ван Гоном династии Корё централизованное государство складывалось в течение длительного времени — почти столетие. Причем после смерти Ван Гона (943 г.) завязалась ожесточенная борьба за престол между его

сыновьями, в которую вступили и влиятельные местные феодады (ходжок), представители боковой (женской) линии родственников правящей династии. Как показано в исследованиях Ким Чхольджуна, в правление вана Кванджона (950—976 гг.) были заложены основы социально-политической и идеологической консолидации страны в качестве нового средневекового централизованного государства [7]. В числе мер по укреплению центральной власти вана в период его правления в 956 г. была предпринята ревизия лиц крепостного состояния (ноби ангом поп), которая должна была выявить незаконное порабощение крупными феодалами государственных крестьян, а в 958 г. была введена конфуцианская система государственных экзаменов (квато), направленная на отбор чиновников не по происхождению, а по способностям. Однако новые люди по-прежнему выдвигались далеко не в соответствии с их способностями, и старая знать вовсе не хотела терять своего влиятельного положения. По словам одного современника (Чхве Сынно), «независимо от того, мудр или способен, все домогаются особых милостей и особого почета, поэтому родившиеся позже вырываются вперед, а старые добродетели постепенно истлевают. Оценивая важность китайских обычаев, не могут воспринять китайские законы, почитая китайских ученых, не могут обрести мудрость и таланты Китая». Здесь явно отразился ропот тех, кого не устраивали происходившие изменения, рассчитанные на подчинение местной землевладельческой знати власти центрального правительства. И это сопротивление продолжалось, хотя при Кванджоне в 976 г. была проведена важная реформа — закон о наделении чиновников полями и пустошью (чонсиква), который все частновладельческие земли объявлял государственными наделами, даваемыми в соответствии с чиновными рангами [8].

Серьезные шаги были предприняты ваном Кванджоном и в идеологической области. Расцвет буддийской секты сон (кит. чань, яп. дзэн) в поздний период государства Силла свидетельствовал не только о религиозно-идеологической, но и о социально-политической обстановке, связанной с распадом центральной государственной власти. Поэтому ван стремился преодолеть разрыв между враждующими сектами кёджон (кит. цзяо-цзун) и сонджон (кит. чань-цзун), представители которых были крупными землевладельцами на местах, и объединить их в составе новой буддийской секты чхонтхэ (кит. тянь-тай). В период Пяти династий (У-дай) по просьбе правителя княжества Уюэ ван Кванджон направил

в Уюэ проповедника Чегвана для изложения учения чхонтхэ. Там Чегван составил одно из основополагающих сочинений о принципах чхонтхэ — «Четыре закона чхонтхэ». Корёский проповедник Ыйтхон в Уюэ стал тринадцатым патриархом секты тянь-тай. Кванджон проявлял интерес и к идеям китайской буддийской секты фаянь, которая выступала не только за взаимопонимание между буддийскими школами, но и за объединение на общей платформе — конфуцианства, буддизма и даосизма [7].

Судя по записям в Корё са, первостепенное внимание в идеологическом плане уделялось все же осуществлению идеалов конфуцианской добродетели, конфуцианской политической системы централизованного государства. Однако в следующее царствование — Кёнджона — произошел отход от этих, может быть поспешных, шагов в борьбе против влиятельной местной феодальной знати. И только в правление Сонджона (982—997 гг.) стали осторожно возвращаться к на-чинаниям Кванджона [9].

Первую попытку систематического изложения конфуцианских идеалов для правительства Корё сделал Чхве Сынно в своих произведениях «Оценка политических достижений пяти царствований» (Оджо чонджок пхён) и «Двадцать восемь актуальных задач» (Симу исиппхаль чо) и подал их в виде петиций вану Сонджону в первый год его правления.

В первом сочинении автор характеризует правление пяти монархов начального периода династии Корё. При изложении фактической истории правления (отношения с киданями и чжурчжэнями, политика подчинения правителей Хубэкче и Силла и т. д.) основателя династии — Тхэджо, или Ван Гона, Чхве Сынно изобразил его необыкновенной личностью. Своим обликом он был достоин царского величия» [10]. В этом гиперболическом изображении личности Тхэджо проявилось стремление рассматривать недавнюю историю через призму конфуцианского идеала государственного управления. Как отмечает Ким Чхольджун, «такая оценка Тхэджо показывает представление об (истории) основания государства Коре как об идеальной с точки зрения конфуцианского политического эталона и поэтому может считаться началом утверждения конфуцианского политического идеала в Корё» [10]. В характеристике остальных четырех царствований (от Хеджона до Кёнджона) также отразилось новое понимание Чхве Сынно истории — с точки зрения конфуцианской исто-риографии.

«Двадцать восемь актуальных задач» посвящены отношению государства к идеологии и хозяйству буддийской церкви. Критика буддийской идеологии не была столь резкой, какая была характерна для конфуцианцев последующего периода. Автор утверждал приоритет текущих дел государственного управления: «Следование вере Сакья составляет основу совершенствования тела, а исполнение конфуцианских предписаний — источник государственного управления. Со-вершенствование тела означает богатство будущей жизни, а управление государством — обязанность сегодняшнего дня; сегодня — близко, а будущая жизнь далека, отвергать близкое во имя далекого — разве это не ошибка?». Более умеренной выглядит и критика в отношении монастырского хозяйства по сравнению с критикой периода династии Ли: критикуются, например, излишества в отправлении буддийских ритуалов. Было предложено преобразование государственных учреждений, в частности совершенствование провинциальной администрации для предотвращения незаконных действий крупных землевладельцев. Но пред-лагаемые мероприятия предусматривали не столько сильную монархическую власть, сколько усиление центрального правительства как органа коллективной власти магнатов. Чхве Сынно предлагал, например, приостановить работу по ревизии крепостного состояния ноби и даже возратить прежним хозяевам ранее освобожденных ноби (если они «непочтительны» к прежним хозяевам и т.д.). В петиции речь шла и о заимствованиях из китайской культуры. Чхве Сынно считал, что церемониям, музыке, стихам, составлению династийных историй, прин-ципам отношений между государем и подданными, между отцом и сыном следует учиться у Китая, а подражать китайцам в одежде, жилье, средствах передвижения и прочих вещах повседневного быта необязательно [8].

Несомненно, что по предложениям Чхве Сынно в правление вана Сонджона были проведены важные реформы в административной (создание централизованного государственного аппарата в столице и на местах) и культурной (учреждение высшей школы для подготовки чиновников и пр.) сферах, укрепившие монархическую власть в стране. Усиление центральной власти экономически закреплялось законом о земельных наделах (чонсиква) и соответствующими положениями о статусе чиновников.

Внешнеполитической установкой Корё уже с начального периода правления вана Кванджона было намечавшееся подчинение

Китаю, «служение старшему и добрососедство» (садэ кёрин), получившее впоследствии название «низкопоклонства перед великим государством».

Конфуцианские идеалы государственного управления, которые сложились в X—XI вв., защищались и получили дальнейшее развитие в политической практике и в исторических работах Ким Бусика.

Мотивы, побудившие к составлению Самгук саги, были изложены в письме Ким Бусика при подношении этого сочинения вану Инджону. Отметив, что «три государства наших восточных пределов прошли через множество лет и надобно увековечить их деяния», он с сожалением отмечал тот печальный факт, что «нынешние ученые мужи, часто хорошо знающие и способные подробно разъяснить пять классических книг (каноны конфуцианства), сочинения мудрецов, а также историю прошедших эпох Цинь и Хань, когда речь заходит о делах нашего государства, оказываются в полном невежестве, не знают ни их начала, ни их конца. Одновременно он отмечал недостатки сохранившихся источников — китайские династийные истории, по его мнению, содержат очень краткие сведения о некитайских государствах, а местные древние записи, которые велись в трех государствах, «из-за грубого и несовершенного слога, из-за больших пропусков в фактических сведениях... непригодны для выявления добра или зла государей и государынь, преданности или вероломства их слуг, спокойствия или опасности в государстве, благоденствия или мятежности народа, что могло бы служить назиданием для потомков (курсив наш. — М.П.). Если судить, по выделенным словам, история Ким Бусику представлялась как история правления царей и их приближенных, которые определяли спокойствие страны и благополучие народа, и в истории он стремился выявить поучительные факты, могущие служить назиданием для грядущих поколений.

Понимание Ким Бусиком задач изучения истории было высказано помимо указанного письма в его комментариях — «рассуждениях» по поводу отдельных событий и фактов из истории трех государств. Причем для всех комментариев историографа Ким Бусика характерно стремление обосновать свои идеи ссылками на авторитеты мыслителей древнего Китая и оценивать события корейской истории, исходя из принципов конфуцианства, осмысленных по-своему Ким Бусиком. Самгук саги и сами комментарии Ким Бусика оказали большое влияние на утверждение

на корейской почве конфуцианской идеологии.

В «Летописях Силла содержится 10 комментариев Ким Бусика. Первый из них касается принципов датировки царствований правителей или определения начального года их правления (чхинвон поп). Ким Бусик отмечал, что «правило об установлении названий годам правления через год после восшествия правителя подробно изложено в Чунь-цю, и оно было законом, который не могли изменить прежние цари». Этому положению противоречил порядок, утвердившийся в Силла и других корейских государствах, где последний год того или иного правителя назывался начальным годом следующего (в рассматриваемом случае речь шла о восшествии Намхэ после Хёккосе в 4 г. н.э.). С точки зрения принципа, изложенного в Чунь-цю, «было неправильно, чтобы в год кончины прежнего вана [новый ван Намхэ] сразу же по восшествии устанавливал название годам своего правления. Но, с другой стороны, это можно считать заимствованием обычаев Шанской эпохи. Ким Бусик этим оправдывал то, что он в Самгук саги не придерживался первого принципа — юнён чхинвон поп, а следовал местной традиции, т.е. принципу чыкви чхинвон поп, или правилу называть первым годом правления год восшествия [1].

Второй комментарий относится к порядку титулования нецарствовавших родителей монархов. Ким Бусик приводил примеры из истории Китая, в частности доклад одного из чиновников, поданный по восшествии ханьского императора Сюань-ди, в котором говорилось: «Тот, кто усыновлен другим человеком, становится его сыном, и он не должен совершать жертвоприношений [духам] собственного отца и матери, ибо таков закон почитания предков». Ким Бусик считал, что «это соответствовало смыслу священных конфуцианских книг и являлось вечным законом, поэтому ему, как непреложному закону, следовали позд-нее ханьский император Гуаньэ и сунский Ин-цзун», и осуждал сложившуюся в Силла практику, когда давали титулы ванов нецарствовавшим родителям государей. Ким Бусик далее отмечал: «А в Силла, если родственник вана наследовал великое правление и становился государем, не было случая, чтобы он не возвеличивал своего [родного] отца званием вана. Более того, в этот сан возводился также и тесть. Но это [делалось] не по правилам этикета и ни в коей мере не может почитаться законом». В этих словах нельзя не усмотреть следы той острой борьбы, которую вел Ким Бусик в защиту сильной монархической власти против засилья

влиятельных родственников вана по женской линии, стремившихся поставить себя наравне или выше (как Ли Джагсм) вана.

В третьем комментарии Ким Бусик пытался с конфуцианских позиций рассмотреть особенности семейно-брачных отношений в Силла, где сохранились архаичные институты, унаследованные от догосударственного периода. Конфуцианские нормы требовали, чтобы соблюдалась строгая экзогамия патронимических групп. «Если берешь жену, не бери ее из однофамильных, дабы укрепить различия [между мужем и женой]», — говорилось в Ли цзи. Ким Бусик замечает, что в Силла «[дело] не ограничивалось тем, что брали [в жены] однофамильных: браки заключались даже между детьми родных братьев, а также между [двоюродными] братьями и сестрами по отцовской и материнской линии», но полагает, что «было бы большой ошибкой осуждать это, исходя из правил этики Срединного государства».

В четвертом комментарии Ким Бусик, опираясь на примеры из прошлого, выступает за то, что в истории следует отражать местные особенности, в частности титулы правителей Силла. Напомнив, что один из правителей назывался косоган, один — чхачхаун, шестнадцать — исагым, четверо — марипкан, Ким Бусик отметил, что, «когда знаменитый конфуцианский ученый последнего периода Силла Чхве Чхивон составлял „Хронологию царей, он всех называл ванами, не говоря ни о косогане, ни о других, и это, может быть, объясняется тем, что слова эти как захолустные считались недостойными упоминания». Ким Бусик решительно отстаивал необходимость сохранять в истории местные слова и понятия. При этом он сослался на то, что «известные исторические книги Срединного государства Цзо [чжуань] и Хань [шу]... сохраняли и гууту („тигренок) чуского языка, и чэнли гуту (сын неба) гуннского языка и пр.», поэтому при записи силласких деяний, по его мнению, «так же следует поступить с оставшимися местными словами». Как видно, Ким Бусик не хотел искажать историю даже во имя конфуцианских принципов.

Пятый комментарий касается фактов возведения на престол Силла дочерей правящего дома (Сондок и Чиндок). К царствованию женщин Ким Бусик, как ярый конфуцианец, относился крайне отрицательно, причем взгляды и представления своего времени он пытался перенести в прошлое, когда вовсе не существовало конфуцианских антифеминистских настроений. Что же касается участия женщин в делах государственного управления при династиях

Хань и Тан, Ким Бусик подчеркивает, что, хотя те женщины (Личжи, Учжао) при малолетних правителях и вершили делами государства, издавая указы, «исторические книги никогда не называют их царицами, а только пишут «великая императрица-супруга госпожа Лю» или «небесная императрица-супруга госпожа У». И далее он писал: «Недаром, касаясь Неба, говорят, что Ян (положительное, мужское начало) всесильно, а Инь (отрицательное, женское начало) — источник слабости, а касаясь людей — что мужчина достоин уважения, а женщина — презрения. И разве можно допустить, чтобы (какая-то) баба, покинув внутренние покои, пошла решать [важные] политические дела государства? Но в Силла брали женщин и возводили на ванский престол. Поистине, ввергали страну в пучину смуты, и поэтому еще счастье, что не погибло государство.

Шестой комментарий, посвященный принятию в Силла с 650 г. календаря Срединного государства и началу годов Юн-хуэй, используется Ким Бусиком для утверждения идеи «служения старшему государству (садэджуй). Он стремится объявить незаконным (с точки зрения конфуцианских принципов межгосударственных отношений) употребление в Силла своего собственного календаря, т.е. своих девизов для обозначения годов правления ванов, считая, что это противоречит положению правителя Силла — окраинного слуги (вассала) Срединного государства. С тех пор как Силла установила отношения со Срединным государством, обменявшись послами, по мнению Ким Бусика, она не имела права провозглашать эры правления своих монархов. Действия Силла и других государств, которые имели свои календари и вели независимую от Китая политику, Ким Бусик объявил ошибочными. Автор Самгук саги явно стремился перенести представления своего времени (и собственные идеи) для характеристики положения Силла в VII в., которое явно отличалось от положения Корё во времена Ким Бусика, лично приложившего много усилий для того, чтобы Коре обеспечивало себе мир, став вассалом Китая.

В седьмом комментарии Ким Бусик защищает конфуцианскую систему отбора государственных чиновников посредством экзаменов на чиновные должности, используя для этого небольшой эпизод из истории Силла периода после объединения, когда по поводу назначения некоего Чаока без надлежащих свидетельств его учености выступил с возражениями чиновник исполнительного ведомства Мочхо. Ким Бусик рассуждает следующим образом: «Только в

результате учения можно постичь истину, и только после познания истины можно достичь прекрасного знания сущности всего, поэтому в порядке вещей, что сначала учатся, а потом идут на службу. Если [взяться как следует] за начало, то получится [хорошим] и конец... В противоположность этому невежественные [люди] не знают того, что в вещах есть порядок — начало и конец, того, что должно быть раньше и что должно быть позже, поэтому суетливо расточают свое внимание на второстепенные вещи, и они или усиливают поборы ради [своей] корысти, или назойливой слежкой [за другими] добиваются для себя высокого положения, поэтому, даже когда они хотят принести пользу стране и успокоение народу, в действительности только вредят им. Вот почему в „Записях об учении (раздел классической книги Ли цзи) говорится, что венцом [всего] должно быть занятие главным, а „Книга (т.е. Шу цзин) указывает, что «неученость подобна лицу, обращенному к стене, и [неученный человек], занявший служебное положение, будет только суетиться, утонувши в мелочах. Следовательно, слова Мочхо из исполнительного ведомства (чипса) могут служить образцом для многих тысяч поколений».

В восьмом комментарии Ким Бусик изложил мотивы, побудившие написать правду о преступлениях в период междоусобиц конца Объединенной Силла (IX в.), когда ваны приходили к власти, убивая своих предшественников. При этом он ссылается на комментарии сунского ученого Оуян Сю, который отметил, что «мудрый автор Чунь-цю Кун-цзы не скрывал преступлений Хуаньгуна и Сюаньгуна (из древнего княжества Лу), а также чжэнского Ли-гуна и вэйского Сунпяо, убивших своих предшественников или соперников, а правдиво передал о том, как каждый из них стал правителем, чтобы последующие поколения могли знать истину. Ким Бусик пишет далее: «Эти идеи Чунь-цю побудили изложить здесь правдивую историю о том, как [сил]аский Онсын убил Эчжана, Ким Мён убил Хигана и Уджин убил Минэ, чтобы каждому из них самому взойти на престол». Этот комментарий имеет принципиальное значение для оценки Самгук саги как исторического источника, ибо говорит об определенном стремлении Ким Бусика и других составителей к объективному изложению исторических фактов, несмотря на всю их политическую тенденциозность при трактовке истории предшествующих Корё государств.

Сообщение летописцев о том, что основатель Корё ван Тхэджо интересовался тремя сокровищами Силла — изображением Будды

высотой в шесть чжан в храме Хванёнса, девятиэтажной пагодой в том же храме, а также священным поясом, — стало поводом для девятого комментария Ким Бусика в «Летописях Силла», который посвящен оценке роли внешних атрибутов в управлении государством. В древнем Китае это были величественное здание, государственная печать и золотой котел. Соглашаясь с рассуждениями Хань-гуна (Хань Юя, конфуцианского ученого IX в.), считавшего ошибочным возвеличивание роли внешних атрибутов, Ким Бусик писал: «Подобно этому и так называемые три сокровища Силла, порожденные роскошью людей, насколько могли быть необходимыми для государства? Мэн-цзы говорил: «Сокровищами князей являются [только] три [вещи]: земля, народ и [мудрое] управление страной, а в «Истории [царства] Чу» сказано: в государстве Чу нет того, что называют сокровищем, но единственным сокровищем является добродетель» [9]. Далее Ким Бусик подчеркивал, что распространение этих идей внутри государства способствует благополучию государства, а распространение их за его пределами — всеобщему счастью. Так проповедовалась конфуцианская идея об умеренности и скромности.

В десятом, заключительном комментарии говорится о преемственности в истории государств Силла и Корё. Основываясь на конфуцианских представлениях о вечности существования патриархальной государственности, Ким Бусик не мог представить себе периода до возникновения государственности, поэтому он лишь констатировал странный, невероятный характер мифов о появлении основополагающих родов Пак и Сок из яйца, рода Ким из золотого ящика, о прародительнице чинханских племен (этот миф был хорошо известен в сунском Китае). Всю дальнейшую историю Силла Ким Бусик описал, исходя из конфуцианских идеалов добродетельного правления, особо подчеркивая роль Китая. Первых правителей Ким Бусик изображает скромными, великодушными, подчеркивает простоту их правления и преданность в служении Среднему государству. «Под воздействием совершенных и мудрых нравов [Среднего государства], изменивших первобытные обычаи, Силла стала государством с нравственными понятиями, а затем при помощи военного могущества императора умиротворила Пэкче и Когурё, приобрела их земли, превратив в свои округа и уезды, и достигла процветания». Важнейшей причиной упадка Силла Ким Бусик считал распространение буддизма, так как, по его мнению, «почитая

Закон Будды, в Силла не усмотрели гибельных последствий. По городам и деревням высились пагоды и алтари, а простой народ убегал в монахи, поэтому уменьшалось число солдат и крестьян, а государство слабело с каждым днем». В комментарии осуждается и образ жизни, который вели такие правители, как ван Кёнэ, за пьяным пиршеством не заметивший даже прихода неприятельского войска Кён (Чин) Хвона. Попав в крайне тяжелое положение, следующий ван, Кёнсун, решил отдаться под власть корёского вана Тхэджо [10]. По словам Ким Бусика, тем самым он не только обрел заслуги перед царствующим домом, но и совершил «великое благодеяние для живущего (т.е. спасенного от гибели) народа». Благодаря этому Хёнджон (восьмой ван Коре), потомок вана Силла по материнской линии, «взошел на драгоценный престол, и после этого линию правителей всё продолжали его потомки». И в этом Ким Бусик видел преемственную связь между государствами Силла и Корё.

В летописях Когурё и Пэкче помешено по шесть «рассуждений» — комментариев Ким Бусика, но и в них основные вопросы истории каждого из государств рассмотрены сквозь призму конфуцианских понятий о добродетелях, существенных для Ким Бусика, государственного деятеля и историка сложного времени государства Корё [11].

Два первых комментария в «Летописях Когурё» посвящены сыновней почтительности (хё), составляющей основу всех конфуцианских добродетелей. Это комментарии, собственно, не на реальные исторические события, а на предания о сыне легендарного основателя Когурё Чумона — вана Юри, которые в летописях изложены как подлинные факты. Это позволяет предполагать, что предания включены (или отобраны из старинных записей) Ким Бусиком как повод, чтобы изложить нравоучительные сентенции. И сам текст летописей кажется соответствующим образом отредактированным. Во всяком случае, предание гласило, что сын вана Юри по имени Хэмён был весьма независимым, он не последовал за отцом, когда тот переменял столицу, и проявил непочтительность к правителю соседнего государства (названного Хваннёном) [11]. В летописи сказано, что весной двадцать восьмого года правления Юри (9 г. н.э.), в третьем месяце, ван отправил к Хэмёну человека с посланием: «Перенося столицу, я желал обеспечить народу спокойствие мерами по укреплению своего государства. Ты не последовал за мной, но своею силою и упрямством вызвал враждебность соседнего

государства. Разве таким должно быть исполнение сыновнего долга?» Одновременно отец поспал сыну меч, чтобы он сам решил свою судьбу. Хэмён отправился на равнину Ёджина и там покончил с собой, на всем скаку бросившись на острие копья. Ким Бусик пишет в своем комментарии: «Почтительный сын служит родителю и не должен покидать его, а обязан постоянно выражать свою почтительность так, как это делал [в древности] Вэнь-ван, будучи наследником. А Хэмён, поселившийся в отдельном городе, любил только славу о своей доблести, поэтому нельзя не признать его виновным. К тому же известно, что в [Цзо-чжуани сказано: «Если любишь сына, учи его праведному пути и отврати от зла (ошибок)». [В данном случае! ван никогда прежде не поучал его (сына) и, только когда зло разрослось, разгневался и погубил сына, а посему можно полагать, что и отец не был (достойным) отцом, и сын — (подобающим) сыном».

Второй комментарий относится к самоубийству Ходона, сына вана Тэмусина, в пятнадцатом году его правления (32 г.). Первая жена вана, ненавидевшая Ходона (сына от второй жены), оклеветала его перед ваном, обвинив в покушении на ее честь, поэтому ван собирался наказать его. Однако Ходон не захотел объясниться с отцом и уличить в клевете первую жену вана, «что причинит огорчения вану», считая такой поступок недостойным сыновней почтительности. В комментарии Ким Бусика осуждается отсутствие гуманности у вана, который, поверив клевете, толкнул на самоубийство безвинного любимого сына. Однако он усматривает и вину Ходона, потому что сын, которого наказывает отец, должен поступать подобно Шуню, т.е. «принимать (безропотно) удары маленькой палкой, а от больших палок бежать, чтобы тем самым не дать отцу свершить несправедливость». Ходон же, по мнению автора, «соблюдая малые приличия, оказался неспособным увидеть, что такое великая справедливость».

Третье «рассуждение» Ким Бусика касается вопроса о престолонаследии. Из-за того, что после вана Тхэджо его место занял брат (ван Чхадэ), погибли законные наследники и преданный министр. Рассказав о государстве Сун, в котором после Сюань-гуна возвели не сына его Юйи, а брата Му-гуна, и в результате в течение нескольких поколений не прекращались смуты, Ким Бусик обращает внимание на предостережение Чунь-цю о необходимости следовать правилам престолонаследия по прямой линии [17].

Сообщение летописей о том, что в тринадцатом году правления (191 г.) ван Когукчхон назначил первым министром Ыль

Пхасо, ученого и мудреца, пребывавшего безвестным в деревенской глуши, — предмет следующего комментария. Приводя примеры из китайской истории, когда мудрые правители привлекали к управлению государством выдающихся людей и тем самым обеспечивали интересы государства, Ким Бусик пишет: «Если здесь ван (Когукчхон) решил единолично взять из приморского захолустья Пхасо и, не посчитавшись с мнением окружающих, поставить (его! выше всех чиновников, а затем наградил и человека (Анню), предложившего его, то можно полагать, что он следовал установлениям прежних правителей (древности)». Ким Бусику импонировали здесь решительность и единовластие вана.

В пятом комментарии к «Летописям Когурё» рассмотрен вопрос о манере освещения когуреско-танских конфликтов в официальной китайской исторической литературе. Рассказав о том, как танский император Тай-цзун раскаивался после неудачного похода против Когурё в 40-х годах VII в., но вопреки предостережениям (например, сыгуиа Фан Сюаньлина) затеял новый поход на Ляо-дун, чтобы потерпеть новую неудачу, Ким Бусик привел свидетельства очевидца Лю Гунцюаня. По его словам, во время чупхильского сражения, когда объединенные когурёско-мальгальские войска заняли пространство в 40 ли, «император, взглянув на них, побледнел от страха», и, когда шесть танских армий попали в тяжелое положение, «император до крайности испугался, поэтому «в конце концов спасся в единственном числе» и т.д. При этом Ким Бусик замечает, что ни «Новая история Тан» (Синь Тан шу), ни Цзычжи тунцзянь Сыма Гуана ни единого слова не говорят об этом, и вопрошает: «Не сокрыто ли все это ради (сохранения чести своего) государства?».

В шестом «рассуждении», помещенном в конце «Летописей Когурё», содержится общая оценка Ким Бусиком истории Когурё. Именно здесь говорится о Древнем Чосонс, в состав которого входили Хэнтхо (Сюаньгу) и Аннан (Лолан), ставшие затем владениями Когурё. Киджа (легендарный выходец из Китая) рассматривался Ким Бусиком как создатель чосонской цивилизации. Он пишет, что сам Кун-цзы мечтал поселиться в этом благодатном краю и распространять свое учение.

Основываясь на конфуцианском принципе сяо, который означает сохранение доброго имени, проявление скромности и осторожности, Ким Бусик трактовал дальнейшее течение истории Когурё. Со времен империй Цинь и Хань Когурё граничило с северо-восточной

окраиной Срединного государства, поэтому Когурё, по мнению Ким Бусика, должно было соблюдать крайнюю осторожность, однако оно нападало на подвластные императору земли, постоянно вело войны. «Оно, (Когурё I, отвергало императорские указы и повеления, бросало в подземелье государевых посланцев. Таковы были его упрямство и неуважение (к императору), поэтому (оно) многократно навлекало на себя карательные силы, и, хотя иногда удавалось с помощью ловких тактических приемов громить большие армии, но все кончилось тем, что ван капитулировал, а государство было уничтожено.

Причину гибели государства Когурё Ким Бусик видел и в его внутренней слабости, возникшей вследствие несоблюдения норм конфуцианской морали. Он писал: «Рассмотрев [историю Когуре] от начала до конца, нельзя не заметить, что когда царили мир (понимание) между старшими и младшими (между государем и подданными), а в народе — всеобщее согласие, то даже великие государства были не в состоянии взять его, но, когда несправедливость (поселилась) в государстве (в ведении государственных дел) и бесчеловечное обращение с народом стало вызывать массовый ропот, (государство Когурё) пришло в такое расстройство, что не в состоянии было защитить себя». И в комментариях к «Летописям Пэкче судьбу государства Пэкче Ким Бусик рассматривал в тесной связи с конфуцианскими добродетелями.

Прием в Пэкче перебежчика Сильсона, скрывшегося после неудачного заговора против вана Силла, Ким Бусик назвал «стремлением к корысти путем сокрытия вора», которое привело к нарушению мира с соседним государством. Достойным подражания считается поступок Цзи Вэньцзы из царства Лу (периода Чунь-цю), который изгнал явившегося цзюского изменника Пу, сопроводив такими сювами: «Когда встречают того, кто предан своему государю, то обращаются с ним так, как почтительный сын заботится о (своих) родителях. Когда встречают того, кто неверен своему государю, то наказывают его так, как коршун преследует воробья».

Тема преданности подданных появляется и в комментарии к записи об убийстве пэкческого вана Кэро бывшим подданным Кольлу, который бежал в Когурё, а затем прибыл во главе когурёского войска. Ссылаясь на примеры древних, Ким Бусик характеризует деяния Кольлу как бесчестные.

Убийство своего государя чвапхёном Хэгу и захват власти (в 477 г.), подавление его мятежа в следующем году стали также

предметом отдельного комментария Ким Бусика. В связи с мятежом Пэкка (502 г.) историограф приводит цитату из Чунь-цю: «Слуга не должен изменять, а изменника следует казнить».

В следующем комментарии Ким Бусик рассуждает о долге государя. Ван Тонсон (Модэ), не желая слушать жалобы на свои действия, «закрывал на запоры дворцовые ворота». «Рассуждение» Ким Бусика по этому поводу гласит: «[Даже] хорошее лекарство горько во рту, но полезно против болезни. Справедливое слово неприятно для слуха, но (зато) полезно для дела. Поэтому светлейшие государи древности, уничтожая себя, советовались в делах правления, выслушивая упреки, смягчали выражение своего лица, так как боялись молчания людей, вывешивали барабаны, чтобы (люди) могли жаловаться, устанавливали доски, чтобы могли писать о своем недовольстве, и т.д. А здесь ван Модэ, даже получив письма с увещеваниями, не откликнулся [на них] и закрыл ворота, чтобы предотвратить повторение (жалоб). Чжуанцзы сказал: „Того, кто видит ошибки, но не исправляется, слышит осуждение, но еще более упорствует [на своем), называют жестоким⁴⁴. Именно так можно называть и вана Модэ».

В заключительном комментарии к «Летописям Пэкче» затрагивается тема происхождения трех государств. Исходя из сообщений в летописи об общем происхождении Пэкче и Когурё от Пуё, а также о том, что «в пору беспорядков между династиями Цинь и Хань много людей Срединного государства бежало в Хэдон (Восточное Приморье), Ким Бусик считает, что основатели трех государств были потомками тех древних мудрецов.

Такое представление о происхождении трех государств, конечно, не может служить объяснением фактической истории формирования государственности, которое и в Корее было результатом возникновения классов и классовых противоречий в недрах разлагающегося первобытного общества у племен и народов, населявших Корейский полуостров и соседние территории. Мы уже касались этой проблемы во вступительной статье к переводу «Летописей Силла, а также в других наших работах. Этим вопросам уделено внимание и в комментариях к публикуемым летописям Когурё и Пэкче.

Основной причиной падения государства Пэкче Ким Бусик считал отсутствие у его правителей конфуцианских добродетелей, приведшее к вражде с Силла и Срединным государством. По словам

Ким Бусика, они пользовались любой возможностью, чтобы захватить города и крепости Силла, забывая, что дружелюбие к гуманным людям, добрососедство — вот что драгоценно для государства». Они игнорировали указы танского императора о прекращении вражды, и вследствие обретенной вины перед Китаем «стало неизбежным его (Пэкче) падение [11].

Комментарии Ким Бусика не только дают оценку событий, описанных в летописях, но и пропагандируют идеи конфуцианства в условиях острой идейно-политической борьбы между конфуцианской идеологией укрепления централизованного феодального государства и идеологией буддизма, отражавшего интересы центробежных сил крупного феодального землевладения.

Проповедуя основные принципы конфуцианского учения о двух началах, о системе отношений (между старшими и младшими, между государем и подданными, между отцом и сыном и т.д.), о гуманном управлении государством, преданном служении ему, Ким Бусик как историк стремился с позиций этих принципов рассмотреть и оценить историю трех государств, понять причины возвышения и падения государств.

Исходя из идеи садэджуй, историю корейских государств Ким Бусик рассматривал почти в исключительной зависимости от отношений со Срединным («старшим») государством, предназначив корейским государствам роль вассалов, обязанных усердно служить «старшему» государству. Внутренними причинами ослабления корейских государств он считал широкое распространение буддизма и нарушение освященных стариной принципов поведения правителей и подданных. Хотя Ким Бусик и включил в свое сочинение важные сведения из старинных записей, можно предположить, что из его сочинения выпали те факты и положения, которые не увязывались с основным направлением его исторической концепции. В частности, это видно на примере трактовки принципа легитимной преемственности государства Корё, т.е. вопроса о том, преемником какого государства является Корё. Само название государства Корё (оно точно совпадает с официальным названием Когурё в период существования трех государств) свидетельствует о том, какой смысл вкладывал в него основатель Корё. Притязания новой династии на освоение когурёского наследия, т.е. на восстановление территории государства в былых границах Когурё, неоднократно высказывались представителями правительства Корё

(Со Хи и др.) при территориальных спорах с киданями. Концепция преемственности Корё от Когурё существовала и вв., но ее заменила другая точка зрения конфуцианской группировки аристократов силлаского происхождения во главе с Ким Бусиком, которая во имя мира с китайскими династиями ценою признания вассального положения Коре отказалась от претензий на возврат когурёских земель и выдвинула идею о преемственности Корё от государства Силла. Эта идея высказана и в «рассуждениях Ким Бусика в связи с общей оценкой истории Силла, хотя немало сомнительного в его утверждении о том, что браки ванов Корё привели к тому, что на престоле этого государства стали править потомки последнего правителя Силла — вана Кёнсуна.

Отмеченные черты исторического труда Ким Бусика, проникнутого откровенной политической тенденциозностью (прежде всего проповедью идеи преклонения перед «старшим государством»), вызвали разнообразную критику в последующей корейской историографии, начиная от Самгук юса («Дополнение к истории трех государств»), написанного буддийским монахом Ирёном в конце в., вплоть до работ историков буржуазно-националистического направления в XX столетии (Син Чхэхо, Чхве Намсон и др.).

Для патриотически настроенных корейских историков разных эпох оказалось неприемлемым садэджуйское стремление Ким Бусика представить историю своей страны по китайскому образцу, подчинить страну китайскому политическому и идеологическому влиянию, игнорировать древнюю и самобытную историю и культуру Кореи. Поэтому уже спустя некоторое время (по крайней мере с начала XIII в.), особенно в связи с возникновением новой угрозы извне (появление Монгольской державы), не только зрели боевые настроения и дух сопротивления иноземным захватчикам, но одновременно возникла и идеологическая оппозиция историческим построениям Ким Бусика. В противовес его сжатому пересказу мифов в качестве «истории» основателя Когурё — Чумона — писатель Ли Гюбо (1168—1241) написал «Книгу о ване Тонмёне (Тонмёнван пхён), где значительно шире были представлены мифологические рассказы об основании государства Когурё [5]. Примечательно, что Ли Гюбо опирался на материалы Ку самгук са, которые легли в основу Самгук саги. Сопоставление текста Самгук саги с сочинением Ли Гюбо позволяет не только судить о том, насколько сократил первоначальный текст конфуцианский рационалист Ким

Бусик, но и предположить, что Ким Бусику явно понадобилось изменить и содержащуюся в мифах концепцию о государственной преемственности Корё (как продолжателя и наследника Когурё). Вероятно, опять-таки в противовес Самгук саги, где игнорируется роль буддизма и буддийской церкви, буддийский монах Какхун издал в 1215 г. «Биографии высших священников Кореи» (Хэдон косын джон). Сочинение Ирёна Самгук юса представляет собой как бы «иррациональную» реакцию на сухой конфуцианский рационализм Самгук саги, где даже яркие предания и мифы изложены в виде перечня произвольно датированных фактов истории государств, как будто речь идет о деяниях реальных людей. В отличие от Самгук саги автор Самгук юса собрал из исторических источников (с точными ссылками на них) все рассказы о необыкновенном или героическом, странном или курьезном, о том, что относилось в первую очередь к деяниям буддийской церкви, правителям государств или рядовых людей, а также к религиозным и культурным традициям народа.

По словам ряда современных корейских буржуазных историков, бережное отношение Ирёна к фиксации явлений предшествующей доконфуцианской культуры (в том числе буддийской) являлось выражением «духа национальной самостоятельности». Автор Самгук юса начальным этапом корейской истории считал не период Трех государств, а Древний Чосон, причем в мифе о его основателе Тангуне (Вангоме) подчеркивал самостоятельное зарождение и развитие корейской истории (Тангун считался непосредственным потомком богов-небожителей), а преемственность в истории страны он изображал как непрерывную линию от Древнего Чосона (через Чосон Вимана и Махан) к трем государствам. По своей критике китаецентристских устремлений Самгук юса перекликается с национальной историографией нового времени [13].

Не имея возможности остановиться на обширной историографии, посвященной Самгук саги, приведем лишь один пример крайне отрицательного отношения к Ким Бусику со стороны историка Син Чхэхо (1880—1936 гг.), представителя буржуазно-националистической историографии, отразившей национально-освободительную борьбу корейского народа против японского империализма в первые десятилетия XX в.

Воодушевленный идеей пробуждения национального сознания для борьбы за независимую Корею, Син Чхэхо считал необходимым освободить народ от рабской идеологии конфуцианства, от

низкопоклонства перед Китаем, так. называемой идеи служения старшим. В первую очередь для этого следовало раскритиковать проникнутую этой идеологией историографию. Он отмечал, что благодаря таким конфуцианским пропагандистам садэджуй, как Ким Бусик, «исчезла не-зависимая и творческая история (историография?), осталась только история рабов». По мнению Син Чхэхо, Самгук саги — серое и несамостоятельное сочинение, ибо автор, проникнутый духом низкопоклонства, представлял корейскую историю лишь в качестве комментариев к «Описаниям восточных варваров» в китайских династийных историях. Славная история Кореи, географически простиравшейся вплоть до Восточной Монголии, идеологически освященная верой хваранов с их рыцарской доблестью, а политически представленная именами ванов Квангэтхо и Чинхын, Ён Кэсомуна и других героев, воевавших с иноземцами, по замечанию Син Чхэхо, так была переписана Ким Бусиком, что пределы Кореи сужены до границ по Тэдонгану и Хангану, ее институты, культурные ценности, нравы и обычаи перелицованы на конфуцианский лад и сведены к обучению конфуцианским трем принципам и пяти отношениям, а политика свелась к поставкам дани и отбиванию поклонов, чтобы заслужить звание государства истинномудрых (цзюньцзы). Син Чхэхо указывает, что Ким Бусик искажил линию исторической преемственности, идущей от Тангуна, а также исконную религию хваранов, превознес события, относящиеся к пропаганде конфуцианских норм, и вычеркнул из истории все, что противоречило идеям садэджуй и выражало свободный дух страны, «поэтому „Исторические записи трех государств” не представляют никакой ценности ни как история культуры, ни как политическая история».

Проблема правильной оценки не только идейного содержания, но и значения труда Ким Бусика Самгук саги как исторического источника актуальна и в наше время. В современной историографической корейской литературе нет однозначного мнения по этой проблеме.

В противовес целой серии негативных критических оценок, дававшихся этому памятнику историками самых различных направлений — буддистами и конфуцианцами в средние века, представителями и японской, и корейской националистической историографии в новое и новейшее время, — профессор Ко Бёнъик (Сеульский университет) в работах, опубликованных в 70-е годы,

стремился показать большое значение этого памятника прежде всего, как основного источника по истории Кореи в течение длительного периода времени. Он пишет, что большая часть критических замечаний, высказанных средневековыми авторами и историками нового времени, несправедлива, поскольку они, по мнению Ко, не учитывали ни особенностей идеологической обстановки в момент создания этого сочинения, ни объективных причин его ограниченности из-за недостатка исторических источников. Если же сравнить с сочинениями традиционной китайской (династийной) историографии и последующей средневековой корейской историографии, особенно «ясно видны несомненные достоинства Самгук саги».

Не отрицая конфуцианской китаецентристской идейной ориентации комментариев Ким Бусика к летописям трех государств, Ко Бёнъик полагает, что по сравнению с конфуцианцами эпохи династии Ли садэджуй и конфуцианский догматизм Ким Бусика «более взвешенные», отличались «в большей мере объективностью и рациональностью», что во имя догм Ким Бусик не искажал факты и не изменял терминологию, как это допускалось в произведениях Чхве Чхивона или в более поздней, чем Самгук саги, конфуцианской историографии (Самгук саряк и Тонгук тхонгам, XV в., Тонса канмок, XVIII в.). Ким Бусик старался точно передавать древние факты и исторические наименования, даже не уяснив порой их значения; и, даже одобряя те или иные принципы в теории (например, традицию установления названия эры правления через год после восшествия), он считался с реальной исторической практикой в трех государствах, согласно которой начало правления определялось со времени восшествия — чыкви чхин- вон поп. Ко Бёнъик признает вероятность сокращения Ким Бусиком каких-то материалов из использованных источников, и на основе сличения приведенных в Самгук саги мифов об основании государств с версиями этих мифов в других источниках приходит к заключению, что Ким Бусик стремился сохранить главное содержание использованных источников, не позволял себе произвольного обращения с ними. В этой связи Ко Бёнъик критикует известных японских корееведов Цуда Сокити и Суэмацу Ясукадзу, полагавших, что в ранних частях летописей трех государств (до IV—V вв.) Ким Бусик прибег к фабрикации несуществовавших исторических фактов. По мнению Ко Бёнъика, эти историки не учитывали того уровня официальной историографии Корё XII в.,

когда предъявлялись особенно высокие требования к точности в изложении истории, о чем свидетельствовала практика дневниковых записей. Если и встречаются неправдоподобные, фантастические сюжеты в начальных разделах летописей, то они не сочинены Ким Бусиком, а заимствованы из источников, которыми он пользовался (Коги, Кусамгукса).

Ко Бёнъик считает несостоятельным обвинение Ким Бусика в субъективном отношении к каждому из трех государств, судя по тому, что государству Силла уделено основное внимание. Большой объем материалов по истории Силла в Самгук саги Ко Бёнъик объясняет большим количеством сохранившихся источников. Наоборот, в том, что Ким Бусик каждую из историй трех государств называл понги (кит. бэньци, «основные записи») — термин, обозначающий летописи императорских династий в Китае, — и во всех трех летописях одинаково употребил местоимение «наш», «наша», «наше» применительно к каждому из трех государств, Ко Бёнъик видит проявление беспристрастия и объективности.

Основной вывод Ко Бёнъика состоял в том, что приверженность конфуцианской идеологии и садэджуй автор Самгук саги не повлияли на характер изложения истории в его труде — оно отличается высокой степенью объективности и беспристрастия.

Однако против вывода Ко Бёнъика категорически выступил профессор Ким Чхольджун (Сеульский университет). Он считает «бессмысленным и вредным рассматривать характер исторических сочинений без конкретного анализа (выраженных в них исторических воззрений (будь то в Корё или Чосоне, будь то идеи низкопоклонства или независимости) в непосредственной связи с изменениями в идейных течениях прошедших эпох и социально-культурной функции этих идей» [15].

Историческую обстановку конца периода Силла и начала государства Коре Ким Чхольджун определяет, как «время перехода от древнего общества к средневековому». И этому средневековому обществу нужна была, по его мнению, новая конфуцианская идеология со своими историческими воззрениями, которые впервые были сформулированы в трактатах Чхве Сынно, предлагавшего заимствовать передовые идеи и учреждения Китая для строительства централизованного государства. Как отмечает Ким Чхольджун, это не идея садэджуй, как понимали впоследствии, а предложение добровольно заимствовать китайские образцы, так как необходимость

поставить конфуцианство на службу средневековому государству диктовалась не извне, а «внутренними противоречиями древнего царства». Правда, характер этих противоречий Ким Чхольджун не раскрывает, хотя и подчеркивает возрастание роли конфуцианских идей, ставших идеологией столичной аристократии. По словам Ким Чхольджуна, местные магнаты (ходжок, или могущественные роды) находились в противоречии со столичной (кэгёнской) знатью [14]. Унаследовав традиции Когурё, они выступали за политику экспансии на севере, в идеологической области отстаивали традиционную культуру, содержащую даосские элементы, тогда как централизованная власть вана опиралась на конфуцианские идеи, противостоящие традиционной культуре. Так рассматривает Ким Чхольджун конфликт между согёнскими и кэёнскими группировками правящего феодального класса. Первая из них, продолжая когурёские традиции, проповедовала мистические геомантические идеи и выступала за возрождение страны путем провозглашения империи в противовес чжурчжэням. Вторая выступала против конфликта с чжурчжэньской династией Цзинь и проповедовала конфуцианскую идею садэджуй, видя в ней средство самосохранения, так как война с чжурчжэнями и поход на север означали бы усиление военного дворянства и подрыв позиций столичного чиновного дворянства. Как считает Ким Чхольджун, вне этой политической борьбы нельзя понять Самгук саги как творение идеолога конфуцианской аристократии. И именно вследствие конфуцианской тенденциозности корейская культура периода Трех государств и Объединенной Силла в Самгук саги по сравнению, например, с Самгук юса выглядит столь однообразной. Ким Бусик постарался так закамуфлировать явные различия между чертами древней и средневековой культур, что в его сочинении они почти не видны (Ку самгукса были им переделаны так, чтобы устранить элементы древней культуры и заменить их конфуцианскими представлениями).

По мнению Ким Чхольджуна, Ким Бусик, опираясь на свои политические позиции, игнорировал в своем сочинении те исторические источники и материалы (эпиграфика, частные биографии и др.), в которых были запечатлены особенности древнего общества, и предпочел им китайские сочинения, проникнутые конфуцианскими идеями. Из сравнения с Самгук юса Ким Чхольджун заключает, что автор Самгук саги не отразил такую важную особенность добуддийской и буддийской культуры в период

Трех государств, как развитие местной поэзии (лянга), лишь вскользь упомянул поэтическую антологию Самдэмок («Чтение для трех поколений»), но не привел из нее ни одного произведения [9].

Зато Самгук саги изобилует сведениями об обмене посольствами с Китаем, чтобы подчеркнуть реализацию конфуцианских норм садэджуй, и совершенно игнорирует сведения даже из Тан шу, где говорится об упорном сопротивлении Когурё нашествию войск Суйской династии, о крайне независимой политике этого государства. Такие материалы, естественно, противоречили бы тезису Ким Бусика о зависимом положении корейских государств и усилили бы политические позиции его противников — сторонников идеи возвеличения Корё как самостоятельного государства.

Как показывает Ким Чхольджун, автор Самгук саги почти совершенно игнорировал существование древнего Чосона, стараясь не упоминать его, так как это могло бы вызвать вопрос о легитимности Когурё, а не Силла, как заявлял Ким Бусик. Позднее в Самгук юса линия преемственности ведется от древнего Чосона через Когурё, Пёнхан, Пэкче, Чинхан и Силла.

Ким Чхольджун считал методологически несостоятельным стремление Ко Бёнъика показать достоинства Самгук саги в сравнении с сочинением XV в. Тонгу: тхонгам, относящимся к иной исторической эпохе. Логичнее было бы, по его мнению, сравнить с сочинением той же эпохи, а именно с Самгук юса, представлявшим противоположное идейное направление той эпохи. Если Ко Бёнъик приводил термин понги как свидетельство беспристрастности Ким Бусика, употреблявшего этот термин к истории всех трех государств, то Ким Чхольджун считает в принципе неправильным при анализе исторических явлений исходить только из содержания терминов без их всесторонней оценки. А критерием для определения приверженности историков идее низкопоклонства Ким Чхольджун считает их отношение к предшествующей традиционной культуре, поясняя, что конфуцианская идеология и принадлежность к кёнджуской аристократии помешали Ким Бусику правильно оценить традиционную культуру, поэтому для исправления его заблуждения Ли Гюбо пришлось составить «Книгу о ване Тонмёне», а монаху Ирёну — Самгук юса, где в самом начале помещен миф о Тангуне, а Древний Чосон назван начальным моментом корейской истории [16].

Однако и рассуждения самого Ким Чхольджуна не кажутся нам бесспорными. Прежде всего это касается общей периодизации

истории Кореи. Так, древняя история заканчивается к началу периода Корё или ко времени создания централизованного государства в X—XI вв., когда становятся явными признаки утверждения крупного феодального землевладения. Не менее спорным является культурно-исторический (а не социально-экономический и идеолого-политический) подход к трактовке места и роли конфуцианской историографии в Корее. Разумеется, эти проблемы могут быть предметом только специального исследования. Здесь же мы остановимся вкратце на обсуждении вопроса о значении Самгук саги как историографического памятника и исторического источника во время встречи за круглым столом ведущих южнокорейских специалистов по историографии — Ко Бёнъика, Ли Гибэка, Ли Усона и Чхон Гвану в конце 1976 г. [17].

Ко Бёнъик отметил, что Самгук саги — сочинение, написанное по китайским конфуцианским образцам, но в этом вовсе нельзя было усмотреть низкопоклонство, ибо положение сунского Китая не дает основания для такой точки зрения. Самгук саги следует оценивать главным образом как самую раннюю из сохранившихся корейских книг. В отличие от мифологических, генеалогических или иных апологетических сочинений этот труд, по мнению Ко Бёнъика, освещал только исторические факты, поэтому в нем очень мало ирреального или фантастического, что обычно свойственно сочинениям древних авторов. Не разделяя мнения тех, кто считает Самгук саги сочинением, отличающимся идеализацией, умолчаниями, подделками и искажениями, Ко Бёнъик подчеркивает, что в Самгук саги, как и в любом другом сочинении, произведены отбор и сокращение использованных материалов, «но нельзя сказать, что нарочито фальсифицировались или искажались факты». Конечно, Ким Бусик и другие составители Самгук саги, проникнутые конфуцианскими идеалами, порой недооценивали традиционную культуру, но тем не менее, подчеркивает Ко Бёнъик, они проявили определенный интерес к прежней традиции и культуре.

Касаясь проблемы исторической достоверности летописей трех государств, Чхон Гвану сказал, что, за исключением частей по самой ранней истории, все остальное в Самгук саги вполне заслуживает доверия, хотя, как и в случае с японской хроникой Нихон секи, каждое сомнительное сообщение необходимо рассматривать отдельно. Осуждая нигилистическое отношение к Самгук саги, Чхон Гвану сказал: «Если бы не было Самгук саги, разве мы могли

бы представить себе систематическую историю трех государств?» Причины недоверия к ранним частям Самгук саги Чхон Гвану видел в невозможности установить местонахождение названных в тексте географических пунктов и районов (крепостей Васан, Кусан и др.) и высказал идею о том, что название Чинхан нельзя привязывать лишь к одному району. Говоря о поддельных записях в «Летописях Силла» относительно Хёккосе, Тхархэ, Чхон Гвану сообщил любопытные результаты сличения данных о солнечных затмениях с аналогичными записями в китайских династийных историях того же времени, и оказалось, что в Самгук саги отсутствуют многие эпизоды, упомянутые в них, но есть и записи о тех затмениях, которые не зафиксированы в китайских историях. Следовательно, сведения в Самгук саги основывались на каких-то местных источниках. Хотя некоторые записи в ранних частях Самгук саги выглядят недостоверными с современной точки зрения, памятник требует к себе самого серьезного внимания, подчеркивал Чхон Гвану [7].

Достоверность данных Самгук саги рассматривали также Ли Гибэк и Ли Усон. Ли Гибэк допускает, что автор Самгук саги сократил, например, легенду о Чумоне, внес поправки в стиль старинных летописей, но сомневается в том, что Ким Бусик мог добавить в легенды собственные измышления. По мнению Ли Усона, основным источником при составлении Самгук саги могла послужить Ку самгукса («Старая история трех государств»). Судя по ее фрагменту под названием «Основная летопись (понги) вана Тонмёна», можно утверждать, что Ку самгукса имела классическую структуру династийных историй (киджончхе) и в Самгук саги использованы не только материалы, но и структура Ку самгукса. Отличие же состоит в том, что линию исторической преемственности государства Корё Самгук саги ведет не от Когурё, а от Силла, причем в текст включены конфуцианские исторические воззрения и, вероятно, значительная часть материалов о древних обычаях и культуре. Ли Усон отметил, что Самгук саги открыли новую страницу в корейской историографии.

Попытку объективной оценки Самгук саги как историографического памятника представляет монография Син Хёнсика, который применил методы количественного анализа приводимых в Самгук саги фактов.

На наш взгляд, оценить справедливость суждений историков можно путем сравнительного изучения Самгук саги и других (корейских, китайских и японских) источников той же эпохи. Мы

полагаем, что критическое изучение этого памятника имеет важное значение для научного изучения не только истории Кореи раннего периода, но и некоторых непростых проблем современного развития Кореи.

1.2. Летописные ведомства феодальной Кореи: Сагван и Чхунчхугван

Историописание в Корею находилось в ведении государства. В начале Корё вопросами историописания занималось Историческое ведомство — Сагван. Именно в этом ведомстве служил по совместительству в должности «наблюдателя по составлению истории государства» (камсу кукса) знаменитый историк Ким Бусик, находившийся в то время на самых высших придворных постах. С 1308 г. ведомство Сагван неоднократно реформировалось, и названия его меняли то на Ведомство искусств, письмён и образцовой истории — Емун Чхунчхугван (1308 г.), то возвращали старое название Сагван (1362 г.), то снова давали сокращенное Чхунчхугван (1325, 1362 гг.). В результате за историческим ведомством закрепилось название Чхунчхугван, которое сохранялось без изменений вплоть до 1894 г.

Историческое ведомство выполняло две основные задачи: сбор и фиксация фактов, связанных с текущими событиями, и издание исторических сочинений о прошлом. На основании ежедневных записей о деяниях короля, событиях, государственной политике, изменениях в должностной системе и многом другом составлялись так называемые «реальные записи», или по-корейски силлок — черновые анналы, на основании которых в будущем, после падения правящей династии, должны были составляться образцовые династийные истории чонса. Среди многих должностей, работавших в историческом ведомстве Коре, важнейшей была должность историка — сагван. Сагван имел исключительное право свободного доступа во все столичные и провинциальные учреждения, право присутствовать на любых мероприятиях, быть свидетелем любых событий. Для того чтобы сагван мог фиксировать события объективно, никто не имел права заглядывать в его записи, даже сам король. Записи сагван, оформлявшиеся в виде силлок, писались по хронологическому принципу в нескольких экземплярах и хранились в особых исторических архивах — саго, расположенных в удаленных друг от друга местах. Это делалось для того, чтобы уберечь силлок на случай войн, пожаров, стихийных бедствий. Основной состав исторического

ведомства представляли так называемые совмещенные должности, т.е. служащие других ведомств, которые были обязаны приносить в Чхунчхугван подробные записи о деятельности своих ведомств, а также связанных с ней государственных делах [18]. Таким образом достигалась полнота в изложении событий современности.

Кроме собирания и записи фактов, историческое ведомство Коре занималось, как уже говорилось, изданием исторических сочинений. Помимо знаменитых «Исторических записей Трех государств» («Самгук саги», 1145 г.) Ким Бусика и «Достопамятных событий Трех государств» («Самгук юса», 1281 г.) монаха Ирена, в Коре было издано немало других значимых исторических сочинений, которые, к сожалению, не сохранились до наших дней. Это и «Записи о древности и современности» («Когымнок») Пак Иллэна, и «Записи о ритуалах, детально установленных в древности и ныне» («Когым санчжон немун») Чхве Юнъя (1102-1162 гг.) в 50 томах, и «Всеобщие анналы» («Пхённён тхоннок») Ким Гванья, и многие другие [19].

В целом период Корё стал периодом формирования и становления официальной историографии, выдержанной в конфуцианском духе. От данного периода до нашего времени дошел ряд прекрасных образцов корейской историографии, наиболее известными произведениями которой стали сочинения высокопоставленного сановника Ким Бусика «Самгук Саги» [20] и буддийского монаха Ирёна «Самгук юса» [21].

Согласно нормам конфуцианской историографии, Ким Бусик, являвшийся придворным государя Инджона, составил по приказу Инджона историю предшествующих царствований. В данном случае важны оба факта – факт того, что «Самгук Саги» были написаны по высочайшему повелению: «Содержание «Исторических записей трех государств», которые сотворил по высочайшему повелению Ким Бусик, находящийся в отставке слуга его величества», и факт того, что, по словам самого Ким Бусика, предшествующие исторические сочинения оказались «непригодны для выявления добра или зла государей и государынь, преданности или вероломства их слуг, спокойствия или опасности в государстве, благоденствия или мятежности народа, что могло бы служить назиданием для потомков». Все это свидетельствует, что Корея «дозрела» до конфуцианских норм историописания только к XII в.

Важным фактом, свидетельствующим о принятии конфуцианской идеологии и конфуцианских норм историописания

в Корё является свидетельство династийной истории «Корё са»: «Чхунчхугван занимается записью [деяний] текущего правления. В начале государства Корё он назывался Сагван (Историческое управление) и надзирал за составлением истории государства». Таким образом, мы видим зарождение в Коре жанра силлок – хроник правления монарха. Важно и замечание М.Н. Пака о том, что Сагван (Чхунчхугван) зачастую объединялся с Емунгван, Управление по составлению королевских бумаг) – так происходило сращивание конфуцианской историографии с государственным делопроизводством.

Однако помимо сочинения Ким Бусика, проникнутого духом вполне конфуцианской добродетели садэчжуи – служения высшему – как до него, так и после в Коре создавались иные сочинения, проникнутые иной идеологией. О содержании и методологии таких ранних сочинений периода Корё, как составленную в 10 томах «Когымнок» (Записки о древности и современности) Пак Иньяна, насчитывающую 12 томов «Хэдон Самгуктхоннёк» (Всеобщая история трех государств к востоку от моря) Ко Дыксана (предположительно, автор буддийского толка), анонимных «Хэдон Самгукса» (История Трех Государств к востоку от моря) и «Ку Самгукса» (Старая история Трех Государств) мы не знаем ничего. Сочинения буддийских монахов Какхуна «Хэдон косынджон» (Жизнеописание монахов [страны] к востоку от моря, 1215 г.) и Ирёна (1206-1289 гг.) «Самгук юса» (Забывшие деяния Трех Государств, 1281 г.) являются образцами исторической литературы, проникнутые идеей доказательства того, что Корея является священной для буддистов землей, которая имела своих выдающихся буддийских деятелей, оказывавших значительное влияние на развитие корейского государства.

Из других сочинений периода Корё можно упомянуть сочинения И Сынхуна (1224-1300 гг.) «Чеван унги» (Рифмованные записи о государях, 1287 г.) и И Гюбо (1168-1241 гг.) «Тонмён-ван пхён» (Книга о государе Тонмёнё) – в них, в отличие от «Самгук Саги», уделялось большое внимание корейской мифологии. Сам И Гюбо писал про Ким Бусика, что «достопамятный полагал целью летописания – исправление людей своего времени и почитал за правило, как можно меньше повествовать для потомков о странном и удивительном» [5]. Поэтому, в отличие от Ким Бусика, сосредоточившегося на фигуре монарха и его деяний, в этих сочинениях в полной мере отдана дань корейской мифологии и описаниям всевозможных чудес. Являясь

важным источником для изучения мировоззрения древних корейцев, эти сочинения мало что добавляют к нашим знаниям о древнем периоде истории Кореи.

До конца существования государства Корё в стране было создано немало произведений исторического характера, причем помимо буддийских и конфуцианских традиций в историографию начинают проникать реалистические тенденции – сбор и обработка учеными и литераторами «досужих рассказов» пхэсоль предоставляла историкам массу новых данных, почерпнутых в народной среде. Однако использование этих рассказов для составления собственно исторических сочинений оставалось делом будущего. Однако, читая сборники пхэсоль, можно узнать очень много интересного и полезного по истории Кореи того периода, когда составлялись эти пхэсоль. Таким образом, хотя пхэсоль и не воспринимались самими составителями как произведения исторического жанра, они, по сути своей, являлись отличным источником материала для будущих поколений историков.

1.3. Корейская средневековая проза в ее историческом и жанровом развитии (Л. Концевич)

На крайнем востоке Азии находится страна, которую в литературе нередко именуют «Страной утреннего спокойствия». И действительно, кто хоть раз побывал в Корее, тот не мог не восторгаться спокойствием долин, гордой и суровой красотой горных кражей, великолепием окрестных видов, овянных легендами... Но - увь! - как не соответствует это поэтическое название страны реальной судьбе корейского народа, пережившего за всю свою многовековую героическую историю целую вереницу войн, нашествий, социальных потрясений.

По своему географическому положению Корейский полуостров образует естественный мост, связывающий азиатский континент на севере и островной мир Тихого океана на юге. В культурном отношении Корее испокон веков пришлось выполнять роль своего рода посредника между материком и Японскими островами. В то же время она оставалась страной древней самобытной культуры.

Ранняя история Кореи - еще не написанная глава всемирной истории, которую восстановить можно лишь весьма приблизительно. Местная мифологическая традиция начинает историю Кореи с 2333 г. до н.э., когда под сандаловым деревом от медведицы и Хвануна,

сына Небесного владыки, будто бы родился первопредок корейцев – Тангун [23]. Более или менее достоверные, хотя и отрывочные, и перемешанные с легендарными, свидетельства о народах, населявших Корейский полуостров в древности, впервые встречаются в китайских исторических хрониках начиная со II в. до н. э. Сохранились и многочисленные памятники материальной культуры эпохи неолита. Однако дошедшие до нашего времени собственно корейские письменные источники относятся уже к эпохе средневековья. Столь поздняя отправная дата письменной литературной традиции в Корее объясняется рядом причин.

Находясь на перекрестке между материковым и островным миром, Корея многократно подвергалась то опустошительным нашествиям с севера, то пиратским набегам южных соседей. Кроме того, смена династий, а вместе с ней и повороты в области идеологии приводили к серьезным издержкам в развитии корейской культуры. Монархические режимы расправлялись с оппозиционно настроенными учеными и литераторами путем высылки их из столицы и казней. Как и большинство стран эпохи средневековья, Корея не избежала книжных катастроф. Например, узурпатор Енсангун в 1504 г. запретил пользоваться корейским фонетическим алфавитом и приказал сжечь книги, написанные по-корейски. И такие случаи не были единичны. В результате погибли все ранние письменные памятники Кореи и многие сочинения на корейском языке, оставив будущим поколениям одни только названия да в лучшем случае отдельные отрывки.

Эпоха средневековья в Корее охватывает огромный отрезок времени - примерно с V века до первой половины XIX века. Затяжному характеру корейского средневековья в немалой степени способствовала внешнеполитическая изоляция страны, находившейся с конца XIV в. и до конца XIX в. в номинальной зависимости от Китая. Еще в XIX в. Корею именовали «государством-отшельником» [24]. Между тем в эту эпоху страна дала миру такие прекрасные творения непреходящей ценности, как настенная живопись когурёских гробниц, буддийская архитектура периода Силла, корёский фарфор с селадоновой глазурью, подвижный металлический шрифт (применявшийся с середины XIII в., то есть задолго до Гуттенберга), и в эту же эпоху были созданы великолепная лирическая поэзия, интереснейшая проза [25].

Корея уже с первых веков новой эры прочно вошла в орбиту

дальневосточной культуры, где ведущая роль принадлежала мощной и древней китайской цивилизации и куда несколько позже были вовлечены Япония и Вьетнам.

Древняя культура Кореи не только находилась под воздействием китайской цивилизации, но и впитывала в себя элементы культуры племен северо-восточной Азии, а также народов, живших на запад от Китайской империи. В IV-VI вв. через Китай и посредством прямых контактов корейских государств с Индией на полуостров была привнесена буддийская культура, обретшая здесь благодатную среду [26; 27].

Если в начале проникновения китайской культуры на Корейский полуостров ее влияние на корейскую было поверхностным, то начиная с X в. оно приняло всеохватывающий характер. Политическое и государственное устройство, идеология, законодательство и этические нормы, культура и образование, церемонии, литература, письменный язык и т.д. - то есть многое из того, что составляло официальную сферу жизни в средневековой Корее, напоминало китайское. Но это не было заимствованием в чистом виде; все воспринятое перерабатывалось и становилось своим, «домашним». Причем ряд явлений и процессов в области культуры и идеологии Китая получал новую жизнь на корейской земле с заметным опозданием, порою в несколько веков, и в своеобразной форме. Так произошло, например, с конфуцианством в толковании сунских мыслителей (XI-XIII вв.). В 1313 г. корейцы приобрели в Китае библиотеку бывшего сунского двора, в которой хранились сочинения выдающегося философа-конфуцианца Чжу Си и его последователей. Постепенно, только к XVI в. сунское конфуцианство переросло в крайне догматическую идеологию правящих классов феодальной Кореи [25].

И вместе с тем корейский народ в быту, обычаях, местных верованиях, фольклоре, устном общении и многом другом, из чего складывалась, так сказать, «неофициальная» сторона его жизни, продолжал бережно сохранять и развивать свои древние традиции.

Двойственная природа старой культуры Кореи наложила отпечаток и на корейскую литературу. В словесном творчестве корейского народа вплоть до конца XIX в. параллельно развивались два типа литературы: литература на ханмуне, то есть кореизированной форме китайского письменного языка «вэньянь», и литературы на корейском языке, первоначально в устном бытовании и в записях способом «иду» (сложной системой передачи корейского языка

посредством китайских иероглифов, применявшейся с VI в., но не получившей широкого распространения, кроме как в эпистолярном стиле), а с середины XV в. корейским фонетическим алфавитом. Если литература на ханмуне, бывшая достоянием образованных слоев феодальной Кореи, оставила богатейшее наследие в виде авторских сборников и антологий, то литература на родном языке, считавшаяся в средневековом обществе «второсортной», не достойной внимания, в количественном и жанровом отношении была не столь обильной, но она заняла в сокровищнице средневековой культуры корейского народа весьма важное место [28].

В корейской словесности на ханмуне были представлены почти все жанры китайской средневековой литературы. Корейскими художниками слова были восприняты и переработаны также многие сюжеты, образы, художественно-изобразительные средства китайской литературы и вместе с тем создана масса оригинальных произведений на ханмуне, которые напоминают китайские только по языку. Иными словами, литература на ханмуне была органической частью корейского художественного наследия и находилась в постоянном взаимодействии с литературой на корейском языке.

Литература на родном языке представляет собой сплав художественных традиций корейской литературы на ханмуне и собственно китайской, с одной стороны, и устного народного творчества, с другой. Корейский фольклор был главным и постоянным источником для этого типа литературы. И подчас бывает трудно провести грань, где кончается фольклор и где начинается литература.

На становление и развитие художественной литературы средневековой Кореи оказали немалое влияние буддизм, как общегосударственная религия до конца XIV века, и конфуцианство, как официальная идеология с XV в., и роль их посредника, переносчика выполняла главным образом литература на ханмуне [29]. Даосское учение и корейские народные верования нашли отражение главным образом в поэзии и прозе на корейском языке. Следует отметить, что, хотя в действительной жизни между этими религиозно-философскими учениями шла борьба за право называться официальной идеологией, в художественной литературе они сравнительно мирно сосуществовали, дополняя друг друга [28].

Еще одной особенностью корейской средневековой литературы, как, впрочем, и многих литератур Востока той же эпохи, является преобладание поэзии в словесном искусстве корейцев. Она

была более ранним и развитым родом литературы по сравнению с прозой. Стихотворные строфы нередко украшали и прозаические произведения. Надо отметить, что в средневековой Корее любой образованный человек старался блеснуть своей эрудицией в стихах и «зятной прозе» на ханмуне [27].

Согласно эстетическим нормам позднего средневековья, корейская литература незримо была как бы расчленена на несколько ярусов. Самый верхний ярус занимали «высокая» (изысканная) проза и поэзия на ханмуне, в жанровом отношении целиком совпадающие с китайскими; ниже располагалась проза пхэсолль на ханмуне как своего рода антипод «высокой» прозе; наконец, на нижнем ярусе находилась литература на родном языке, в которой, в свою очередь, выделялись три ряда: верхний - поэзия (корейские трехстишия - сиджо и поэмы - каса), средний - своя «высокая» проза (дневники и романы) и нижний - простонародная повествовательная литература (корейские повести и новеллы).

Этапы развития корейской литературы, и, в частности, ее прозаических жанров, в общем укладываются в те исторические периоды и историко-культурные эпохи, через которые прошла Корея с первых веков новой эры до XIX в.

Раннее средневековье в Корее (V-X вв.) охватывает два исторических периода: первый период характеризуется ростом и укреплением Трех государств - Когурё, Пэкче и Силла и совпадает со временем формирования феодальных общественных отношений; во второй период происходит объединение этих государств под властью Силла в середине VII в. и феодализм становится господствующей системой.

Истоки корейской литературы уходят в доисторическую эпоху и неразрывно связаны с фольклором древнекорейских племен, представленном в легендах, сказках, народных песнях. Корейская словесность пережила свой «век мифологии», и именно отсюда берут начало ее повествовательные формы и жанры [30].

И хотя от письменных памятников периода Трех государств остались только их названия и небольшие фрагменты, включенные в сочинения XI- XIII вв., все же можно предполагать, что в этот период существовала развитая историческая проза на ханмуне. Самые древние образцы ее сохранились и в довольно многочисленных эпиграфических памятниках - надписях на каменных надгробьях и стелах возле гробниц правителей - ванов. Эти надписи составлялись

в традиционной на Дальнем Востоке форме биографии, идущей от «Исторических записок» китайского историографа Сыма Цяня (II-I вв. до н. э.). Например, в надписи на стеле, установленной в 414 году в память когурёского правителя Квангэтхо-вана («Расширителя земель») излагается в хронологической последовательности родословная героя и его жизнь, наполненная ратными подвигами и добродетельными деяниями [31]. В такого рода биографиях формируется нормативный с точки зрения конфуцианства образ человека. Имеются также надписи на «иду», но в целом следует сказать, что художественная проза на «иду», по-видимому, так и не была создана.

В период Объединенного государства Силла (вторая половина VII в. - начало X в.) наряду с биографическим жанром литературы на ханмуне и поэзией на корейском языке (в записи способом «иду») получил распространение жанр путевых записок, не увядавший в Корее вплоть до XIX в. Первыми авторами путевых записок были буддийские монахи, совершавшие паломничества в Китай и даже в более отдаленные страны. Один из буддийских проповедников Хечхо побывал в Индии и вернулся в Силла в 727 г. От него осталось, правда в сокращенной форме, сочинение на ханмуне «Хождение в пять индийских княжеств» (в издании IX в.), в котором автор поведал о красотах природы, достопримечательностях, людях и обычаях, увиденных им во время путешествия [30; 28; 29].

Самым крупным литератором той поры был Чхве Чхивон (857- ок. 915 гг.), чьи стихи и «высокая» проза на ханмуне получили признание даже в танском Китае. К сожалению, все его сочинения, в том числе собрание прозаических и поэтических произведений в двадцати томах – «Кевон пхильгён» и «Силлаские сказания об удивительном и разном», утеряны. Сохранились лишь отдельные его стихи и несколько «историй об удивительном» [32]. В X в. Корея вступает в эпоху «развитого» средневековья, которая продолжалась до середины XVII в. и включала три исторических периода. Первый период - X-XIV вв. - условно можно подразделить на два этапа: X-XII в., когда образовалось и переживало пору расцвета единое централизованное государство Корё, и XIII-XIV в., когда корейский народ поднялся на борьбу против монгольских завоевателей и когда обострение внутренних противоречий в стране и междоусобицы привели к смене Династий. В это время происходил процесс кристаллизации средневековой культуры Кореи [33]. С воцарением

династии Ли в 1392 г. начался период укрепления феодального государства. С ним совпал «золотой век» в развитии корейской средневековой культуры, ставший переломным и для литературного процесса, ибо после обнародования фонетического алфавита в 1446 г. корейская словесность впервые обрела возможность быть свободно записанной на родном языке. Но уже в конце XVI в. наступил период ослабления централизованного феодального государства. Оно было вызвано междоусобной борьбой внутри правящего класса, а также тяжелой Имджинской отечественной войной корейского народа против японских захватчиков (1592-1598 гг.) и опустошительными маньчжурскими нашествиями в первой половине XVII в.

В начальный период Корё вместе с введением системы государственных экзаменов на чин (958 г.) и открытием частных конфуцианских школ сильно возрос интерес к литературе на ханмуне [33]. Теперь ей официально отводится роль “высокой” литературы. В ней все явственнее стали ощущаться два потока: конфуцианское и буддийское начала. Конфуцианская линия отчетливо видна в крупнейшем памятнике корейской историографии - “Исторические записи о трех государствах” (“Самгук саги”), составленном Ким Бусиком в 1145 г. по типу “образцовых” китайских династийных историй. Это сочинение по праву считается не только первой исторической хроникой Кореи, но и сокровищницей ее древней и раннесредневековой корейской литературы [34].

Особенно примечательные в художественном отношении образцы прозы содержатся в основных анналах летописи и в разделе жизнеописаний. Хронологическое изложение событий в каждом из трех упомянутых выше государств Ким Бусик начинает с предания о его легендарных основателях. Историк характеризует общую картину прошлого с помощью рассказов об отдельных исторических или же вымышленных личностях. Для жизнеописания всегда отбирается необыкновенный человек, который совершает какие-то выдающиеся деяния; причем образ героя как бы заранее предопределен и иллюстрирует один из конфуцианских устоев - либо это добродетельный сын, либо преданный чиновник, либо же целомудренная женщина «Госпожа Соль» и т. п. Это сказалося и на построении биографии, которое стало постоянным и для некоторых других повествовательных жанров. Вот жизнеописание Соль Чхона, ученого и мудрого советника у правителя Силла. После рассказа о происхождении жизни описывается ситуация, которая приводит его к

подвигу: Соль Чхон сочиняет притчу, содержащую предостережение государям. Затем автор перечисляет деяния, благодаря которым герой удостоился жизнеописания: Соль Чхон, рассказывая притчу, в которой осуждаются поступки правителя, рискует поплатиться головой, но ему удастся с честью выйти из положения [32]. Наконец, автор сообщает о воздаянии за подвиги (указывая титулы и должности, пожалованные Соль Чхону), а иногда и о заслугах потомков. Биография может завершаться послесловием от имени историографа, в котором он дает свое суждение о деяниях героя или же приводит изречение из китайского канонического произведения, а порою просто народную мудрость. Все названия биографий были отмечены иероглифическим знаком «чон» («жизнеописание»), который добавлялся к имени героя.

Другой тип жизнеописания сложился в буддийской литературе в XI-XIII вв., об этом подробно, и вообще о корейской литературе с древнейших времен до XIV в. писали М.И. Никитина, А.Ф. Троцевич в труде «Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., 1969.». Это буддийские жития. В них перечислялись выдающиеся деяния того или иного наставника веры, дабы перед читателем нарисовать его величественный образ. При всей кажущейся бессвязности и дробности эпизодов, характерной для жития, они были объединены общим эмоционально-нарастающим пафосом звучания. Жития могли быть самостоятельными произведениями, каковы, например, «Житие Кюнё» Хёк Нёнджона (1075 г.) и «Жизнеописание выдающихся монахов Страны, лежащей к востоку от моря» Какхуна (1215 г., сохранились частично), и входить в состав исторических сочинений, написанных по типу «неофициальных историй» - яса, то есть без соблюдения принципа конфуцианской историографии: «фиксировать, а не сочинять». В связи с более свободным обращением с историческими фактами в них гораздо шире используются фольклорные и литературные источники. Ценнейшим памятником «неофициальных историй» Кореи являются «Дополнения к Истории трех государств» («Самгук юса») буддийского наставника Ирёна (XIII в.). В этом памятнике, в частности, собраны жизнеописания буддийских подвижников (также помеченные знаком «чон») и буддийские предания. Среди житий есть эпические, в которых прослеживается жизнь героя от начала и до конца; есть легендарные, сказочные, и есть похожие на новеллы, в которых всего лишь несколько эффектных эпизодов [35]. Все жития

завершаются стихотворными славословиями, в которых автор как бы подводит итог деятельности подвижника. Одно из полных житий новеллистического типа - жизнеописание Вонхё, в котором автор создает одновременно образ знаменитого мудреца, чудака и гуляки, включено в настоящее издание.

В XII-XIII вв. корейская художественная проза отделяется от исторической и житийной. Именно в этот период рождается новый вид литературы - пхэсоль - проза малых форм на ханмуне. О литературе пхэсоль подробно написано в книге Д.Д. Елисеева «Корейская средневековая литература пхэсоль (Некоторые проблемы происхождения и жанра)» изданное в 1968 г. Русский перевод произведений пхэсоль опубликован в сборнике «Черепашовый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв.» вышедшая свет в 1970 г. Мы уже вкратце упоминали о ней. Возможно, появление пхэсоль вызвано усилением буддийских и даосских настроений в корейской литературе, что привело к некоторой раскованности авторской воли. Название пхэсоль восходит к китайскому жанру «байшо» или «байгуань сяошо» - «литература байгуаней», то есть мелких чиновников во времена династии Хань, которым было поручено собирать «уличные рассказы», анекдоты, народные предания, песни для доклада императору о настроениях подданных [35]. В средневековой Корее сбором, обработкой и сочинением такого рода произведений занимались видные литераторы причем делали они это «от скуки», ради развлечения. Пхэсоль распространялись в виде отдельных авторских сборников, в которых подряд, без каких-либо подзаголовков, повествовалось о всякой всячине, начиная с заметок на разные темы, анекдотов, юморесок и кончая сюжетными историями и новеллами в сборниках позднего времени. Отношение к литературе пхэсоль, несмотря на ее популярность, было в придворных кругах как к развлекательному «чтиту». Ранними сборниками пхэсоль считаются «Рассказы от скуки» Ли Инно (XII в.), «Развлекательные рассказы» Чхве Джа (XIII в.), «Рассказы Пэгуна», принадлежащие выдающемуся поэту Ли Гюбо (XIII в.), «Пхэсоль Ёгона» Ли Джехёна (XIV в.). Источниками сюжетов произведений пхэсоль были не только устные рассказы, но и «неофициальные истории». Поэтому во многих пхэсоль обыгрываются исторические эпизоды и действуют реальные исторические личности, но, в отличие от «неофициальных историй», все это обработано в литературно-художественном плане [36]. Персонажами пхэсоль были не только известные сановники, ученые,

писатели, но также певички-кисэн, ремесленники, торговцы, лекари, слуги и т. д. Через пхэсоль перед читателем как бы приоткрывалась «неофициальная» сторона жизни общества. Наиболее развитый жанр литературы пхэсоль позднего периода (XV-XVII вв.) — это короткий рассказ, в котором герой нередко изображается как участник необыкновенного приключения. Основной упор в таком рассказе делается на впечатляющую концовку, которая обычно завершается авторской оценкой. В нашем томе помещены два небольших рассказа с явной фольклорной основой: «Оплошал» и «Спутался с собственной женой» из сборника «Гроздь рассказов Ёнджэ» Сон Хёна (XV в.); три новеллы литературного слоя: «Голый чедок в сундуке» из сборника «Разные рассказы из Страны, лежащей к востоку от моря» Чхон Е (ок. XVII в.); новелла «Арка с надписью: “Верной жене”», в которой рассказывается о развратной вдове, снискавшей славу целомудренной женщины, из сборника «Простые рассказы Оу» Лю Монъина (вторая половина XVI - начало XVII в.); наконец, последняя новелла «Если бамбук твой...», в которой безвестный автор с тонкой иронией вывел образ мнимого эстета-мечтателя, из сборника «Маленькие рассказы от скуки» (не ранее XVII в.).

Как бы в противовес литературе пхэсоль в XII-XIV вв. в изящной прозе на ханмуне возникает совершенно новый жанр вымышленных биографий (называемых также псевдобιοграфиями и помеченных опять-таки знаком «чон»). В большинстве своем — это аллегории, в которых героями выступают олицетворенные животные, растения, предметы, предупреждающие человеческое общество о зловещих пороках. В структуре одних псевдобιοграфий соблюдается форма исторических биографий из «официальных» историй. Они обычно сопровождаются резюме автора, составленным от имени придворного историографа. К таким аллегориям относятся помещаемые здесь «История Деньги» Лим Чхуна (XII в.), «История премудрого Хмеля» Ли Гюбо (литературным намеком для написания этой псевдобιοграфии, вероятно, послужила поэма в прозе «Беседка старца во хмелю», принадлежащая китайскому историку и поэту XI в. Оуян Сю) и «История госпожи Бамбучинки» Ли Гока (XIV в.). Построение других псевдобιοграфий, вроде «Истории служки Гвоздя», напоминает буддийские жития из «неофициальных историй» [5]. Автор последнего произведения, также публикуемого здесь, - отшельник Сигён (или Сигёнам). Под этим прозвищем, по-видимому, скрывается корейский поэт и писатель Ли Джэхён (1061-

1125). Авторы беллетристических биографий были блестящими стилистами. Все эти произведения взяты из “Восточного изборника” (“Тонмун-сон”), составленного Со Годжоном в 1478 году. Традиции жанра псевдобιοграфии прослеживаются в позднесредневековой “высокой” прозе на ханмуне в XVII-XIX веках [5].

С вступлением на трон династии Ли конфуцианство стало господствующей идеологией, что сказалось и на развитии литературы. Она все больше стала наполняться конфуцианскими нормативами. Особенно много в этом направлении было сделано членами придворной академии Чипхэнджон «Павильон собрания мудрецов». Несмотря на введение корейской письменности и появление первых поэтических произведений на нем («Ода дракону, вознесшемуся в небеса» (1445 г.) и др.), а также корейских переводов конфуцианских и буддийских сочинений, языком художественной прозы еще почти два столетия оставался исключительно ханмун [37].

XV в., принесший небывалый расцвет корейской средневековой культуре и науке, был началом серьезных сдвигов в области художественной литературы. Он дал ей несколько известных имен и новых открытий. В прозе на ханмуне наблюдается становление жанра юмористического рассказа, о чем свидетельствует появление сборников «Деревенские смешные рассказы» Кан Химэна и «Юмористические рассказы при великом спокойствии» Со Годжона. Особенно велика заслуга Со Годжона в составлении уже упоминавшегося «Восточного изборника» в 130-ти томах, включившего лучшие образцы поэзии и прозы на ханмуне. Этой антологией как бы подводился итог развития корейской литературы на ханмуне с периода Силла до начала правления династии Ли [37].

Литературным кругам тогдашней Кореи были хорошо известны китайские новеллы и повести сунского и юаньского времени, минский роман. Короткие рассказы об удивительном, вымышленные биографии и ранние произведения пхэсол вместе с распространившейся китайской повествовательной литературой в Корею подготовили возникновение сюжетной художественной прозы (сосоль) - литературной новеллы и повести сначала на ханмуне, а затем и на корейском языке. Честь создания литературной новеллы на ханмуне принадлежит Ким Сисыпу (1435-1493 гг.), который в 1471 г. составил сборник «Новые рассказы, услышанные на горе Золотой черепахи [Кымо]», взяв за образец сборник китайского писателя XIV в. Цюй Ю «Новые рассказы у догорающей лампы». Сохранилось всего

пять новелл фантастического содержания, дошедших в более поздних изданиях. Относительно всего перечисленного, можно проследить в работе Ким Сисыпа «Новые рассказы, услышанные на горе Золотой черепахи» изданное в 1972 г. Перевод, был сделан Д. Воскресенским и В. Сорокиной. В них изображены корейские персонажи, действия происходят в Корею и завершаются, как правило, трагически. Почти все новеллы украшены стихами [38].

В корейской литературе, особенно в «неофициальных историях», в прозе пхэсол, давно уже жило даосско-буддийское отношение к миру, выразившееся, в частности, в неприятии конфуцианских норм поведения. Проявлялось это отношение не только в нарочито подчеркнутом изображении непристойных, низких сторон жизни, но и в осмеянии «официально-серьезного» - государственной сферы деятельности человека. Блестящими образцами такого пародирования в XVI в. были аллегорические повести на ханмуне, принадлежащие Лим Дже (1548-1587 гг.). В повести «Мышь под судом» (два фрагмента из которой публикуются здесь), полный перевод повести на русский язык был сделан Г. Рачковой в 1964 г. Писатель-сатирик с негодованием обрушился на продажных чиновников-казнокрадов, разоблачил злоупотребления в судебной практике того времени. Другая повесть Лим Дже «История цветов», русский перевод повести сделан А. Троцевичем “Черепашовый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв.” в 1970 г. Работа написана по правилам исторического сочинения, но героями в ней выступают персонифицированные цветы и насекомые, повествование изобилует критическими замечаниями «летописца», то есть самого автора [38]. В ней резко осуждается межпартийная борьба внутри правящего класса, обострившаяся в последней четверти XVI в.

При переходе от «развитого» средневековья к «позднему», который в Корею совершился вскоре после Имджинской войны, то есть приблизительно к середине XVII в., наметились сдвиги в социально-экономическом развитии, в духовной и культурной жизни страны. Традиционная система управления, основанная на учении сунских конфуцианцев, постепенно начала видоизменяться под воздействием веяний эпохи нового времени, в которую уже вступил мир [39]. Стала набирать силы городская культура; корейцы впервые узнали о Европе и ее культуре; возросла роль практических знаний; возникло течение «сирхакпха» («Школа реальных наук»), оказавшее огромное влияние на идейную атмосферу в стране; среди народа стали

широко пользоваться корейским письмом, до этого подвергавшимся гонениям... [40]. В таких условиях и родился самый популярный в «низах» общества и у женщин жанр художественной прозы - повесть на корейском языке. Если становление жанра повести на корейском языке можно лишь предположительно отнести к первой половине XVII в., то расцвет его определенно приходится на XVIII - начало XIX вв. Известно несколько сотен повестей, но самих текстов их, записанных ранее XIX века, пока не найдено. Поэтому датировка повестей на корейском языке является весьма условной.

Повесть на корейском языке - специфическое явление корейской средневековой прозы XVII-XIX вв. Многие ее особенности определялись культурными представлениями традиционного общества на Дальнем Востоке. Читателей того времени не интересовало, кто и когда написал повесть, их занимал только сюжет - исторический (из жизни Кореи прошлых веков или соседнего Китая) или сказочный - с нагромождением однотипных, но необычайных событий (войн, кораблекрушений, сновидений и т. п.), с нарастанием конфликта, который, как правило, завершался благополучно путем вмешательства мудрого государя или же сверхъестественных сил [38]. Повесть на корейском языке всегда изображает удивительные деяния необыкновенных героев. Это в большинстве случаев известные корейскому читателю того времени идеальные персонажи (лишь в поздних повестях XIX в. они становятся более реалистичными).

Главный герой повести обычно в самом начале обездоленный человек, но к концу изложения он обязательно вознаграждается за выпавшие на его долю испытания и занимает подобающее ему место в обществе. По приемам описания повести в одних случаях близки исторической биографии, в других - вымышленной биографии. Эта связь с предшествующими жанрами прозы подчеркивается и наличием традиционного знака “чон” (реже “рок” - “запись” или “ки”- “записки”). «Из всей прозы позднего средневековья, - справедливо отмечает А.Ф. Троцевич, специально посвятившая свое исследование старой корейской повести, - пожалуй, только повесть излагала на родном языке в общедоступной форме идеи социальной гармонии, представление о том, что благодаря “правильному” поведению и “высокой внутренней природе” человек может в конце концов подняться “наверх”, как бы он ни был унижен в данный момент» [38].

В основу многих повестей легли литературно обработанные

фольклорные произведения «Повесть о Хынбу». Отметим, что почти со всеми упоминаемыми здесь повестями на корейском языке читатель может познакомиться по сборникам переводов: «История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести». М., 1960; «Повести Страны зеленых гор». М., 1966; «Роза и Алы лотос. Корейские повести (XVII -XIX вв.)». М., 1974.) или же новеллы из сборников пхэсол (например, помещенная в том же новелла «Голый чедок в сундуке» явилась источником для поздней «Повести о чиновнике Пэ»). Нередко повести сами становились достоянием фольклора. Написаны такие повести языком, близким народному. Недаром они распространялись до их литературной обработки в форме устного сказания, рукописных списков и дешевых ксилографических изданий в различных вариантах. Немало повестей было сокращенным переложением китайских романов (например, китайский роман о полководце Сюэ Жэнь-гуе был переработан в Корею в «Повесть о Сор Ингви [корейское чтение китайского имени]») [38]. Язык этих повестей наполнен лексикой из ханмуна, текст их изобилует ссылками на древних авторов, аналогиями с классическими героями. Есть корейские повести и с сюжетами индийского происхождения. Так, индийская притча о драконе и обезьяне, известная по «Панчатантре», перекочевала в «Исторические записки о трех государствах» в преобразованном виде, как история о зайце и черепахе, которая стала бытовать также в форме сказки и лишь позже легла в основу «Повести о зайце».

Жанр повести на корейском языке представлен в настоящем издании двумя наиболее популярными в Корею произведениями. «Повесть о Хон Гильдоне» считается самой ранней среди произведений этого жанра. Авторство ее приписывается Хо Гюну (1569-1618). Утопическое царство справедливости, которое создает герой повести Хон Гильдон, напоминающий многими чертами Робин Гуда, перекликается с романом китайского писателя XIV века Ши Най-аня «Речные заводы» [40]. Вторая повесть - «Повесть о Чхунхян» является жемчужиной корейской средневековой прозы. История «запретной любви» Чхунхян и Ли Моннёна - корейский образец «Ромео и Джульетты». Перевод выполнен с краткого варианта, по всей видимости, конца XVIII века, который отличается от полных более динамичным развитием действия, активностью героев, живостью языка.

Среди прозы на корейском языке, сумевшей быстро овладеть

умами и сердцами средневекового читателя, можно выделить и свою “высокую” прозу, которая распространялась в высших слоях общества. Одним из ее жанров были “дворцовые дневники”, писавшие преимущественно придворными женщинами. Например, в «Записках обиженной», созданных женой наследника престола короля Ёнджо - госпожой Хон в конце XVIII в., рассказывается о страданиях нелюбимой женщины. Другим жанром “высокой” прозы явились многотомные романы на корейском языке. Зачинателем этого жанра был Ким Манджун (1637-1692 гг.). В романе «Облачный сон девяти» он описывает историю любовных отношений монаха и восьми небесных фей. Герой романа приходит в конечном счете к буддийскому пониманию, что мирская суета, богатство и слава являются всего лишь коротким сном. Это произведение Ким Манджуна породило целую серию любовных романов - “снов” в «Сон в нефритовом тереме» в XVIII в. и др. По-видимому, самым выдающимся корейским романом восемнадцатого столетия был роман «Им, Хва, Чон и Ён» - настоящая человеческая панорама, в которой участвуют несколько сотен действующих лиц. Наряду с романами любовного содержания в корейской литературе XVII-XIX вв. хорошо представлены семейные романы на корейском языке. В качестве семейных романов можно назвать «Скитания госпожи Са по югу» Ким Манджуна «Историю добродетельных и преданных долгу» неизвестного автора, в которых на примере взаимоотношений внутри одной семьи дается оценка поступков героев с точки зрения представлений о конфуцианских нравственных устоях [41].

Критическая направленность идейного течения “сирхакпха” была впервые перенесена в “высокую” литературу на ханмуне крупнейшим писателем и ученым-энциклопедистом Пак Чивоном (1737-1805 гг.). Велик вклад его в развитие реалистических тенденций в корейской литературе. В новеллах на ханмуне, включенных в его сборник “Неофициальная история павильона Пангёнган”, писатель с большой художественной силой отразил многие социальные проблемы эпохи («Повествование о дворянине-янбане», «Повествование о барышниках» и т.д.). Важное место в творчестве Пак Чивона занимает «Жэхэйский дневник» - путевые записи о поездке в Китай в 1780 г. [42]. В него вошли философская новелла «Повествование о студенте Хо», в которой писатель воплотил свои идеалы, изобразив бесклассовое утопическое общество, и помещенная здесь сатирическая аллегория «Отповедь тигра», в которой он бичует ханжество и жестокость в

современном ему мире через восприятие дикого зверя.

Однако в целом развитие прозы на ханмуне шло уже к закату. Никаких открытий в области жанра не было. Корейская литература позднего средневековья стояла на пороге вступления в современный мир литературы, который настал для нее после очень короткого переходного периода “новой прозы” и “новой поэзии” на корейском языке в первые полтора десятилетия XX в.

1.4. Принципы официальной историографии королевства Чосон.

Падение государства Корё в ходе вооруженного выступления войскоподруководством И Сонге в период с 1335 по 1408 гг., направленных на помощь монгольским сюзеренам Корё, ведущим тяжелую затяжную борьбу против утвердившейся в Китае национальной династии Мин (1368-1644 гг.), сопровождалось изменением государственной идеологии. Так, если в период Корё буддизм являлся значительной силой, претендовавшей на политическое главенство в стране и уравнивающий конфуцианство, то после того, как последний монарх Корё был низвергнут и в стране утвердилась новая династия И, провозгласившая создание государства Чосон (1392-1910 гг.), буддизм быстро утратил свои позиции и был фактически полностью вытеснен из столь важной сферы государственной деятельности, как историописание, конфуцианством, ставшим официальной идеологией страны. В период Чосон завершился переход страны к конфуцианскому освещению собственной истории.

Основными отличительными чертами историописания становятся три основных положения:

1. историописание концентрировалось при дворе. История писалась преимущественно придворными историками для монарха и его сановников и рассматривала только то, что случалось при дворе либо то, что повлияло на обстановку при дворе.

2. историография имела летописный характер и концентрировалась на описании событий, а не на объяснении причинно-следственных связей между этими событиями.

3. историография была моралистической, предназначенной для того, чтобы преподать моральный урок для настоящего и будущего на основе событий прошлого. При попытках анализировать историческое событие, оценка давалась преимущественно поведению действующих лиц в соответствии с традиционными конфуцианскими

моральными категориями, а не в соответствии с обезличенными социальными и экономическими процессами.

Официально историография периода Чосон предназначалась для легитимации власти, так как новая династия воцарилась в стране вооруженным путем, свергнув последнего представителя династии Корё [43]. Для этой цели необходимо было легитимировать права нового правителя для занятия им трона. Для этого историки, являвшиеся придворными чиновниками, стремились всеми силами подтвердить факт наличия классического династийного кризиса в Корё, утраты последним монархом Корё Мандата Неба и обретение его основателем династии И военачальником И Сонге [43]. При этом историки сыграли значительную роль в отношениях между минским Китаем и государством Чосон – когда в начале XV в. отношения между странами по вопросу статуса чжурчжэньских племен, проживавших на территории современной Маньчжурии, обострились до крайности, Корея, не желавшая ввязываться в безнадежную войну против Китая, пошла на некоторые уступки в отношении признания права Китая на главенство среди чжурчжэней. В обмен на это китайцы согласились изменить ряд своих официальных записей по вопросу происхождения правящего рода государства Чосон, что способствовало легитимации новой династии [44]. Так историография оказалась вполне реальным, а не сугубо идеологическим, оружием в борьбе за утверждение в стране новой власти.

Впоследствии в стране было создано историческое произведение, «закреплявшее» в глазах всех конфуциански образованных людей в стране легитимность династии – по приказу государя Седжона (1418-1450 гг.) была составлена династийная история периода Корё – «Корё са». Составление этого архиважного документа было поручено комитету историков под руководством высокопоставленного сановника Чон Инджи (1396-1478 гг.). Династийная история была составлена в полном соответствии с нормативными требованиями конфуцианской историографии – написанная на литературном китайском языке вэньянь, она состояла из 139 квонов, 46 из которых представляли собой хроники правления монархов, 39 – географические описания регионов Кореи, 2 – хронологические таблицы, 50 – биографии и 2 – списки-оглавления. В целом, «Корё са» была завершена в 1451 году, уже после смерти государя Седжона [44].

Параллельно составлялись другие исторические сочинения –

например, официальное обозрение военной истории Кореи – «Тонгук пёнгам». При этом особое внимание уделялось героической борьбе корейского народа и корейских войск внешним вторжениям – это позволяло легитимировать власть крупного военачальника И Сонге, неоднократно наносившего поражения чжурчжэням и японцам [45].

Однако дать в рамках короткого реферата полный обзор всей корейской историографии периода Чосон невозможно – в отличие от предшествующих периодов, от него осталось обширное историографическое наследие, многие из произведений до сих пор мало известны за пределами Кореи, а некоторые оставались неизвестными даже корейским историкам, так как были погребены в библиотеках конфуцианских правительственных учреждений, упраздненных при аннексии Кореи Японией. Поэтому мы остановимся исключительно на особенностях историописания в государстве Чосон [43].

В связи с победой в Корее неоконфуцианства, наиболее выдающимся представителем которого был И Хван (1501-1570 гг.), более известный под псевдонимом Тхвеге, во главу угла при описании событий ставилась категория принципа. При этом господствующий класс, получивший конфуцианское образование, считался носителем нравственного идеала, а кормившее его безграмотное простонародье объявлялось начисто лишенным добродетелей. Это способствовало ярко проявившейся в период Чосон концентрации историописания на событиях, связанных с личностью монарха и его ближайшего окружения. Например, в августе 1658 года в Корею было отправлено донесение от имени корейского военачальника Син Нью (1619-1680 гг.), направленного на помощь маньчжурским войскам против русских казаков, об одержанной 30 июня 1658 г. победе в устье р. Сунгари. Однако за этот месяц в «Хронике правления государя Хёджона» (Хёджон силлок) нет не только упоминания о получении этого неординарного для Кореи середины XVII в. донесения, но и само имя Син Нью не встречается в этой хронике вообще. Вместо этого на протяжении более 2 недель силлок предоставляет нам подробные сведения о том, как государю нездоровилось, и как его лечили при помощи иглокалывания. А в своде боевых искусств «Оджон муе тобо тхонджи» (Высочайше утвержденное иллюстрированное руководство по боевым искусствам), составленном в 1789 г. по приказу государя Чонджо (1776-1800 гг.) ученым Пак Чега (1750-1805 гг.) и И Донму (1741-1793 гг.), при описании системы воинской

подготовки, существовавшей в Корее в период Чосон, основную часть информации составляют не реальные описания методик тренировок и т.п., а описания того, что сделал тот или иной государь – например, есть информация, как государь Ёнджо (1724-1776 гг.), дед государя Чонджо, лично показал пример своим сановникам, во время банкета поразив мишень пятью стрелами из пяти.

К тому же страну поразила тяжелая «болезнь», вызванная длительным периодом мира – при дворе началась яростная борьба придворных клик, что серьезно отразилось на историографии. В частности, в стране продолжалось составление силлок, официальных хроник каждого правления. Однако, в отличие от предшествующего периода Корё, в составление силлок была привнесена борьба политических клик, в условиях стабильности в стране не имевших иных способов оттеснить соперников от власти и прорваться к доходным и влиятельным должностям. В этих условиях силлок становились историей борьбы придворных клик в большей степени, нежели беспристрастным отчетом о случившемся. Силлок зачастую пересматривались для отражения позиций той клики, которая в данный момент контролировала государственный аппарат. Например, оригинальная хроника правления государя Сонджо (правил в 1567-1608 гг.) была завершена в 1616 г., когда у власти находилась придворная клика, известная как «Северная партия». Когда их соперники – «Западная партия» – захватили власть, они создали дополнение к хронике правления Сонджо, которое было добавлено к оригинальному тексту в 1657 г. [44]. Таким же образом придворная клика, известная как «Южная партия», контролировала написание хроники правления государя Хёнджона (правил 1659-1674 гг.), и, соответственно, оригинальная хроника, завершенная в 1677 г., отражала взгляды «южан» на правление данного государя. Тем не менее, вновь пришедшая к власти соперница «южан» – «Западная партия» – в 1682 г. сделала добавление к хронике Хёнджона. Дополнение к оригинальному тексту хроники правления государя Сукджона было произведено и в 1720-е годы, когда две соперничавшие клики, чередуясь у власти, разошлись в оценке правления государя Сукджона (правил в 1674-1720 гг.). Хроника правления государя Кёнджона (правил в 1720-1724 гг.) была написана уже в 1732 г., но после смерти в 1776 г. сводного брата Кёнджона, государя Ёнджо, в нее были внесены дополнения и изменения «партийного» характера [45].

Кроме того, некоторые конфуцианские ученые писали исторические сочинения частным образом. Часто эти неофициальные историки были учеными, принадлежавшими к отстраненной от власти группировке. Они писали свои сочинения для того, чтобы обеспечить освещение действий своей клики в наиболее выгодном для себя свете. Первый пример такой «частной» истории – это «Хэдон яон» (Неофициальные рассказы из Кореи) Хо Бона (1551-1558 гг.), написанные для того, чтобы пересмотреть информацию о конфликтах в госаппарате во время правления Ёнсан-гуна (правил в 1494-1506 гг.) в конце XV – начале XVI столетия. В конце XVIII в. один из неслужилых конфуцианцев, И Кынъик (1736-1806 гг.), решил подняться над фракционной борьбой и создать историю династии Чосон, которая бы просто воспроизводила сообщения участников и очевидцев событий без комментариев относительно того, чьи слова автор рассматривает как более заслуживающими доверия, даже несмотря на то, что часто одно сообщение противоречит другому. Его «Ёллёсиль кисуль» (Повествования из комнаты Ёллё) в настоящее время считается одним из лучших источников по истории политики при дворе в период династии Чосон, по меньшей мере, до начала XVIII в. Тем не менее, и завершил свою историю на 1720 г., до того, как его собственный прямой предок пал жертвой фракционной борьбы.

Кроме того, имел место еще ряд попыток создать исторические труды по отдельным историческим событиям, в таком ключе, который бы выставлял автора или же членов группировки, к которой принадлежал автор, в наиболее выгодном свете. Например, «Чинбирок» (Книга исправлений), написанная Ю Соннёном (1542-1607 гг.) в 1604 г. Ю Соннён использовал материалы хроник и прочие официальные документы за последнее десятилетие XVI в., когда Корея вела борьбу с японским вторжением 1592-1598 гг., со своим авторским повествованием о том, что он, высокопоставленный сановник того времени, испытал лично. Другим важным источником дневникового характера является «Ханджуннок» (Записки в печали) «госпожи Хон из дворца Хегён» (1735-1815 гг.), которая была супругой наследника престола Садо-седжа (1735-1762 гг.), умерщвленного собственным отцом – государем Ёнджо. В своем сочинении, вышедшем в 1795 г., она пыталась объяснить, что члены ее семьи не несут ответственности за смерть престолонаследника [44].

В целом, следует признать, что корейская историография периода Чосон так и не переросла рамок конфуцианской историографии, основные положения которой были заданы почти за 2000 лет до падения династии Чосон. Так, еще в 1911 г., уже после фактического падения традиционного для Кореи государства с господствующей конфуцианской идеологией, Унчхе Ке Ёнсу было составлено сочинение по древней истории Кореи «Хвандан коги» (Древние записи о Хваньуне и Тангуне). Хотя в настоящий момент известна только копия этого текста, переписанная корейским национальным алфавитом и изданная в 1979 г. типографским способом, содержание и структура текста демонстрирует родство этого сочинения с сочинениями предыдущих эпох. «Хвандан коги» состоит из пяти отдельных томов:

- «Самсонги» в 2 томах, содержит описание мифического древнего государства Хвангук, якобы существовавшего в течение 3301 года, и 1565-летнего правление потомков небесного духа Хвануна в государстве Пэдалгук.

- «Тангун сеги» описывает 47 поколений правителей из рода мифического первопредка корейцев Тангуна.

- «Пук Пуё ги» описывает правление шести ванов государства Северное Пуё

- «Тхэбэк ильса» описывает историю государств Хвангук, Пэдалгук, Самхан, Когурё, Пархэ и Корё.

Это любопытный образец корейской историографии конца периода Чосон, сочетающий в себе как черты ортодоксальной конфуцианской историографии, господствовавшей в стране на протяжении более 700 лет, так и новых веяний, которые можно назвать вслед за Дональдом Л. Бэйкером националистическими – автор этого сочинения, пользуясь традиционным инструментарием придворного историка, попытался создать произведение, которое бы отличалось значительным удревнением истории Кореи и, тем самым, пробуждало бы национальное самосознание корейцев перед лицом японского колониального правления.

До некоторой степени это сочинение близко не только к составленному в 1675 г. «Кювон сахва», содержащему записи корейских мифов и легенд, увязанных с официальной трактовкой истории страны, но и с более ранними сочинениями подобного рода – «Тонмён-ван пхён», «Самгук Юса» и т.п.

В то же самое время перспективное направление развития

оригинальной исторической и философской мысли, зарождавшееся в рамках прогрессивного течения за изучение естественных и точных наук – сирхак, оказалось в силу ряда причин (в т.ч. и субъективных) не способным создать собственные полномасштабные исторические сочинения. Тем не менее, уже к концу XVIII века можно говорить о появлении в корейской исторической мысли первых ростков национализма, выразившихся в попытках критически переосмыслить данные традиционной историографии, пронизанной духом садэчжуи. К подобным мыслителям относился, например, выдающийся деятель сирхак Пак Чивон (1737-1805 гг.), который в своем дневнике путешествия в летнюю резиденцию императора Цяньлуна (правил в 1736-1796 гг.) в Жэхэ, совершенном им в составе корейского посольства в 1780 г. – «Ёрха ильги» (Дневник [путешествия в) Жэхэ] – написал буквально следующее: «А вообще-то надо сказать, что Ким Пусик, создавая «Исторические записи трех государств», за основу брал китайские исторические сочинения, переписывая их как достоверный источники. Он цитирует даже побасенки Лю Цюаня, иначе говоря, представляет факты истории с позиций императорского Китая. ... Не дальнего ума ученые мужи последующих правлений, бессмысленно сокрушаясь по поводу древнего Пхеньяна, рабски принимали на веру все, что записано в китайских исторических сочинениях... Но разобраться в несоответствиях или выяснить, какой город имеется в виду – Анси или Фэнхуан – они были не в состоянии». Следует признать, что подобное отношение к незыблемым ранее принципам садэчжуи стало во многом возможно от того, что многие патриотично настроенные корейцы, после воцарения в Китае маньчжурской династии Айсиньгёро, провозгласившей создание империи Цин, стали считать Корею последним островком конфуцианской учености, а Китай – страной, которая потеряла право называться истинно конфуцианским государством. Это ослабляло позиции конфуцианской идеологии в отношении к Китаю и дало возможность многим корейским мыслителям более свободно взглянуть на проблемы взаимоотношений двух стран на протяжении всей истории их существования.

Интересным феноменом корейской историографии второй половины периода Чосон стали и народные романы, составлявшиеся на корейском языке и записывавшиеся при помощи национальной фонетической письменности. Сюжеты романов черпались из событий корейской истории и отражали либо ее драматические моменты,

либо судьбы выдающихся людей. Далеко не все произведения такого жанра можно даже с большой натяжкой отнести к произведениям исторического жанра, однако хорошо известное произведение XVII в. «Повествование о полководце Ниме» вполне может быть расценено как попытка создать неофициальную биографию выдающегося корейского полководца первой половины XVII в. Им Гёнъопа (1594-1646 гг.). Существуют и другие произведения подобного жанра. До некоторой степени они могут быть соотнесены с такими произведениями китайской средневековой литературы, как пинхуа, однако более подробно этот вопрос можно осветить только после проведения соответствующего исследования.

Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ: КОГУРЁ, ПЭКЧЕ И СИЛЛА

Когурё, Пэкче и Силла — первые три государства Корейского полуострова, с истории которых начинается непрерывная история корейской культуры. Образовавшись почти одновременно, Три государства боролись за гегемонию. В результате победило Силла, объединив страну под своей властью. Все последующие корейские династии были непосредственными преемницами Трех государств.

В научной среде существуют различные точки зрения на время образования Трех государств. В целом их можно свести к двум основным. Первая точка зрения, которой придерживаются по большей части корейские историки, определяет время образования Когурё, Пэкче и Силла как государств рубежом I в. до н. э. — I в. н. э. Причины такого подхода понятны — вполне естественное желание доказать длительность истории корейской культуры. Сторонники этой теории исходят из того, что информация, представленная в «Исторических записях Трех государств» («Самгук саги») Ким Бусика (1075-1151 гг.), так же, как и в древних китайских исторических сочинениях, имеет реальную основу [2]. Действительно, «Самгук саги» — это самый ранний исторический труд о Трех государствах, дошедший до нас. Это также самый полный источник фактической информации. И если не соглашаться со сторонниками этой точки зрения, то тогда текст «Самгук саги» придется считать состоящим во многом из мифов, что также маловероятно.

Вторая точка зрения определяет процесс становления государственности в Когурё, Пэкче и Силла как весьма длительный, занявший несколько столетий и завершившийся лишь к III-IV вв. Ее придерживаются отечественные историки. В Южной Корее также можно найти ее приверженцев, но их меньшинство. Так, руководство Центрального государственного (исторического) музея Республики Корея (Южной), который до конца 1990-х г. располагался на территории комплекса построек королевского дворца Кёнбоккун в Сеуле, в 1990-е г. как раз исходило из второй точки зрения, называя время первых веков нашей эры как «Прото-Три государства» («Вон Самгук»), за что получало нарекания со стороны ряда южнокорейских историков. Эта точка зрения опиралась на данные археологических раскопок, а также на исторические тексты, такие, как «Самгук саги», которые воспринимаются с учетом поправки на время написания труда (XII в.) [3; 7].

Самые ранние сообщения о Трех государствах из «Самгук саги» следует относить к описаниям истории союзов племен с зачатками государственности. То, что в «Самгук саги» история Когурё, Пэкче и Силла первых веков нашей эры представляется как история государств, наверное, объясняется поздним (XII в.) написанием самого памятника и, соответственно, произвольной «подгонкой» сохранившихся к тому времени исторических фактов о прошлом к тогдашним представлениям о единственно возможном государственном устройстве, в рамках которого и жил сам автор [8]. Не следует забывать, что в XII в., т. е. во время написания Ким Бусиком своего сочинения, ни в Корее, ни где-либо в мире еще не существовало представлений о генезисе государства.

2.1. Когурё

До начала IV в. не только в культурном, но и территориальном плане Когурё было небольшим протогосударственным образованием в среднем течении реки Амноккан. С севера оно было ограничено протогосударством Пуё, а с юга — китайским округом Наннан. Этнической основой Когурё были племена мэк. В дальнейшем были присоединены племена окчо, пуё и другие [2].

Мифическим основателем Когурё считается государь Чумон. Чумон — личное имя, в переводе на русский язык означает «Меткий лучник». Храмовое имя Чумона — Тонмёнеай, т. е. «Светлый государь Востока». Слово «Восток» в данном случае обозначает Корею, поскольку она находится к востоку от Серединой Империи — Китая [31].

Представим краткое изложение мифа об основателе Когурё.

Правитель Пуё Хэбуру до старости не имел сына. Поэтому он молил духов гор и рек о наследнике. Однажды около озера Конён он увидел необычный камень, велел перевернуть его и обнаружил под ним маленького ребенка, похожего на лягушку. Хэбуру решил, что это Небеса посылают ему наследника и взял мальчика с собой, назвав его Кымва, что значит «золотой лягушонок» [2; 4].

По настоянию своего министра по имени Аранбуль правитель был вынужден перенести столицу на восток и основать там Восточное Пуё. Причиной тому явился сон министра, в котором Небеса повелели ему освободить прежнюю столицу с тем, чтобы Небо смогло послать туда своих наследников и основать новое государство. Действительно, через некоторое время в прежней столице неизвестно откуда появился

человек по имени Хэмосу, объявил себя сыном Небесного государя и стал править [31].

После смерти правителя Пуё Хэбуру его место занял Кымва. Однажды к югу от горы Тхэбэк нашли девушку по имени Юхва («Цветок ивы»), которая говорила, что она — дочь речного владыки Хабэка и что как-то в доме у реки Амноккан человек по имени Хэмосу («небесный» правитель прежнего Пуё, ради которого Хэбуру оставил столицу) овладел ею, за что родители разгневались и выгнали девушку из дома. Кымва решил взять ее с собой и поселил в отдаленном доме, так, чтобы никто не мог ее видеть. Однако лучи солнца постоянно преследовали девушку, и от них невозможно было спрятаться. Под действием лучей она зачала и родила огромное яйцо. Кымва хотел было избавиться от яйца, выбросив его, но птицы и животные сохранили яйцо. Он хотел сам разбить его, но не смог и, в конце концов, вернул матери. Мать положила яйцо в теплое место, и через некоторое время из него появился красивый мальчик. Он был очень смышленным и хорошо стрелял из лука, поэтому его и назвали Чумон — «Меткий лучник» [2].

У Кымва было еще семеро сыновей, которые испытывали зависть к Чумону и даже боялись его. Они всячески упрасивали отца избавиться от Чумона. Кымва не хотел расставаться с ним. Тогда сыновья и придворные сановники задумали убить Чумона. Об этом узнала мать — Юхва и тайно известила сына. Чумон бежал с тремя друзьями. Погоня не смогла догнать беглецов. Чумон кормил лошадей так, что хорошие лошади выглядели хилыми (они-то и достались Чумону), а плохие — упитанными (на них ездил ван и его приближенные). Ко всему прочему, все живое в природе помогало беглецам. Например, рыбы и черепахи всплыли и выстроились так, что получился мост через реку Омхосу, которую пересекал Чумон. Так он достиг местности Чольбончхон, встретив по дороге трех мудрецов, которые стали его сопровождать. Местность ему понравилась, и он решил основать государство, дав ему название Когурё и взяв фамилию Ко. Это было в 37 г. до и. э. Тогда Чумону исполнилось 22 года. Его слава росла, и правители пограничных с Когурё территорий изъявляли желание подчиниться его власти [31].

Современные исследователи считают, что миф о Чумоне отражает процессы переселения части племен, населявших протогосударство Пуё, и образования таким образом Когурё — сначала как союза племен, а затем — государства.

Основой формирования государства Когурё послужили пять родовых объединений — бу: Сонобу (возможен вариант прочтения как Еннобу), Чоллобу, Суннобу, Кваннобу и Керубу. Упоминания о бу встречаются в исторических источниках, начиная со II в. до н.э., а именно со 107 г. до н. э. Тогда в среднем течении реки Амноккан, после падения Древнего Чосона, появилась небольшая область Когурё, в которой проживали пять бу. Доминирующее положение занимал род Суннобу, а его глава признавался за вана [33].

К концу I в. до н. э. во главе когурёских бу встал родоплеменной союз Керубу, пришедший, как предполагается, из Пуё, что и отражено в мифе о Чумоне. Тогда глава Керубу стал ваном союза пяти бу, а за всем союзом закрепилось название «Когурё» — название местности, где проживал клан Керубу [33].

Сторонники теории раннего становления государственности в Когурё считают, что ван был не просто главой союза племен, а фактически государем. В качестве аргумента приводят использовавшиеся в Когурё уже на рубеже тысячелетий наименования высших должностей, отчасти напоминающие классические китайские. Например, санга — министр или сачжа — посланник. С другой стороны, были и такие наименования, которые трудно сопоставить с чем-либо. Например, кочхуга, условный перевод — «министр». В данном случае иероглифы, с помощью которых записывается должность, используются как знаки транскрипции вне связи с их значением. Трудно достоверно судить о том, что стояло за этим или другим подобным названием.

С самого начала образования для Когурё было характерно социальное расслоение. Высшее сословие представляли ван, а также тэга — главы родоплеменных объединений. Основную часть населения составляли крестьяне. Зажиточные слои именовались хомин, что значит «зажиточный народ», а бедные крестьяне — хахо, т.е. «низшие дворы». С крестьян собирались продукты сельского хозяйства, рыбных и соляных промыслов. Последнее дает основание говорить о ранних формах налогообложения, а значит, и о некоторых элементах государства.

С первых веков своего существования Когурё не избежало столкновений с ближайшими соседями — Китаем и Пуё [4]. Например, в 28 г. ханьский (китайский) наместник Ляодуна напал на Когурё. В 121 г. когурёский Тхэчжо-ван напал на Ляодун и китайский округ Хэнтхо. В 172 г. в правление государя Синдэ-вана имело место

вторжение китайских войск в Когурё и т. д.

Однако более всего Когурё конфликтовало со своим северным соседом Пуё. И Пуё, и Когурё, очевидно, находились на соотносимом уровне развития. Поэтому каждое из двух протогосударств могло быть поглощено другим, что и случилось впоследствии. В 6 г. до н. э. из Пуё был снаряжен военный поход в Когурё, в который отправилось 50 000 человек. Во многом из-за зимней непогоды нападавшей стороне пришлось отказаться от продолжения похода. В 13 г. н.э. в правление Юри-вана было успешно отражено очередное нападение пуёсцев. В 21 г. Тэмусин-ван сам отправил войско в поход на Пуё. В 56 г. король Тхэчжо-ван напал на земли племен окчо и присоединил их.

Излагая раннюю историю каждого из Трёх государств, буквально по каждому отдельному событию можно найти ряд фактов, которые либо поддерживают, либо опровергают теорию раннего формирования государственности. К примеру, выше было упомянуто о походе на Ляодун Тхэчжо-вана. Согласно сведениям, из «Самгук саги», Тхэчжо-ван правил 94 г. (53-145 гг.), т.е. жил он около 100 лет, что для ранней истории маловероятно.

Конец II в. н. э. является тем рубежом, когда уже однозначно можно говорить о начале формирования государственности в современном понимании этого термина, что связано с рядом важнейших изменений в административном устройстве Когурё. Пять бу были переименованы и получили названия в зависимости от сторон света (в отличие от прежних названий родоплеменных объединений). Так, Керубу стал называться Нэбу — «Внутреннее бу» (или Хванбу — «Желтое бу»), Чоллобу — Пукну, т.е. «Северное бу» (или Хубу — «Заднее бу»), Сун-нобу — Тонбу, т.е. «Восточное бу» (или Чвабу — «Левое бу»), Кван-нобу — Намбу, т.е. «Южное бу» (или Чонбу — «Переднее бу»), Соно-бу — Собу, т.е. «Западное бу» (или Убу — «Правое бу»). Указанный факт переименования, скорее всего, связан с объединительными процессами, происходившими в Когурё, когда родоплеменные различия стирались, и все население становилось более или менее однородным.

Второе изменение произошло в системе наследования «должности» вана. Наследование по линии братьев, когда после прекращения линии наследования ван избирался заново, сменилось на наследование от отца к сыну. Этот факт свидетельствовал об усилении центральной власти.

Однако, на наш взгляд, именно присоединение в 313 г.

китайского округа Наннан (образованного в свое время на месте Древнего Чосона) послужило поворотным моментом в формировании государственности Когурё как в территориальном, так и в культурном плане [43]. Говоря о культурном влиянии, основное внимание хотелось бы обратить на значение китайской письменности, которая стала быстрее распространяться с присоединением округа. На протяжении полутора тысяч лет корейскую культуру и корейскую государственность обслуживала исключительно иероглифическая письменность, заимствованная из Китая. Роль письменности в процессе формирования государства — тема для специальных исследований, и мы не будем останавливаться на ней подробно. В любом случае, новый этап распространения иероглифической письменности подготовил почву для принятия буддизма из Китая. В Середнем государстве к тому времени все основные буддийские каноны были переведены на китайский язык. Считается, что буддизм проник в Когурё в 372 г. и вскоре стал государственной религией.

Именно в IV в. в Когурё окончательно утвердилось конфуцианство и была основана придворная конфуцианская академия. Конфуцианство служило идейной основой теории государственного управления в Корею.

К V в. Когурё не только окончательно оформилось как государство, занимавшее весь север Корейского полуострова, но и имело развитый аппарат власти, армию, сложившиеся классовые отношения. Описанию этих процессов как в Когурё, так и в двух других корейских королевствах будет специально посвящена глава 5 первой части книги.

2.2. Пэкче

Государство Пэкче формировалось в бассейне реки Ханган. Сначала Пэкче было одним из сильных протогосударственных объединений гук в составе протогосударства Махан. Правда, тогда первый слог названия — Пэк записывался другим иероглифом, но это совсем не означает, что речь идет о каком-то другом Пэкче. На ранних этапах использования китайских иероглифов для записи корейских слов иероглифы могли употребляться для передачи фонетического звучания корейского слова независимо от значения.

Затем объединение Пэкчегук покоряло другие соседние гук, входившие в состав Махана. Процесс подчинения окружающих Пэкче территорий шел до III в. н. э. Поэтому вряд ли можно считать

18 г. до н. э. временем формирования государства Пэкче. Именно эта дата зафиксирована в легенде о возникновении Пэкче.

Самые старые из дошедших до нас памятников письменности не имеют единства мнений относительно того, кто и каким образом основал Пэкче. Ниже приведем краткое изложение различных вариантов легенды, представленных в «Исторических записях Трех государств» («Самгук саги») Ким Бусика [2].

Основателем Пэкче был ван Ончжо. Его отец — Чхумо. Еще имя отца могут записывать как Чумон. Чумон бежал от преследований из Северного Пуё в государство Чольбон Пуё. Правитель Пуё, имевший не сыновей (т. е. наследников), а только дочерей, женил Чумона на второй дочери. Впоследствии Чумон наследовал престол Пуё. В Чольбон Пуё у Чумона родилось два сына — старший Пирю и младший Ончжо. Через некоторое время к Чумону пришел еще один сын, родившийся ранее в Северном Пуё. Именно он должен был стать наследником Чумона. Тогда Пирю и Ончжо решили отправиться на юг, чтобы поискать там земли для жительства. Так они вместе со своими подданными пришли к реке Хан [нынешняя река Ханган]. Ончжо решил поселиться неподалеку и южнее реки основал столицу Вире, назвав государство как Сип-че [или «Десять переселившихся»]. Пирю решил отправиться на берег моря в местность Мичхухоль. Но там почвы были непригодными для земледелия, и Пирю вернулся в Вире, воссоединившись с братом. Страна с тех пор стала называться Пэкче [«Сто переселившихся»]. Фамилия основателей Пэкче была Пуё [3].

Затем в «Самгук саги» вслед за представленной выше легендой следует изложение другой легенды, в общем и целом, напоминающей первую. Однако согласно второй легенде, основателем Пэкче был не Ончжо, а Пирю [30].

Отцом Пирю и Ончжо был представитель королевского рода Пуё — Утхэ. Через некоторое время после рождения сыновей отец умер, и они остались с матерью, которая была родом из Чольбона. Ее звали Сосоно. В это время (37 г. до н. э.) из Пуё в Чольбон бежал Чумон. По прибытии в Чольбон он основал новую столицу и дал название государству — Когурё. Сосоно стала женой Чумона, и он относился к Пирю и Ончжо как к родным сыновьям. Через некоторое время в Когурё прибыл сын Чумона Юри, родившийся ранее еще в Пуё. Поскольку он должен был стать наследником, то Пирю и Ончжо отправились вместе с матерью на юг в местность Мичхухоль [34].

Существуют и другие версии легенд об основании Пэкче, дошедшие до нас в текстах китайских исторических источников. Но у них всех есть общий момент: основатель Пэкче имеет родственную связь с Когурё и Пуё — государствами севера Корейского полуострова. Поэтому считается, что большую часть населения Пэкче составляли выходцы из северной части Кореи, и этнические корни у Пуё, Когурё и Пэкче схожи. С другой стороны, учитывая то, что Пэкче при формировании включало в себя и культуру Махана, имевшую в том числе южные корни, можно говорить о двух разных по значимости составляющих культуры Пэкче с доминированием северной ветви.

На раннем этапе формирования государства Пэкче (Пэкчегук), согласно легендам, в нем, очевидно, сначала главенствовало родоплеменное объединение Мичхухоль (Пирю), а затем Вире (Ончжо) [25]. Пик или завершение процесса формирования государственности Пэкче большинство ученых относят к III в. При этом особую роль в становлении государственности они отводят противостоянию с находившимися на севере китайскими округами Наннан и Тэбан. Для того чтобы защитить себя от возможной агрессии с севера, нужно было обладать сильным войском, подобным войскам этих округов. Требовалось активно перенимать не только систему организации войск, но и государственное устройство в целом. Кроме того, у Пэкче, очевидно, были торговые и культурные контакты с округами Наннан и Тэбан [25].

Окончательное формирование государственности в Пэкче связывают с правлением короля Кой-вана (234-286 гг.). При нем пэкчская армия усилилась настолько, что сама атаковала китайские округа Наннан и Тэбан. В 246 г. в результате очередного похода в Тэбан был убит китайский губернатор этого округа. В 260 г. Кой-ван ввел 16 чиновничьих рангов и 6 категорий знатности. Одновременно был издан указ об обязательном ношении чиновничьей одежды, имевшей различные цвета в зависимости от ранга. Подобная четко определенная система должностей, во многом копируя китайскую, свидетельствовала о создании или попытке создания сильного государственного аппарата. Ряд корейских историков считают, что это была не чиновничья система в ее развитом виде, а лишь некая «письменная копия», отражавшая переходную ступень между главенствованием родоплеменной знати и зачатками выборности. Сам Кой-ван не являлся наследником предшествовавшей семьи ванов, а был выходцем из другого рода.

В 262 г. в Пэкче были изданы законы о наказании чиновников за взяточничество и воровство. В 280 г. Кой-ван отправил в китайское государство Западное Цзинь послов с целью установления дипломатических отношений.

Расцвет Пэкче приходится на IV в., когда в правление короля Кынчхо-вана (346-375) Пэкче завершило процесс подчинения окружающих территорий (бывшего Махана) и даже начинало снаряжать военные походы против соседних корейских государств. Например, в 370 г. в ходе очередного похода Пэкче против Когурё погиб когурёский король Когугвон-ван. В IV в. территория Пэкче простиралась на юг вплоть до корейского Южного моря, а на севере — до границ с современной провинцией Хванхэ.

В IV в. в Пэкче окончательно закрепилось наследование престола от отца к сыну. Тогда же, согласно преданиям, начало составляться первое, не дошедшее до наших дней пэкчское историописание «Со-ги», т. е. «Летописи», что также свидетельствует о высоком уровне культуры и завершении процесса формирования государственности. В 384 г. в Пэкче официально, на уровне королевского двора, был принят буддизм.

Здесь хотелось бы обратить внимание на важность географического фактора при рассмотрении исторических процессов. Пэкче обладало самым удобным географическим положением в плане контактов с Китаем. С севера находились китайские округа Наннан и Тэбан, не отделенные от Пэкче естественными преградами. Желтое море, называемое корейцами «Западным морем», обеспечивало кратчайший путь до китайского полуострова Ляодун. Все это не в последнюю очередь обусловило высокие темпы развития государственности Пэкче.

2.3. Силла

Государство Силла имеет особое значение для истории Кореи. Именно оно оказалось сильнее двух других соседних корейских государств и сыграло роль первого объединителя Корейского полуострова. Создается впечатление, как будто и поныне земля бывшего королевства Силла — юго-восток Корейского полуострова, бассейн реки Нактонган — обладает какой-то «особенной силой». Многие политические лидеры, президенты Южной Кореи были выходцами из провинции Кёнсан, совпадающей по территории с королевством Силла периода Трех государств. Самые

распространенные корейские фамилии ведут свое начало из Силла [31].

Согласно легенде о Хёккосе, основателе Силла, это королевство образовалось еще в 57 г. до н.э., т.е. даже раньше, чем Когурё и Пэкче. Однако процесс становления государственности на Корейском полуострове тесно связан с процессом усвоения континентальной китайской культуры (что совсем не отрицает своеобразия всех трех корейских государств). Технологии производства изделий из бронзы и железа пришли в Корею из Китая. То же можно сказать об иероглифической письменности, особую роль которой в становлении государственности мы уже отмечали. Территории будущего королевства Силла были наиболее отдалены от Китая в сравнении с двумя другими государствами. Кроме того, на пути к Китаю значительными препятствиями выступали горные хребты Собэк и Тхэбэк. Поэтому можно говорить о том, что на Силла китайское влияние распространилось позднее. Средневековые хроники представляют королевство Силла самым древним из Трех государств. Современные историки объясняют это тем, что Силла являлось государством, объединившим Корейский полуостров, и, видимо, в средневековых корейских хрониках требовалось доказать право быть лидером: главенствующим может быть только то государство, чья история древнее.

Легенда о Хёккосе, основателе Силла, представленная в «Исторических записях Трех государств» Ким Бусика [2], гласит: «Во времена китайской династии Ранняя Хань [206 г. до н. э. — 8 г. н.э.] старейшины шести родов собрались на берегу реки Альчхон и стали думать, как им найти достойного человека на место государя. Поднялись на холм и увидели под горой Янсан клубящийся пар и лошадь, стоящую на коленях и кланяющуюся чему-то. Подошли ближе и обнаружили перед лошастью большое пурпурное яйцо. Лошадь, почуяв людей, заржала и взвилась в небо. Старейшины раскололи яйцо и нашли в нем дивной красоты мальчика, тело которого источало сияние. И назвали мальчика Хёккосе [что скорее всего является корейским словом, означающим «Правление, озаряющее мир»]. Яйцо было похоже на тыкву, а тыква называлась «пак», поэтому родовым именем (т. е. фамилией) Хёккосе стало Пак».

Тогда же, когда было найдено яйцо, в деревне Саряни у колодца Арэн из бока дракона чудесным образом родилась девочка, которую назвали по имени колодца — Арэн. Когда Хёккосе и Арэн

исполнилось 13 лет. Хёккосе вступил на престол, Арэн стала его женой-государыней. Это произошло на первом году правления под девизом У-фэн (китайской династии Хань) [т.е. в 57 г. до н.э.]. Новое государство получило название Сораболь, а Хёккосе стал именоваться «косоганом». Правил Хёккосе 61 год, после чего вознесся на небо. Название государства Силла утвердилось гораздо позже [4].

Таким образом, и в легенде об основателе Силла Хёккосе, подобно легенде об основателе Когурё Чумоне, мы видим мотивы чудесного рождения первого государя из яйца, что дает основание делать предположения об общих корнях культур Когурё, Пэкче (родственная связь основателей Пэкче с Чумоном) и Силла. Считается, что легенда о Хёккосе появилась в Силла позднее, чем легенды об основателях двух других государств, и испытала на себе воздействие первых двух.

Название государства Сораболь, или Сара, Саро, происходит от названия одного из 12 протогосударственных объединений гук, находившихся на территории протогосударства Чинхан, одного из Трех Хан. В течение нескольких столетий Саро подчиняло окружающие гук, пока на территории бывшего Чинхан не образовалось единое государство, которое с начала VI в. стали называть Силла. В самом Саро и подчиненных ему территориях на протяжении нескольких столетий происходили изменения, свидетельствующие о постепенном становлении и усложнении институтов государственности.

В южнокорейской историографии, с которой автор настоящей монографии в принципе согласен, историю формирования королевства Силла принято делить на три основных периода, которые связывают с изменением названия, а вместе с ним и функций главы государства.

Первый период, длившийся до конца I в. до н. э. (начало точно определить пока не представляется возможным), называется периодом косоган и чхачхаун. Первые правители Силла — Хёккосе (57-3 гг. до н.э.), Намхэ (4-23 гг. н.э.) именовались не ванами, а косоганами. В дальнейшем всем силласким государям, за исключением Хёккосе, средневековая корейская историография приписала титул еан, что должно было указывать на легитимность и высокий статус их власти. Однако первые правители Силла не были ванами.

Косоган — это корейское слово, записанное китайскими иероглифами, которые использовались исключительно для

передачи звучания. Значение слова никак не связано со значением иероглифов, передающих это звучание. Оно указывало на главу рода и военного руководителя, а термин чхачхаун - на шамана или распорядителя различных церемоний жертвоприношений. Титулы косоган и чхачхаун на начальном этапе формирования Силла нередко применялись по отношению к одному лицу. Это означало, что глава рода мог одновременно быть военным руководителем и выступать «религиозным» лидером. При этом немало ученых считают, что во II-I вв. до н.э. население бывшего Чинхан с центром в Саро (Кёнчжуской равнине) еще не достигло такого уровня консолидации в политическом и военном отношении, чтобы можно было говорить о государстве. Особую роль в процессе формирования государства тогда играли всевозможные церемониалы жертвоприношений, важнейшими из которых были жертвоприношения духам предков [28].

Следует отметить, что и в современной Корее, как в Южной, так и Северной, ежегодные церемониалы жертвоприношений духам предков в семейном и общегосударственном масштабах не потеряли своей актуальности.

В первый период социально-экономической формой организации населения была сельская община.

Второй период формирования Силла именуется периодом нисагым. Он начался в конце I в. до н. э. и продолжался до IV в. н. э. Нисагым — новое название правителей союза Саро, указывавшее на его особый статус как главы союза родоплеменных протогосударственных объединений. Наряду с новым титулом нисагым, правители остальных протогосударств союза Саро продолжали называться косоганами [29].

Власть нисагымов не всегда была наследственной. На собрании косоганов, согласно общему мнению, принималось решение либо о передаче власти по наследству, либо об избрании нового нисагыма. Чаще всего нисагымами становились главы родов Пак, Сок и Ким. Таким образом, отчасти выборная власть в Саро указывала на незавершенность процесса формирования государственности на этом этапе. Для установившейся монархической власти в Корее (как и на всем Дальнем Востоке) было характерно представление о небесном происхождении рода государя или его особой близости к Небу, что автоматически подразумевало передачу власти по наследству [31].

Второй этап в формировании королевства Силла (Саро)

связан не только с изменением характера верховной власти. В это время население покоренного Китаем Древнего Чосона в большом количестве переселялось на юг Корейского полуострова, в том числе и в Кёнчжускую равнину — центр формирования королевства Силла. Вместе с переселенцами в Силла (Саро) была принесена более развитая технология производства железных орудий труда. Это способствовало как экономическому, так и военному усилению района Кёнчжу.

В I-II вв. продолжался процесс присоединения к Саро близлежащих территорий, так называемых «малых государств». Только в конце I — начале II в. в союз Саро вошли Уси-сангук, Кочхиль-сангук. Пи-чжигук, Чхонхальгук и многие другие. Ситуация в регионе складывалась таким образом, что трудно было избежать процесса присоединения. По соседству с Саро все более укреплялось и территориально разрасталось государство Пэкче, а также древнее корейское государство Кая.

При этом основой союза Саро были шесть бу — родоплеменных объединений самого Саро, ставших впоследствии основой административной системы государства.

Третий период формирования Силла, длившийся с конца IV до начала VI в., называют периодом марипкан. Марипкан — это еще одно название главы союза Саро. Этимологически слово марипкан связано со словами косоган или кан, указывавшими на глав союзов племен. Марип обозначает «великий» и свидетельствует об очередном повышении статуса верховного правителя.

Этот период истории Силла характеризуется переходом власти к роду Ким в правление Нэмуль-вана (356-402 гг.) и окончательным закреплением передачи власти от отца к сыну, произошедшим в правление Нульчжи-вана (417-458 гг.). В столицу Силла (нынешний город Кёнчжу) со всей территории страны поставлялись продовольствие, самые разнообразные материальные ценности, рабы. Силлаские правители все более и более богатели, что очень хорошо можно проследить по королевским гробницам в Кёнчжу: чем позже построена гробница, тем больше она по размеру и тем богаче погребальная утварь [31].

С начала VI в. название государства Саро было заменено на Силла, а силлаские государи стали именоваться ванами. Южнокорейские историки объясняют переход от исконно корейских наименований силласких государей к «прокитайским» связью

с вассально-сюзеренными отношениями Кореи и Китая или процессом заимствования китайской культуры. (С точки зрения Китая, ванами должны были именоваться правители пограничных с Китаем государств, находившихся на более низком культурном уровне и обязанные подчиняться императору Китая.) Такой переход они объясняют тем, что в связи с ростом и расцветом Силла появилась объективная потребность в развитии культуры, в том числе политической. Поэтому Силла заинтересовалось Китаем как соседней державой, стало проявлять интерес к нему и воспринимать отдельные элементы его культуры. По этой причине силлаские правители стали именоваться ванами. Известен факт, что в 377 и 382 гг. при посредничестве Когурё Силла отправляло в Китай послов для представления при дворе китайского императора и утверждения статуса государства [27].

В начале VI в. в Силла были установлены 17 должностных рангов, что свидетельствовало о создании более сложного государственного аппарата. Тогда же в Силла стал проникать буддизм. Что касается конфуцианства и его влияния в раннем Силла, то в исторической литературе этой проблеме почти не уделяется специального внимания. Однако поскольку и в самом Китае, и в сопредельных странах, например, в Когурё и Пэкче, конфуцианство служило идейной основой формирования идеологии государственного управления, можно предположить, что и Силла, воспринявшее китайскую иероглифическую письменность, в известной степени также не избежало влияния конфуцианства.

ГЛАВА 3. ОБРАЗОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

О государстве Пархэ известно не так много, как о Когурё, Пэкче или Силла. Кроме того, непросто определить, к истории какой культуры, какого государства относится Пархэ, занимавшее Корейский полуостров к северу от реки Тэдонган (современные провинции Хамгён, Пхёнан, Янган, Чаган), северо-восточную Маньчжурию, бассейн реки Сунгари, южную часть бассейна Амура и часть территории современного Приморского края. Населяли Пархэ жители бывшего Когурё, а также племена мальгаль (по-китайски — мохэ). Культура государства имела как когурёские, так и китайские корни. Поэтому в европейской исторической литературе название Пархэ часто передают в китайском прочтении как Вохай, имея в виду то, что история Пархэ (Бохая) является частью китайской истории.

В отечественной историографии историю Пархэ-Бохая относят к истории «тунгусо-маньчжурских народов» или даже к истории «советского Дальнего Востока». Отечественные работы по общей истории Кореи, изданные в начале 2000-х годов, обходят проблему Пархэ-Бохая молчаливым, словно это государство не имеет никакого отношения к истории Кореи.

При этом и в Южной, и в Северной Корее нет ни одной работы по общей истории Кореи, включая учебники для средних школ, где бы история Пархэ не описывалась как часть корейской истории.

В Северной Корее истории Пархэ всегда уделялось повышенное внимание. Как-никак, Пархэ занимало большую часть современной Корейской Народно-Демократической Республики и к тому же противостояло королевству Силла — в известной степени символу Южной Кореи. К тому же в северокорейской историографии не признается факт объединения Корейского полуострова королевством Силла. История Кореи последних столетий I тысячелетия излагается таким образом, что Корея предстает разделенной на два равных по значимости государства — Пархэ и Силла. Именно поэтому королевство Силла после VII в. именуется не Объединенное Силла, а Позднее Силла.

В Республике Корея историю Пархэ относили к корейской истории и в 1950-е годы. В 1990-е годы интерес к истории Пархэ стал проявляться особенно заметно. С одной стороны, перспектива объединения Корейского полуострова пробудила особое внимание к древней истории территорий, которые должны стать частью будущего единого корейского государства. С другой — 1990-е годы

ознаменовались для Южной Кореи увеличением числа всевозможных исследований по истории Кореи, в том числе затрагивающих весьма специфические проблемы, недостаточно излучавшиеся ранее.

Поэтому, несмотря на всю неоднозначность вопроса о культурно-исторической принадлежности Пархэ-Бохая, и учитывая то, что и в КНДР, и в Республике Корея историю Пархэ относят к истории Кореи, мы не можем обойтись без хотя бы самого краткого изложения основных моментов из истории этого государства.

3.1. Хронология Поздних Трех государств

В конце IX столетия в Силла, вследствие указанных объективных причин, на территориях, которые ранее занимали королевства Пэкче и частью Когурё, сепаратистские силы провозгласили создание «прежних» королевств, погибших в результате «неправедных» действий Силла. При этом лидеры этих сил не были прямыми потомками пэкчесцев или когурёсцев. Они обращались к истории для идейного оправдания противостояния силласкому двору.

Обратимся к более подробному изложению событий, связанных с основанием Позднего Пэкче и Когурё, падением Позднего Пэкче и Силла.

Как уже отмечалось, основателем Позднего Пэкче был Кёнхвон. В «Достопамятных событиях Трех государств» («Самгук юса») зафиксированы предания, отмечающие чудесное рождение и необычную юность будущего правителя Позднего Пэкче: его мать забеременела от большого земляного червя, когда тот в облике мужчины в лиловых одеждах приходил к ней по ночам. Однажды в младенчестве Кёнхвона накормила своим молоком тигрица, когда тот лежал под деревом, на время оставленный матерью. В юности он проявил себя как выдающийся воин.

Появление в жизнеописании основателя государства или выдающегося человека мифов или легенд о чудесах рождения и необычности юных лет — распространенное явление для старой Кореи, указывающее на положительный характер персонажа.

Итак, будучи на военной службе на юго-западе Силла, когда в стране начали одно за другим вспыхивать крестьянские восстания, Кёнхвон собрал около 5000 человек и в 892 г. захватил город Мучжин-чжу (нынешний город Кванчжу провинции Южная Чолла), объявив себя королем. В 900 г. он перенес столицу севернее, в город Вансан-чжу (нынешний город Чончжу) и дал своему государству

название «Позднее Пэкче» — Хупэкче. В том же году были заново учреждены чиновничьи должности Позднего Пэкче и сформированы центральные органы власти.

Пэкче поддерживало достаточно мирные отношения с северными территориями — с Китаем, в котором к 907 г. пало государство Тан и началась так называемая «Эпоха Пяти Династий», длившаяся до 959 г., и с новым Когурё. Но с Силла отношения не складывались. Пэкче снаряжало военные экспедиции к границам Силла, а в 927 г. Кёнхвон лично возглавил поход на силласкую столицу Кымсон. Тогда был захвачен государь Кёнэ-ван (924-927 гг.). Однако Кёнхвону не удалось покорить Силла, и дело закончилось тем, что он возвел на престол лояльного к Позднему Пэкче короля Кёнсун-вана (927-935 гг.). Кёнхвон увел свои войска из Силла. Возможно, это произошло потому, что основатель нового государства Коре — Ван Гон (о котором речь пойдет чуть ниже), недовольный территориальными амбициями Позднего Пэкче, лично повел 5000 человек войск на столицу Силла и вступил в сражение с пэкческими войсками.

Активные военные действия между Поздним Пэкче и Коре вновь начали разворачиваться в 934 г. Тогда Коре захватило у Пэкче 10 крепостей. Однако в это время в Позднем Пэкче при дворе началась борьба за престолонаследие, которая подрывала устои центральной власти. Сам Кёнхвон, имевший 10 сыновей, хотел возвести на престол четвертого сына — Кымгана. Однако старший сын Сингом не согласился с решением отца. В 935 г. он заточил Кёнхвона в монастырь Кынсанса, убил младшего брата и сам захватил власть. Сингом решил сражаться с корёскими войсками, в то время как Кёнхвон и его сыновья выражали желание покориться новому могущественному Коре. В конечном итоге в 936 г. Ван Гон во главе 100-тысячного войска в сражении у местечка Сонсан одолел Сингома. Так закончилась история Позднего Пэкче.

Государство Когурё в северной части Силла было провозглашено на несколько лет позже Позднего Пэкче. Его основатель Кунье был побочным сыном государя Хонган-вана. В «Исторических записях Трех государств» («Самгук саги») биография Кунье помещена в разделе «Мятежники», что говорит о негативной оценке его исторической роли, данной в последующие эпохи. В биографии сказано, что с рождением Кунье были связаны различные неблагоприятные предзнаменования, из-за чего его даже хотели

убить. Но кормилица спасла Кунье. Тогда же в результате несчастного случая Кунье лишился одного глаза. Не имея никаких надежд ни на престол, ни на хорошую должность, Кунье удалился в буддийский монастырь Седальса, где постригся в монахи. О его монашеской жизни в биографии сказано немало дурного. Вскоре Кунье сблизился с руководителями крестьянских повстанческих армий, в 891 г. — с Кихвоном, а в 892 г. — с Янгилем, привлек на свою сторону часть крестьянских сил и с 894 г. стал действовать самостоятельно, главным образом на северо-востоке Силла, в районе современной провинции Канвон. К концу 890-х годов Кунье, подчинив безлюдный гористый северо-восток Силла, обратился к равнинному и населенному северо-западу. Получив поддержку местных «сильных семей», в том числе и Ван Гона, Кунье в 898 г. определил город Сонак (современный Кэсон) столицей своих владений. В 901 г. Кунье провозгласил себя королем государства «Позднее Когурё» — Хукогурё. Под властью Кунье оказались огромные территории, соответствующие современным провинциям Канвон, Хванхэ, Кёнги, Северная Чхунчхон. Однако слишком сильными казались Кунье его новые союзники на западе Корейского полуострова—сильными настолько, что его не покидал страх за свою жизнь. Поэтому он решил несколько отдалиться от союзников, отказавшись от идеи «возрождения» прежнего королевства Когурё и создать свое собственное, никак не связанное с прошлой историей, процветающее государство. В 904 г. Кунье изменил название государства на Мачжин и в 905 г. перенес столицу на безлюдный восток — в Чхорвон. Однако он не терял связи ни с Ван Гоном, командовавшим флотом Мачжина и успешно расширявшим территории страны на юго-запад, ни с другими влиятельными лицами, которые поддерживали новую власть.

Обладея значительной властью, Кунье вообразил, что он и есть Майтрейя — Будда Грядущего. В новой столице был выстроен роскошный дворец, и Кунье стал требовать самых высочайших почестей. Средства расходовались без ограничений. В 911 г. Кунье решил еще раз изменить название своего государства на более величественное — Тхэбон, т.е. «Великие счастливые владения». Но столица Чхорвон была слишком удаленной от основных территорий страны. Подозрительность Кунье все более росла. Он обвинял в подготовке заговоров и аристократов, и простолюдинов. Число казненных по подозрению в «измене» доходило до сотни в день. Суровой участи не избежали самые близкие к Кунье люди: в 915 г. он

казнил свою жену госпожу Кан и двух сыновей.

Недовольство населения Тхэбона стало настолько велико, что в 918 г. ряд высокопоставленных сановников — Хон Ю, Пэ Хёнгён, Син Сунгём, Пок Чигём и другие, собравшись вместе, выдвинули талантливого и достойного военачальника Ван Гона в качестве правителя государства. Кунье, узнав об этом, попытался бежать. Но в 20 км от столицы, в местечке Пуян (современное название Пхёнган), был схвачен и убит возмущенным народом. Так закончилась восемнадцатилетняя история Позднего Когурё — Мачжина — Тхэбона.

Избранный новым королем Ван Гон перенес столицу обратно в Сонак, свой родной город, бывший некогда столицей Позднего Когурё, и дал название стране — Коре. С одной стороны, это название указывало на то, что новое государство считает себя наследником некогда могучего королевства Когурё. С другой — отсутствие слога «гу», т.е. изменение первоначального названия, говорило о том, что основатель новой династии не считает эту связь прямой. После 918 г. Ван Гон, получивший храмовое имя Тхэчжо, начал борьбу за объединение страны и подчинение Корейского полуострова власти новой династии.

В заключение обратимся к последним годам Объединенного Силла, территории которого к началу X столетия сократились и стали такими, какими они были в эпоху Трех государств.

Почти сразу после того, как войска Позднего Пэкче ушли из Силла, Кёнсун-ван (927-935 гг.) попытался наладить дружеские отношения с Коре. И это несмотря на то, что государь Кёнсун-ван был возведен на престол при помощи Кёнхвона. Таким образом он надеялся противостоять агрессивным планам Позднего Пэкче. В то же время ситуация в самом Силла в правление Кёнсун-вана не улучшалась, а в соседней Коре проводились реформы, направленные на облегчение жизни простого народа, укрепление армии и государства, лучшее функционирование системы управления. Аристократия со всего Корейского полуострова, поддержавшая Ван Гона, получила земельные пожалования и почетные титулы при дворе. Возможно, все это привело Кёнсун-вана к мысли о том, что лучше добровольно подчиниться Ван Гону и передать ему территории Силла.

В 935 г. Кёнсун-ван составил письмо на имя Ван Гона, в котором выражал свое желание покориться Коре, и послал его с придворным сановником Ким Вонхю. Несмотря на то, что сыновья Кёнсун-вана не

поддержали отца, в том же 935 г. Силла официально вошло в состав Коре. Многие из силласких высших сановников перешли на службу к Ван Гонгу, а сам Кёнсун-ван был пожалован корёским почетным титулом и получил в пожизненное пользование в качестве наградных земель огромные территории в окрестностях бывшей столицы Силла, которая стала называться Кёнчжу. Так завершилась почти тысячелетняя история государства Силла.

3.2. Образование государства Пархэ и проблема его этнокультурной принадлежности

Итак, территория Корейского полуострова к северу от реки Тэ-донган и полуостров Ляодун, входившие в состав Когурё, после его падения отошли к Китаю династии Тан. На месте Когурё было образовано Аньдунское наместничество (Андон тохобу). Однако когурёсцы не подчинились новой иноземной власти и продолжали сопротивление. Мирным путем за возрождение Когурё боролось когурёское население полуострова Ляодун, губернатором которого в 677 г. был назначен последний когурёский государь Почжан-ван. Государь хотел было отправить в столицу танского Китая своего внука, которого бы признали за короля вассального, но независимого государства Когурё, но эти замыслы так и не удалось реализовать. В 699 г., после того как в 698 г. Китай упразднил Аньдунское наместничество, губернатором когурёского Ляодуна был назначен сын Почжан-вана — Ко Донму. Он пытался управлять подчиненными ему территориями независимо от Китая, поэтому одно время эти территории называли Малым Когурё. Автономия была подтверждена танским Китаем во имя спокойствия в Поднебесной.

Однако некоторые из бывших когурёсцев избирали путь вооруженной борьбы с Тан. В 696 г. в Ёнчжу, в районе Ляоси, бывшие когурёсцы и народность мальгаль во главе с полководцем Тэ Чоёном (7-719) подняли восстание против Тан, но потерпели поражение. Тогда восставшие решили отправиться на восток в сторону Маньчжурии. Там, по завершении перехода, в 698 г. Тэ Чоён объявил о создании государства Чингук (в китайском прочтении — Чжэньго), в котором стал королем, провозгласив следующий, 699 г. первым годом своего правления. Храмовое имя Тэ Чоёна — Ко-ван.

Новое государство сразу постаралось завязать дружеские отношения с соседними тюркскими народами, а в 705 г. — с танским Китаем: ни одно «периферийное» по отношению к Серединной

империи государство не могло рассчитывать на законность своего существования, если власть его правителей не подтверждалась при дворе китайского императора. Поэтому дружеские отношения с Тан были главным условием легитимности существования нового государства. В 713 г. танский Китай пожаловал Тэ Чоёну титул правителя [государства] Пархэ и по совместительству — должность губернатора области Холь-ханчжу. С тех пор новое государство в северной части Корейского полуострова и Маньчжурии стало именоваться Пархэ, или по-китайски—Бохай, что значит Море Бо. Иероглиф «государство» к названию Пархэ стал добавляться лишь с 762 г., что связано с длительностью процесса формирования и укрепления нового государства, а также с постепенным ослаблением влияния танского Китая.

Вопрос об этнокультурной принадлежности Пархэ возникает уже при попытке выяснения национальной принадлежности основателя государства—Тэ Чоёна. Дело в том, что фамилия Тэ (китайское чтение — Да) — не когурёская. Китайская историография утверждает, что Тэ Чоён этнически относился к народности мальгаль (имевшей тунгусо-маньчжурское происхождение), проживавшей на территории бывшего Когурё. Корейская хроника «Чеван унги» («Рифмованные записи о королях и императорах») и некоторые другие источники сообщают о том, что отец Тэ Чоёна был когурёским полководцем. На этом основании корейская историография придерживается теории когурёских этнических корней основателя Пархэ.

Таким образом, передача названия государства Пархэ в корейской транскрипции подразумевает поддержку теории его принадлежности к корейской культуре, в китайской транскрипции — Бохай — соответственно означает принадлежность к китайской культуре. В настоящей книге название Пархэ выбрано исключительно по причине того, что корейская историография, как северная, так и южная, считает Пархэ корейским государством.

3.3. Объединенное Силла к концу IX — началу X века: причины распада единого государства

Объединение Корейского полуострова под эгидой Силла, первое в истории Кореи, оказалось не слишком прочным. Уже с конца VIII — начала XI в. в стране вспыхивают мятежи аристократов, ставшие первыми предвестниками сепаратистских тенденций, возможно,

связанных с исторической памятью о Трех государствах. Так, представитель королевской семьи, высокопоставленный сановник Ким Хончхан, который занимал самые высокие посты в государстве, в 822 г., будучи наместником области Унчхон, поднял мятеж и покорил ряд силласких городов, включая три «малые столицы». Он даже провозгласил создание нового государства Чанан — «Долгое спокойствие», но мятеж был жестоко подавлен, а сам Ким Хончхан покончил жизнь самоубийством. В 825 г. его сын Ким Боммун также попытался захватить Пхеньян с тем, чтобы основать там столичный город. В 839 г. наместник порта Чхонхэчжин (расположен на острове, именующемся в настоящее время Вандо) Кунбок (его называют также Чан Бого) помог королю Синму-вану (839 г.) занять престол. Но когда планы наместника женить старшую дочь на сыне Синму-вана — государе Мунсон-ване (839-856) не реализовались, он также поднял мятеж.

Ко второй половине IX в. сепаратистские тенденции усилились настолько, что все больше стало появляться так называемых «сильных домов», или «сильных семей», имевших собственные земельные владения, военные дружины и мало зависевших от центральной власти. В конечном итоге этот процесс привел к образованию «Поздних Трех государств» — Позднего Пэкче и Когурё при сохранении потерявшего значительные территории Силла.

Прежде чем обратиться к хронологическому изложению основных событий истории Поздних Трех государств, рассмотрим причины, приведшие к распаду и гибели Объединенного Силла.

Единство и мощь власти Силла были подорваны прежде всего несовершенством системы сословного деления кольпхум — системы, входившей во все большее противоречие с конфуцианскими нормами управления государством, которые активно заимствовались из обновленного Китая династии Тан. Особое недовольство система кольпхум вызывала у низшего и среднего чиновничества. В Силла существовало 17 чиновничьих рангов. Имели место ограничения на занятие должностей того или иного ранга в зависимости от принадлежности к сословной категории. Высшие должности с 1-го по 5-й ранг могли занимать исключительно представители королевского рода, принадлежавшие к сословию чинголь («истинная кость»). Сословие 6-й категории тупхум не могло занимать должности выше 6-го ранга, 5-й тупхум — выше 10-го ранга, 4-й тупхум — выше 12-го ранга. Такие ограничения вступали в противоречие с конфуцианским

принципом отбора чиновников по способностям. В то же время и королевский род не всегда придерживался принципов кольпхум. Например, король Вонсон-ван (785-798 гг.) был возведен на престол только благодаря своим личным способностям, а не исходя из отношений родства.

Таким образом, сам королевский двор время от времени нарушал принципы кольпхум. Такие прецеденты привели к обострению борьбы за верховную власть среди расширившегося круга претендентов на престол, подорвали устои власти. Рядовые чиновники стали хуже подчиняться вышестоящим и требовали аналогичных прав и для себя при назначении на должности. Это — первая причина распада единого государства Силла.

Ко второй причине относят неравноправие аристократии и чиновничества главной столицы и провинции, что также противоречило конфуцианским представлениям об управлении государством. Во-первых, аппарат столичного чиновничества формировался главным образом из выходцев старых силласких бу, которые до объединения страны составляли «костяк» королевства Силла. Во-вторых, для выходцев из провинции, в случае их перехода на службу в столицу, устанавливались особые ограничения в рангах, выше которых они уже подняться не могли.

Третьей причиной называют несовершенство системы ногып, кормления чиновничества, приведшее к расширению площади частных владений и сокращению государственных полей. Оказалось, что попытка замены системы ногып на прямое жалование зерном (689-757 гг.), сначала раз в год, а потом ежемесячно, ставила чиновничество в чрезмерную зависимость от королевского двора. Поэтому отмена жалования зерном и возврат к системе ногып автоматически приводили к большей самостоятельности чиновничества. Активизировалась легальная и нелегальная купля-продажа земли. Важнейшими участниками сделок с землей стали буддийские монастыри.

Увеличение количества частных земель и сокращение площади казенных приводили к росту поборов с крестьянства и соответственному ухудшению их жизни. Количество налогов и податей с казенных полей увеличивалось по вполне понятным причинам: уровень государственных расходов не становился ниже, и поэтому для их восполнения требовалось собирать большую долю урожая с единицы площади полей, которых стало меньше.

Что касается частных полей, то все официальные, т. е. изданные государством, корейские исторические источники утверждают, что владельцы частных полей всегда собирали с крестьян гораздо больше, чем государство.

Повсеместное ухудшение жизни крестьянства из-за увеличения поборов относят к четвертой причине распада Силла. Невозможность уплатить непомерные налоги, подати и, как следствие, разорение вынуждали многих крестьян бежать в горы, становиться на путь бунта. На протяжении IX в. в Силла появлялись всевозможные «разбойничьи отряды» беглых крестьян. А в конце IX в. Силла было потрясено рядом масштабных крестьянских восстаний. В 889 г. в верховьях реки Нактонган, т. е. в историческом сердце Силла, в районе Сабольджу, вспыхнуло крестьянское восстание под предводительством Вончжона и Эно. В 896 г. на юго-западе страны действовали отряды так называемых «Красных штанов». В 891-898 гг. походы крестьянских повстанцев на востоке страны возглавили Кихвон и Янгиль.

К пятой, объективной, причине гибели Силла можно отнести неудачное географическое положение главной его столицы — города Кымсон (современный Кёнчжу), расположенной в восточной части равнины Кимхэ, отделенной от остальной части полуострова горным хребтом Собэк. До объединения страны основная часть территории Силла находилась как раз к юго-востоку от хребта Собэк, в равнинной части, управлять которой из Кымсона было не так сложно. После расширения территорий Силла на запад и на север столица оказалась на крайнем юго-востоке государства. Хребет Собэк, игравший во времена противостояния Трех государств роль естественной крепостной стены, наоборот, стал такой же естественной помехой для осуществления сильной централизованной власти.

Таким образом, ослабевающая центральная власть, беспокойная обстановка в стране и растущие центробежные силы подрывали могущество Силла. В исторической литературе выделяют пять основных источников сепаратизма в Силла.

1. Крестьянские «разбойничьи отряды» и крестьянские повстанческие армии. Стихийные вооруженные группы нуждались в руководителях, которыми иногда становились неугодные королевскому двору выходцы из служивого сословия, а иногда такие же крестьяне. Так, Кёнхвон, основатель Позднего Пэкче, очевидно, происходил из семьи зажиточных крестьян. Его отец Ачжагэ был

«полководцем» крестьянской армии, а сам Кёнхвон, до того, как стал на путь создания своего собственного государства, одно время занимал военную должность «помощника полководца» у границ юго-западного побережья. Подняв мятеж, Кёнхвон привлек на свою сторону крестьянских повстанцев во главе с Янгилем.

2. Северо-западные пограничные военные поселения и военные форпосты, основанные для защиты от возможной агрессии со стороны танского Китая. Многие из них были расположены на западном побережье страны и, кроме выполнения основных оборонительных функций, нередко становились центрами морской торговли. Начальники таких поселений богатели за счет торговли, усиливались их амбиции. Примером может служить семья некоего Пака из Пхёнсана (современная провинция Хванхэ).

3. Морские торговые порты, расположенные на достаточном удалении от силлаской столицы, т. е. на северо-западе Корейского полуострова. Здесь самым ярким примером является основатель нового государства Коре — Ван Гон (храмовое имя Тхэчжо; 877-943 гг., на троне с 918 по 943 г.). Отец Ван Гона — Ван Юн, выходец с северо-запада Силла, из города Сонак (нынешний Кэсон), одно время занимал высокие должности в силлаской столице. Однако он сумел взять под свой контроль территории вблизи Сонака, а также порты на западном побережье, через которые велась торговля с Китаем и Японией. Таким образом, семья Ван Гона приобрела значительную власть и влияние на северо-западе Силла.

4. Родовая аристократия с ее наследственными земельными владениями, обеспечивавшими большую власть и самостоятельность. Основатель Позднего Когурё — Кунье был аристократом, выходцем из королевской семьи, вставшим на путь борьбы за власть через отделение подчиненных ему территорий от остальной части Силла.

В исторической литературе также указывают на деревенских старост чхончжу («хозяев деревень») как на один из источников формирования «сильных семей». Однако чхончхенсу не сыграли какой-либо принципиальной роли в истории Поздних Трех государств.

ГЛАВА 4. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА КОРЁ В X - XI вв.

Ван Гон (Тэджо) и свержение им Кунье. Распад государства Объединённое Силла. Государство Тхэбон. Провозглашение государства Корё (918 г.) и его политика в отношении Силла. Разгром Хупэкче и объединение страны (936 г.). Политика по отношению к местным властителям. Новое административно-территориальное деление. Реформы ванов Кванджона (949-975 гг. правления), Сонджона (981 - 997 гг.), Мокчона (997 – 1009 гг.) и Хенджона (1009 - 1031 гг.). Перевоороты 1009 и 1014 гг. Войны с киданями и разгром иноземных вторжений. Правление вана Мунджона (1047 - 1082 гг.) - период наивысшего расцвета Корё, реформы государственного управления. Ли Джаен.

4.1. Первое объединенное государство – Корё

В начале X в. на бывшей территории Позднего Силла появилось два государства – Позднее Пэкчжэ и Тхэбон. От раскола территории и из-за борьбы за власть между ними народ испытывал невообразимые бедствия и страдания.

В обстановке продолжительной войны между тремя поздними государствами в государстве Тхэбон крайних пределов достигли как разложение и моральная деградация, так и произвол короля Кунь Е, отчего его ненавидели и избегали даже феодальные правящие круги.

В июне 918 г. Ван Гон, бывший в одно время подчиненным Кунь Е, обладая одной из крупных феодальных сил в районе Соньяк (Кэсон), совершил государственный переворот, а затем упразднил государство Тхэбон и основал новую династию. Ван Гон назвал ее «Корё» в смысле унаследования Когурё, установил летоисчисление «Чхонсу» и переместил столицу из Чхольвона в Кэген (Кэсон) [46].

После основания государство Корё, унаследовавшее стремление Когурё объединить страны соплеменников, развернуло усиленную борьбу за объединение территории государства. В результате, в 935 г. капитулировал Кенсун – последний король Позднего Силла, а в 936 г. пало Позднее Пэкчжэ, отчего Корё присоединило к себе всю территорию к югу от реки Тэдон.

Вследствие агрессии киданской армии в 926 г. пало Пальхэ, так что в государство Корё переселились большинство его жителей. Корё объединило их под одной властью, восстановило Пхеньянскую крепость, укрепило оборону северо-западного района и энергично

развернуло борьбу за возвращение утраченной территории Когурё. Итак, Корё, воссоединив государственную территорию, стало первым объединенным государством в истории сегодняшней нашей страны [46].

Феодальное государство Корё на основе режима феодального правления, созданного уже в начале своего основания, упорядочило его еще более в ходе больших перестроек со второй половины X века до середины XI в. Была установлена система централизованного феодального правления во главе с королем, под которым находилось 3 административных органа и 6 отраслевых управлений, центральная военная система из 2 войск в 6 направлений. В системе же местного правления существовало 5 провинций, 4 города, административные центры провинции и мок (местная административная единица).

Почти 30 лет с конца X в. до начала XI в. Корё с успехом трехкратно отразило масштабные нападения киданских агрессоров и отстояло страну. Оно воздвигло крепостную стену на расстоянии 400 км от устья реки Амнок до восточного побережья (бухты Торен уезда Чонпхен в провинции Южный Хамген), чтобы преградить вторжение чжурчженей, активно развертывало и внешнюю деятельность, а тем самым приобрело широкую известность в мире [47].

В XI в. весть о государственной мощи, развитии экономики и культуры Корё распространилась в другие страны, так что туда стали прибывать торговцы из далеких стран Ближнего и Среднего Востока.

Непрекращающаяся грызня феодальных правителей за власть и усиление ими эксплуатации и угнетения народа привели к активной борьбе народных масс. В 1170 г. военные чиновники совершили переворот и захватили власть, но от беспорядка правления феодалов усилились эксплуатация и угнетение народа. Во второй половине XII – начале XIII вв. часто развертывалась масштабная крестьянская война в разных уголках страны, включая ее северо-западный край [25].

В такое время вновь возродившиеся на севере монголы (Юань) с 1231 до 1259 гг. 6 раз совершили масштабное вторжение в Корё. Перепуганные феодальные правители удрали на остров Канхва, но народ с высоким патриотическим духом всюду доблестно сражался с захватчиками и отбил их агрессии [48]. Итак, волей-неволей Монголия заключила мир с Корё и признала его суверенитет. Это – небывалый случай в тогдашней истории монгольских агрессоров, которые всегда заканчивали войны с другими странами полностью

своей победой.

В 1270 г. феодальное правительство Корё опять переместило свою столицу с острова Канхва в Кэген, но патриотично настроенные воины и весь народ, в том числе Самбельчхо (чвабельчхо, убельчхо и синигун), непрерывно боролись против агрессивных иноземных сил и феодальных правителей, которые с врагами пошли на компромисс [25].

После войны против монголов созидательным трудом народа было развито производство, а феодальное правительство энергично развило выступление через 400 километровую крепостную стену, что позволило возратить потерянные районы и достигнуть целостности государственной территории.

И после середины XIV века также не прекращались вторжения иноземных агрессоров, включая оставшихся монгольских агрессоров (Северный Юань), Хунтоуди и японских пиратов, что причиняло корёсцам огромный ущерб, и они отважно вели борьбу против них.

В 1362 г. народ Корё отразил юаньские войска численностью в десятки тысяч человек во главе с Напхапчуром, а в 1369 – 1371 гг. корёская армия в ходе своего трехкратного похода в Ляодун нанесла сокрушительные удары всем оставшимся монгольским агрессорам (Северный Юань). В 1374 г., чтобы изгнать юаньские агрессивные силы из острова Чечжу на Южном море, корёская армия совершила поход и, полностью разгромив юаньские агрессивные силы, блестяще завершила последнее сражение за их изгнание [49].

Корёсцы в 1359 г. и 1361 г. два раза отразили вторжение Хунтоуди – еще одной агрессивной силы на севере, и тем самым отстояли свою страну.

Корёсцы разгромили японских пиратов, которые нагло грабили и убивали жителей Корё. В 1370-х гг. враги были разбиты в боях в Хонсане (уезд Пуе провинции Южный Чхунчхон), на реке Хвансан (устье реки Рактон), а в 1380-х гг. на море перед Чинпхо, в Унбоне (Намвон провинции Южный Чолла) и в Пактуяне (море перед уездом Намхэ провинции Южный Кенсан). В 1389 г. для предотвращения произвола японцев, которые угрожали южному побережью Корё и занимались пиратством, корёский флот, атаковав Цусиму, сжег там более 300 вражеских кораблей и полностью разрушил все береговые сооружения японских пиратов [50].

Благодаря творческому уму и деятельности народных масс в государстве Корё быстро развивалась и культура. Талантливый народ

Корё впервые в мире изготовил металлический шрифт и знаменитый корёский селадон, что прославило его на весь мир [51].

Металлический шрифт в Корё был изготовлен почти на три века раньше, чем в Германии и Нидерландах, где металлические шрифты изобрели соответственно Гутенберг и Коста лишь в XV в. Также высокий уровень культуры в Корё и художественное мастерство его народа показывает корёский селадон. Он отличается разнообразием, цветами, узорами и формами, так что недаром издавна люди в мире считали его «самыми драгоценными сокровищами на свете» [50].

Во второй половине XIV в. в Корё при отражении нашествия японских агрессоров достигли больших успехов в области военной науки и техники. Чве Му Сон изобрел порох и изготовил пороховые оружия, проявившие свою мощь в битвах с японскими агрессорами. Итак, наша страна впервые в мире вооружила свои военные корабли пороховыми орудиями [52].

В период Корё на высоком уровне развивали не только науку и технику, но и образование, литературу и изобразительное искусство.

К концу XIV в. вновь основанная династия Мин, постепенно расширяя свое влияние на районы Ляодуна, стала открыто выявлять агрессивное намерение вторгнуться в Корё.

В таких условиях в 1388 г. корёское правительство приняло решение совершить поход в Ляодун и послало туда экспедиционные войска. Однако Ли Сон Ге – воевода правого крыла экспедиционной армии, по прибытии на остров Вихва (в Ичжу провинции Северный Пхеньан) повернул экспедиционный отряд в Кэген, чтобы добиться своих политических амбиций, не принимая во внимание судьбу всего государства и нации. Он занял Кэген, сослал самого опасного своего политического противника Чве Ена, свергнул короля У и посадил на престол его сына – королевича Чхана, а затем полностью захватил всю политическую власть.

Впоследствии ренегат Ли Сон Ге убил Чве Ена, изгнал короля Чхана, возвел на престол бездарного Коньяна, а в 1392 г., в конце концов, узурпировал королевскую власть [53].

Итак, государство Корё прекратило свое существование и была создана новая феодальная династия Ли.

4.2. Военные походы монголов в Корё и подчинение Корё монгольской династии Юань Китая

Монголы стали беспокоить Корё с начала XIII в. В 1206 г.

Темучин, провозглашенный в 1202 г. Чингисханом, т.е. «Великим ханом», объявил о создании государства. Примерно с этого же времени начались активные военные походы монголов на Восток и на Запад.

Монгольские нашествия на Восток и на Запад имели различный характер. Если на Западе монголы проживали на покоренных территориях, не изменяя коренным образом свой стиль жизни, не впитывая культуру покоренных народов, то на Востоке проходил несколько иной процесс. В XIII в. монголы завоевали северную часть Китая, вплоть до реки Янцзы. Живя в Китае, монголы, в особенности на уровне правящего класса, начали активно воспринимать китайскую культуру [54]. В 1280 г. Хубилай провозгласил создание нового государства Юань в Китае в рамках китайской культуры, и после смерти был удостоен китайского храмового имени Шицзу. Поэтому если поначалу монгольская агрессия на территории Коре носила характер нашествий иноземных «варварских» войск, то последующее подчинение Кореи монголами стало в известной степени подчинением Китаю, что для окружавших Китай государств Дальнего Востока было нормой. Хотя, конечно, китаизация монголов была далеко не полной. Сами китайцы до конца не покорились монголам и вели с ними постоянную борьбу, которая завершилась в 1368 г. победой и основанием новой китайской династии Мин (1368-1644 гг.) [54].

С 1211 г. монголы начали вести активные боевые действия в Северном Китае. Первым монгольскому удару подверглось чжурчжэньское государство Цзинь (1115-1264 гг.). В результате племена некогда покоренных чжурчжэнями ляодунских киданей попытались возродить свою государственность. Их попыткам противились монголы, а также зависимое от монголов государство Дунчжэнь, образованное в восточной части бывшей империи Цзинь. Теснимые монголами кидани были вынуждены неоднократно переходить пограничную реку Амноккан, южнее которой начинались территории Корё. Таким образом, кидани вторгались в Коре в (1216 - 1218 гг.). Корё, отражая киданьские походы, пыталось сохранить нейтралитет в отношениях как с киданями и чжурчжэнями, так и монголами [55].

В 1219 г. монголы под предлогом борьбы с киданями, вторгшимися в Корё, сами перешли реку Амноккан. Поэтому на первом этапе корёско-монгольские отношения были в известной

степени дружественными, скрепленными борьбой против общего врага. Тогда же, в 1219 г., монголы оставили в пограничном городе Ыйчжу 40 человек своих людей с тем, чтобы они изучали язык и культуру корёсцев [50].

В тот же год к корёскому двору монголы отправили послов с целью установить дружественные отношения, в которых монголы играли бы роль «старшего брата». Смерть реального военного правителя страны Чхве Чхунхона в 1219 г., обострение борьбы за власть при дворе, мятежи на северо-западных границах — иными словами, беспокойство в стране и ослабление центральной власти вынудили государя Кочжона принять требования монголов.

После этого монголы стали регулярно посылать в Корё своих послов с требованием уплаты дани. Монголов в Корее интересовали прежде всего меховые шкурки, ткань, бумага, тушь, кисти. Только в 1221 г. таких «посольских» визитов было четыре. Чрезмерные требования монголов и их бесцеремонное поведение справедливо возмущали корёсцев [50]. Поэтому после того, как в 1225 г. очередное монгольское посольство завершило визит в Корё и возвращалось с данью обратно, глава посольства и его свита были убиты при пересечении пограничной реки Амноккан. Для монголов этот инцидент стал удобным поводом для начала завоевательных походов против Корё.

В исторической литературе нет единого мнения о количестве «нашествий», т.е. периодов активных боевых действий монголов в Корё. Говорят, о трех, пяти и даже большем числе военных походов. Мы будем придерживаться периодизации, на наш взгляд, наиболее убедительной и адекватно отражающей процесс монгольско-корёского противостояния, согласно которой таких нашествий было пять.

Первый военный поход в Корё монголы, уже начавшие завоевание Китая, предприняли в 9-й месяц 1231 г. Несколько десятков тысяч монгольских войск во главе с Саритаем перешли реку Амноккан в районе переправы Хамсинчжин у города Ыйчжу. Монголы быстро захватили крепости Чхольчжу и Анбокпу, однако встретили решительное сопротивление корёсцев у крепости Кучжу, к северо-востоку от Анбокпу. Оборону города возглавили губернатор северо-запада Корё — Пак Со и полководец Ким Гёнсон. Монголам так и не удалось взять крепость, и они решили продвигаться на юг в сторону столицы государства — Кэгёна [53]. К 12-му месяцу монголы

окружили Кэгён, отправив часть войск еще южнее — к крепости Чхунчжу. Там монголы в очередной раз встретили достойное сопротивление, которое оказывали главным образом войска, состоящие из крестьян и ноби, в то время как особое подразделение, сформированное из высшего сословия янбан, позорно бежало, попытавшись открыть ворота врагу [55].

Несмотря на то, что корёсцы продемонстрировали боевые успехи в отражении первой агрессии монголов, государь Кочжон и военная группировка Чхве У решили подписать насильственный мирный договор, согласно которому Корея обязалась поставлять монголам еще большее количество различных ремесленных изделий, о которых уже говорилось выше.

К причинам относительно быстрого продвижения монгольских войск по корёской территории относят ослабление центральной власти, армии и государства в целом, обусловленное распадом системы землепользования чонсиква, служившей основой экономики Корё. Определенную роль сыграла также позиция некоторых местных высокопоставленных сановников, добровольно открывавших ворота городов, в то время как простой народ был готов оказывать сопротивление.

Подписав договор с Корё, в 1232 г. монголы вывели свои войска из Кореи. Здесь следует учитывать, имея в виду кочевой характер монгольского хозяйства, что большие группы монголов в принципе не могли находиться на территории Кореи длительное время. В Корею почти все пригодные для земледелия территории были заняты полями. Остальная часть страны — это сопки и горы. Мест, где можно было бы устраивать значительные по площади пастбища, практически не было. Поэтому после завершения военных походов в Корею монголам приходилось покидать страну [55].

Несмотря на подписание мирного договора, отношения с монголами оставались достаточно напряженными. Прибывавшие в начале 1232 г. послы уже требовали от Корё не только поставок продукции ремесленного производства, но и отправки крестьян, занимавшихся земледелием (для размещения их на поселение в Северном Китае), ремесленников, детей из аристократических семей, которые, вступая в брак с представителями монгольской аристократии, должны были способствовать укреплению отношений между двумя государствами. Корёские правители, не желая уступать подобным требованиям монголов, понимали, что новый военный

поход неизбежен. Поэтому в середине 1232 г. военный правитель Чхве У решил перенести столицу государства на остров Канхвадо в Западном (Жёлтом) море у устья реки Ханган. В срочном порядке там были выстроены королевский дворец, административные помещения, крепостная стена. На остров Канхвадо были отправлены 1000 человек отборных войск пельчхо. Одновременно были разоружены монгольские военные наблюдатели, оставшиеся в стране после ухода монгольских войск.

Второй военный поход в Корё монголы предприняли в 8-й месяц 1232 г. И на этот раз их продвижение в глубь территории Корё было таким же стремительным. Основное внимание монголы сосредоточили на подчинении северной корёской провинции Пукке, в отношении которой у них были особые территориальные интересы. Заняв Пукке, монголы двинулись к югу. Первое значительное сопротивление им было оказано у Кэгёна, из которого уже эвакуировали королевский двор, но его жители не желали сдаваться монголам. Несмотря на то что в конечном итоге Кэгён был взят, упорное сопротивление всех слоев населения города вынудило монголов отказаться от идеи захватить остров Канхвадо, и они двинулись южнее. У города Кванчжу (современная провинция Кёнги) и у крепости Чхоинсон (современный пригород Сеула — Сувон) монголы были остановлены. В Чхоинсоне сопротивление возглавил «полководец — буддийский монах» Ким Юнху. Стрела, пущенная Ким Юнху, поразила предводителя монголов Саритая. После этого монголы решили прекратить дальнейшее наступление и отошли на север. За заслуги Ким Юнху были предложены высокие военные посты в Коре: так началась его карьера военачальника.

Третий военный поход монголов в Корё начался в 7-й месяц 1235 г. К этому времени монголы уже разгромили чжурчжэньское государство Цзинь, и их армия была укреплена чжурчжэньскими подразделениями. К тому же военные успехи к северу от Корё давали монголам надежду на победы и в Корею. Действительно, за 1235 г. монголам удалось продвинуться вглубь корёской территории вплоть до крепости Тончжу (современная провинция Хванхэ). В следующем, 1236 г. монголы дошли до Намгёна (досл.: «Южной столицы»). На этот раз военное правительство рода Чхве практически не предпринимало никаких действий для того, чтобы остановить агрессора. В то же время простой народ без каких-либо указаний или помощи сверху сам поднимался на вооруженную борьбу. Например,

офицеры гарнизонов крепости Кэчжу (современная провинция Пхёнан) Хыйгён и Мёнчжун по своей инициативе собрали войска и оказали отпор монголам в 7-й месяц 1236 г. В 9-й месяц того же года войска и население города Чукчу (современная провинция Кёнги), несмотря на все ухищрения монголов, взявших город в осаду, не сдались нападавшим. И это были далеко не единственные случаи.

В результате третья волна военных походов в Корё наткнулась на мощное стихийное сопротивление корёсцев. С конца 1236 г. начались переговоры о заключении мира. В 1238 г. в Монголию отправился корёский полководец Ким Бочжон. В 4-й месяц 1239 г. монголы приняли решение о выводе войск из Корё. В 8-й месяц того же года монгольское посольство в составе 137 человек отправилось ко двору Кочжона на остров Канхвадо с требованием заключить мир, важнейшими условиями которого должны были стать перенос корёской столицы обратно в Кэгён и визит короля в Монголию с намерением оставить там своего сына в качестве заложника. Хотя монгольские требования и не были приняты, король дал обещание отправить к монголам принца Синана, что и было сделано в конце 1239 г.

Четвертый военный поход монголов в Корё начался в 7-й месяц 1247 г. Им удалось продвинуться вплоть до города Ёмчжу (современная провинция Хванхэ). Однако борьба за власть между наследниками Темучина, развернувшаяся в это время в самой Монголии, привела к тому, что монголы были вынуждены свернуть эту военную кампанию и вывести войска из Кореи в следующем, 1248 г.

В 7-й месяц 1253 г. начался пятый этап монгольских вторжений в Корё. На этот раз монгольские войска возглавлял новый командующий — Аругань, которому помогали изменники, такие, как Хон Бо-гвон. Войска быстро овладели северо-западом, прошли центральную часть Кореи и даже смогли дойти до окрестностей города Чончжу юго-западной провинции Чолла. Путь на юго-восток был прегражден мужественными защитниками города Чхунчжу, оборону которого возглавил полководец Ким Юнху, героически проявивший себя в 1232 г. в боях у крепости Чхоинсон. Город был окружен в 10-м месяце. Осада длилась 70 дней. Кончилось продовольствие. Но Ким Юнху обратился с призывом к защитникам города. Он уничтожил документы на казенных ноби, сражавшихся вместе со всеми, тем самым дав им свободу. Чхунчжу не сдался.

Монголы были вынуждены оставить намерение взять крепость и овладеть юго-востоком Коре [55].

С 1254 по 1259 г. монголы еще четыре раза снаряжали военные походы в Коре. Поэтому в исторической литературе выделяют еще и шестую волну монгольской агрессии в Корё, объединяя походы 1254-1259 гг. Однако все монгольские походы в Корею начиная с 1253 г. можно рассматривать в рамках единого этапа. В данном случае проблема периодизации не принципиальна, поскольку к середине XIII столетия в вопросе отношений Корё с монголами на первый план стали выходить дипломатические контакты между двумя странами, которые в конечном итоге поставили точку в их военном противостоянии.

4.3. Дипломатические отношения между Корё и монголами. Подчинение Корё монгольской династии Юань Китая

Дипломатия активно включилась в процесс корёско-монгольских отношений в 1232 г., во время второго монгольского похода в Корё в связи с заключением ряда договоров с монголами. Уже с этого времени они стали настаивать на том, чтобы корейский король официально посетил Монголию и признал ее сюзереном. Подобные требования повторились в 1239 г., ко времени завершения третьего монгольского похода в Коре. Тогда дальний родственник короля принц Синан (Чон) в 12-й месяц 1239 г. отправился в Монголию вместе с монгольским посольством, которое ранее прибыло ко двору Кочжона на остров Канхвадо, чтобы вести переговоры. Через девять месяцев, в 1240 г., в сопровождении монгольских посланников принц вернулся в Коре. Тогда же монголы еще раз предъявили требование о визите корёского государя в Монголию. Кроме того, монголы предлагали корёскому государю вернуть на полуостров корейцев, переселившихся на острова, сообщить о количестве дворов и численности населения Корё, послать в Монголию корёского заложника королевских кровей и выдать высокопоставленных сановников, активно боровшихся с монголами.

Корёское королевское правительство не приняло требований монголов. Но для того, чтобы хоть как-то смягчить напряженность и предотвратить очередные военные походы, было решено отправить под видом «наследника престола» принца Ённёна (Чуна). Он выехал в Монголию в 4-й месяц 1241 г. Принц не был уполномочен вести какие-либо переговоры. Его визит был лишь выражением

определенной «покорности» Корё, которая давала возможность не торопиться со снаряжением новых военных походов [55].

Тем не менее монголы не могли ждать, пока корейцы выполнят их требования. Военные успехи монгольских походов, начавшихся в 1253-1254 гг., привели к тому, что к 1256 г. монголы попытались взять в блокаду остров Канхвадо, на котором находилась новая корёская столица, и заявили, что блокада будет снята только после согласия наследника престола Корё посетить Монголию [50]. Благодаря активному сопротивлению корёсцев попытка изолировать остров провалилась. Тогда монголы пообещали вывести все свои войска из Кореи в случае согласия выполнить их требования.

Несмотря на то, что ни король, ни военное правительство рода Чхве не смогли организовать должный отпор монголам, рядовые чиновники, простой народ, лично-зависимые ноби своим сопротивлением сумели добиться того, что монголы отказались от идеи завоевания Кореи. Им было достаточно признания вассального положения корейцев перед монголами и выплаты Кореей ежегодной дани.

Корейцы также не хотели мириться со слабостью и беспомощностью королевского двора. В 4-й месяц 1257 г. умер третий военный правитель из рода Чхве — Чхве Хан. Его место занял Чхве Ый. Однако отборные войска Самбёльчхо, недовольные пассивностью двора по отношению к монголам, поддержали военных сановников Ким Инчжуна и Ю Гена, которые в 3-й месяц 1258 г. совершили государственный переворот, убив Чхве Ый и взяв власть в свои руки [55].

Несмотря на смену военного правителя, никаких коренных изменений не произошло. Власть оставалась в руках уже беспомощного органа власти военных — Кёчжон тогам. Король в делах управления страной практически не участвовал. Поэтому уже в 4-м месяце 1258 г. монголы снова активизировали военные действия на северо-западе страны, а к 8-му месяцу обосновались в Кэгёне, угрожая захватом острова Канхвадо и продолжая настаивать на поездке в Монголию наследника престола.

В 3-й месяц 1259 г. государь Кочжон заключил с монголами очередной мирный договор, после чего монгольские войска были выведены из Кореи, а наследник престола отправился в Монголию. Переговоры с новым монгольским правителем Хубилаем были дружественными. Хубилай отказался от многих монгольских

притязаний в Корею, предложив в ответ признать сюзеренитет Монголии. Наследник престола согласился с предложенными условиями. Во время пребывания в Монголии он узнал, что его отец скончался. Вернувшись в Корею, он занял престол и получил впоследствии храмовое имя Вончжон (1259-1274) [52].

В исторической литературе подобные действия Вончжона расцениваются весьма негативно. Между тем Вончжон, как и все предшествующие короли «эпохи власти военных», не имел реальной власти, а, следовательно, и не мог организовать военного сопротивления монголам. Союз с Монголией давал Вончжону возможность покончить с властью военных, восстановить королевскую власть и прекратить опустошительные монгольские военные походы. В результате предпринятых дипломатических шагов цель, поставленная королевским двором, была достигнута.

Однако после восшествия на престол Вончжон еще не обладал всей полнотой власти. Страной по-прежнему правили военные во главе с Ким Инчжуном, которого в 1268 г. сменил Лим Ён. Все они призывали к активной борьбе против монголов, что не совпадало с намерениями Вончжона. Мало того, в 1269 г. Лим Ён попытался свергнуть Вончжона. Местом сосредоточения антимонгольской оппозиции был остров Канхвадо. Поэтому перенос столицы обратно в Кэгён мог способствовать как восстановлению королевской власти, так и разгрому придворной группировки военных. Этому противились военные, во главе которых встал сын Лим Ёна — Лим Юму. Тогда в 1270 г. Вончжон, призвав на помощь монголов, сам поднял восстание, расправился с Лим Юму и перенес столицу государства в Кэгён [54].

На острове Канхвадо остались отборные войска Самбёльчхо, поддерживавшие военных. Перенос столицы на полуостров и ликвидация придворной группировки военных, для поддержки которых изначально и были сформированы Самбёльчхо, автоматически означали их роспуск. К тому же Самбёльчхо не желали принимать позорного мира с монголами. Поэтому в 6-м месяце 1270 г. войска Самбёльчхо подняли восстание [51]. Понимая, что невозможно оказывать длительное сопротивление правительственным войскам и монголам, находясь недалеко от столицы, восставшие приняли решение переместиться на юг Корейского полуострова.

Местом для базирования был выбран остров Чиндо. Оттуда восставшие во главе с Пэ Чжунсоном совершали рейды в провинции Чолла и Кёнсан. К 11-му месяцу повстанцы заняли остров Чечжудо.

Благодаря активным действиям, поддержанным простым народом, войскам Самбёльчхо удалось взять под контроль все морские перевозки вдоль южных границ страны. На подавление восстания из Кэгёна были отправлены совместные корёско-монгольские войска во главе с Ким Бангёном, Хон Дагу и другими военачальниками. В 5-м месяце 1271 г. они напали на базу восставших на острове Чиндо. В бою погиб предводитель восставших Пэ Чжунсон. Тогда под руководством Ким Тхончжона войска Самбёльчхо приняли решение перенести основную базу на остров Чечжудо. В течение 1272 г. восставшие продолжали активные боевые действия, совершая рейды с острова Чечжудо. Однако в 4-й месяц 1273 г. объединенные корёско-монгольские войска общей численностью около 10 тыс. человек на 160 кораблях атаковали остров Чечжудо. В бою погиб Ким Тхончжон. Более 1300 человек были взяты в плен [55].

Таким образом, в 1273 г. при активном участии королевского двора Корё окончательно покорилось монголам. Однако это подчинение носило ограниченный характер. Монголы почти не селились на Корейском полуострове. Исключение составлял остров Чечжудо, который подходил для занятий скотоводством, а также мог служить базой планировавшихся походов в Японию (1274, 1281 гг.). На этом острове монголы обосновались как раз после подавления восстания Самбёльчхо. (На Чечжудо до сих пор разводят лошадей, а в чечжудоском диалекте корейского языка можно найти немало слов, заимствованных из монгольского языка.) Однако уже в 1294 г. в результате переговоров остров Чечжудо снова вошел в состав Корё, хотя монгольские скотоводы оставались на острове вплоть до 1374 г. [53].

Управляли Корё исключительно корейские государи. Но после Вончжона храмовые имена всех корейских государей Коре изменились. Слог (слово) чон, чжон, что значит «великий предок», который завершал храмовые имена королей Коре и приравнивал их статус к статусу китайских императоров, имевших аналогичные по структуре храмовые имена, больше не употреблялся. Вместо него, начиная с государя Чхуннёль-вана (1275-1308), стали использовать слог (слово) ван, указывавший на вассальную зависимость корейского короля. Значение храмовых имен также стало новым. Если раньше храмовое имя присваивали исходя из заслуг и достижений короля, то с последней четверти XIII в. имена указывали на верность монгольским правителям. К примеру, имя Чхуннёль-ван как раз

означает «Энергичный преданностью ван» [47].

Несмотря на сохранение королевской власти, территории к северу от реки Тэдонган были изъяты из-под юрисдикции корёского вана. В 1269 г. там была образована особая область, формально вошедшая в состав Монгольской империи, управлявшаяся, правда, лояльными монголам корейцами и получившая название «Восточное наместничество» (по-корейски «Тоннёмбу»). Администрация наместничества располагалась в Согёне (бывшая корёская «Западная столица», современный Пхеньян). Однако уже в 1290 г. в результате переговоров с монголами королю Чхуннёль-вану удалось упразднить монгольское наместничество в Согёне и вернуть территории к северу от Тэдонгана в состав Коре [54].

Зависимость Коре от монголов стала тяжелым испытанием для страны более чем на столетие. Монголы вмешивались в дела королевского двора и управления страной. Корёские государи были обязаны жениться на монгольских принцессах. Страна вынуждена была платить огромную дань и отправлять в Монголию своих ремесленников, девушек для гаремов.

Юаньская империя нанесла огромный ущерб культуре Корё, достижения которой являются выдающимися не только для Кореи, но и всего Дальнего Востока.

Глава 5. ГОСУДАРСТВО КОРЁ В XIV ВЕКЕ И ПРИХОД К ВЛАСТИ НОВОЙ ДИНАСТИИ ЛИ

Несмотря на высокий уровень развития культуры Корё, в социально-экономической сфере жизнеспособность династии оказалась подорванной. Попытки провести социально-экономические реформы привели не к укреплению Корё, а к окончательному падению старой династии и установлению новой — династии Ли (1392-1910 гг.) [56].

5.1. Социально-экономическое положение Корё в XIV веке

Социально-экономическую ситуацию в Корее XIV в. принято оценивать, как критическую, обусловленную тремя основными факторами негативного характера. Первый — это ослабление государственного контроля над землей, которая в те времена была основным средством производства, источником пополнения государственной казны, материального обеспечения боеспособности армии. Второй фактор, как обратная сторона процесса ослабления государственного контроля, заключается в усилении частного землевладения и соответствующем ухудшении положения крестьянства, ослаблении связей по линии провинция — столица, а значит и ослаблении единства страны. Третьим фактором, причем не только экономическим, был ущерб от монгольских военных походов в Корею и последующего подчинения Кореи монгольской «династии» Юань в Китае [56]. Подчинение монголам не только лишило Корё части северных территорий и значительной доли государственных доходов, но и нанесло ощутимый удар по репутации королевского двора в целом.

Однако для того чтобы в стране произошла смена власти и системы государственного управления, требуется не только наличие предпосылок ослабления власти существующей, но и наличие тех новых сил, которые были бы способны взять эту власть. Такой силой стало «новое» сословие мелкого и среднего чиновничества, выходцев из провинции. Конечно же, мелкие и средние чиновники существовали в Корее и раньше. Но лишь в конце периода Корея этого сословия появился некоторый элемент новизны.

«Новое» провинциальное служилое сословие в Корее XIV в. стали определять словом садэбу, что значит «ученые и большие мужи». Оно противостояло корёской аристократии — выходцам из семей богатых частных землевладельцев, многие из которых присвоили себе государственные земли в результате распада системы

полей чонсиква. Идеологией старой аристократии было китайское конфуцианство эпохи Тан (618-907), а также буддизм [53].

Садэбу также не являлись неимущими, но относились к классу мелких и средних землевладельцев. Они придерживались обновленного конфуцианства китайской эпохи Сун (960-1279 гг.), которое еще называют «неоконфуцианством»; его основоположником стал китайский конфуцианский мыслитель Чжу Си (1130-1200 гг.). Сословие садэбу формировалось в течение последних двух столетий эпохи Корё, начиная со времени монгольских военных походов в Корею. В сословии садэбу важную роль снова начали играть военные сановники, в особенности во второй половине XIV столетия, когда Корея активизировало военные действия как против монголов, так и против японских пиратов [56].

В 1356 г. государь Конмин-ван отправил войско за реку Амноккан в места сосредоточения монголов и разгромил три монгольских укрепленных пункта. В том же году в результате успешного военного похода на северо-восток было упразднено монгольское наместничество Ссансон, а к Коре присоединены значительные территории, соответствующие современной провинции Южная Хамгён. В 1369-1371 гг. Корё трижды снаряжало военные экспедиции на полуостров Ляодун. В результате в 1370 г. было окончательно упразднено Восточное наместничество — Тоннёнбу, и монголы были изгнаны с Ляодуна. В 1374 г. 25 тыс. человек корёских воинов на 300 кораблях высадились на острове Чечжудо и наголову разгромили оставшиеся там монгольские войска. С 1350 по 1389 г. корёские войска десятки раз успешно отражали набеги японских пиратов на южные провинции Кореи [56].

Понятно, что в условиях повышения значения армии, сыгравшей важнейшую роль в освобождении Кореи от монгольской зависимости, даже выходцы из простонародья могли становиться военными сановниками. Кроме того, стирались различия между лично-свободным «добрым людом» янин и жителями поселений пугок — «подлым людом» чхонмин. Дело дошло до того, что при государе Конмин-ване фактическая власть в стране была отдана буддийскому монаху Синдону, который был сыном ноби [56].

Таким образом, не только новое сословие садэбу, стремившееся к власти и расширению государственного контроля над землями, но и само по себе разрушение системы строгого деления населения на категории согласно происхождению, объективно противостояли

господству старой аристократии. Этому же процессу способствовало то, что после подчинения Кореи монголам в среде высшей корёской знати появились смешанные браки с монголами и чжурчжэнями. Поэтому «чистота крови» и «аристократичность происхождения» становились менее значимыми.

Неоконфуцианство, ставшее идеологическим фундаментом деятельности садэбу, подчеркивая необходимость соблюдения норм морали, отбора людей на высшие должности страны в соответствии со способностями, а не по происхождению, также подталкивало общество к реформированию. Попытки проведения реформ предпринимались корейскими королями на протяжении всего XIV столетия.

5.2. Попытки проведения реформ и приход к власти Ли Сонге

Первым, кто попытался реформировать управление страной и в первую очередь чиновничью систему, был государь Чхунсон-ван, взошедший на престол в возрасте 23 лет в 1298 г. Однако из-за своих намерений он не смог сохранить власть: в том же году при поддержке консервативных сил и не без вмешательства Юань на троне был снова восстановлен король Чхуннён-ван, правивший до 1308 г. Чхунсон-ван был вынужден отправиться в столицу Юань, где провел почти 10 лет, пока снова, вернувшись в Коре, не был возведен на трон в 1308 г. Чхунсон-ван правил всего пять лет, в продолжение которых хотя и пытался реализовать юношеские мечты, однако не получил поддержки при дворе, отчасти из-за того, что слишком долгое время провел у монголов [56]. Тем не менее он смог внести заметный вклад в развитие традиционных наук.

Только государю Чхунмог-вану (1344-1348 гг.) удалось осуществить попытку первых практических шагов на пути реформ несмотря на то, что он был возведен на трон в возрасте 8 лет. К тому времени злоупотребления в системе землепользования и непорядки в управлении страной достигли такой степени, что не только отдельные сановники Коре, такие, как Ли Чжэхён (1287-1367 гг.), настаивали на реформах, но и в монгольском Китае идея реформ получила поддержку. Поэтому уже в первые годы правления при дворе Чхунмог-вана предприняли попытку возрождения системы выдачи полей за службу, как это практиковалось в начале Корё. Но такие поля называли уже не чонсиква, а иначе — нокквачжон, что

значит «поля по категориям [чиновников] в качестве жалованья», что в принципе схоже по содержанию с чонсиква. Из-за противодействия консервативных сил, и прежде всего — незаконных владельцев частных полей, попытка реформы провалилась. Тогда снова под давлением Юань в 1347 г. при дворе было учреждено особое ведомство — Чончхи тогам («Ведомство для приведения в порядок управления [страной]»), в которое было назначено около 40 человек. Ведомство с еще большим усердием, чем раньше, принялось за инспекцию всех земельных угодий страны. Однако из-за злоупотреблений отдельных чиновников Чончхи тогам деятельность его была приостановлена, а в 1349 г. ведомство распустили. Очевидно, к этому времени не сложились объективные условия для успешного проведения реформ [52].

Поворотным в реформировании системы землепользования и государственного устройства в целом стало правление государя Конмин-вана (1351-1374 гг.). Возможно, не последнюю роль в этом процессе сыграло положение в соседнем Китае, где в 1368 г. на юге к власти пришла новая китайская династия, провозгласившая создание нового государства Мин (1368-1644 гг.) и положившая конец монгольскому правлению в Китае. Не случайно именно в 1369-1371 гг. Конмин-ван снарядил три военных похода против монголов на полуостров Ляодун.

В правление Конмин-вана в Корё значительно усилились позиции конфуцианства. Кукчагам — придворное ведомство, занимавшееся образованием (дословно — «Управление сынов государства»), было переименовано в Сонгюнгван (условный перевод названия — «Академия Успешного достижения Равновесия»), обычно называемую в литературе «конфуцианской академией» [53]. Одновременно по всей стране стала разворачиваться критика буддизма, во многом связанная с тем, что буддийские монастыри к тому времени владели огромными площадями земли, неподконтрольными государству, что отрицательно сказывалось на всей экономике страны.

Одновременно все активнее разворачивалось движение за равноправие гражданских и военных чиновников. На протяжении многих столетий военное сословие по положению считалось ниже гражданского. Военные чиновники, имевшие одинаковый ранг с гражданскими, обычно получали меньшее вознаграждение за службу. Необходимость организации военных походов для окончательного освобождения от монгольской зависимости

объективно способствовала усилению влияния военных. Именно это стало одним из факторов, позволивших военачальнику Ли Сонге (1335-1408 гг.) стать основателем новой корейской династии.

Именно в годы правления Конмин-вана новое сословие садэбу все громче заявляло о необходимости учета и перераспределения земель между находящимися на службе чиновниками, возврата земли из незаконной частной собственности в государственную, о восстановлении «старой» системы должностей начала эпохи Корё, когда чиновники назначались «в соответствии со способностями».

Ослабление монгольской власти в Китае, в особенности под ударами активно развернувшегося с 1351 г. (года восшествия на престол Конмин-вана) народного движения в Китае, позволило Конмин-вану проводить политику, направленную на усиление собственной королевской власти и избавление от монгольского господства. Сразу после восшествия на престол он создал ведомство для учета и перераспределения полей — Чонмин тогам. В 1364 г. под давлением монголов реформы системы землепользования были приостановлены [56].

По рождению Синдон был ноби («рабом») в буддийском монастыре Окчхонса. Его мать была ноби в том же монастыре, а отец, по слухам, — высокопоставленным сановником. Происхождение Синдона формально не позволяло ему стать полноправным буддийским монахом. Однако его желание стать монахом было настолько велико, что, вопреки существующим порядкам, он удалился далеко в горы и там вел монашескую жизнь. Несмотря на замкнутый образ жизни, способности Синдона стали известны при дворе, и в 1358 г. он был представлен Конмин-вану сановником Ким Вонмёном. С этого момента в жизни Синдона наступили большие перемены. Он стал жить при дворе. Конмин-ван своим указом снял с Синдона его «подлое» происхождение и присвоил титул чхонгангоса, что значит «чистый живущий в праздности ученый» [48].

С 1365 г. Конмин-ван решил привлечь Синдона к делам управления, с тем чтобы избавиться от влияния консервативных гражданских сановников, принадлежавших к старой аристократии. При участии Синдона были изданы указы: о возвращении незаконно изъятой земли и ноби прежним хозяевам; о возвращении статуса «добротного люда» янин тем, кого незаконно обратили в ноби; об отмене категории так называемых «свободных чиновников» халлянгван, т.е. не имевших конкретной должности, но получавших небольшое

жалованье или поля для сбора налогов в качестве жалованья; об укреплении значимости конфуцианской академии Сонгюнгван; об усилении роли государственных экзаменов при назначении на государственные должности и др.

На первых порах реформы, начавшие проводиться с участием Синдона, получили поддержку военных во главе с видным военачальником Чхве Ёном (1316-1388 гг.), поскольку они способствовали укреплению их положения. Однако по мере реализации королевских указов сила и власть самого Синдона увеличилась настолько, что со временем он стал пользоваться почти теми же почестями при дворе, что и сам король. Дело дошло до того, что Синдон вместо Конмин-вана принимал сановников на утренней аудиенции и в Китае стал известен в качестве «короля по власти».

В своих реформах Синдон опирался не только на военных. Именно благодаря его усилиям возросла значимость конфуцианской академии Сонгюнгван, именно при нем большое влияние при дворе получили молодые гражданские чиновники, которых в современной историографии даже стали называть «партией реформаторов»: Чон Дочжон, Квон Гын, Ли Сунин, Чо Чжун. Поэтому на первых порах реформы Синдона имели успех. Король Конмин-ван, долгое время не имевший реальной власти при дворе, снова начал непосредственно участвовать в делах управления. Власть старого гражданского сословия оказалась под угрозой, и в 1370 г. возглавившая оппозицию королева-мать и ее сторонники захватили Синдона, выслали его в Сувон и в следующем году казнили. Королева-мать опасалась того, что сам Синдон желал большей власти. В 1369 г. он подготовил текст указа о реформе управления страной, согласно которой должен был стать губернатором пяти основных провинций Коре.

После казни Синдона старое гражданское сословие укрепило свои позиции при дворе. Однако и вновь выдвинувшиеся представители сословия садэбу, такие, как Чон Дочжон, Чон Мончжу (1337-1392 гг.), сохранили свое влияние. Противостояние между реформаторами и старой аристократией продолжалось. Конмин-ван, пытаясь бороться со злоупотреблениями отдельных придворных, был убит в результате заговора Чхве Мансэна в 9-й месяц 1374 г.

В последний год правления следующего короля, У-вана (1374-1388 гг.), баланс сил окончательно сместился в пользу реформаторов. Однако поначалу власть при дворе захватили представители старой аристократии во главе с Ли Инимом. Он и возвел на престол нового

короля, которому было всего десять лет. В годы правления У-вана имел место возврат к дореформенному положению не только во внутренней, но и внешней политике. Ли Иним восстановил отношения с монгольской «династией» Юань, еще сохранявшей власть в Северном Китае. При нем ухудшились отношения с минским Китаем, фактически прекратившиеся в период с 1374 по 1386 гг.

В 1388 г. новое китайское государство Мин как «наследник» Юань предъявило претензии на северо-восточные территории Корё (бывшее монгольское наместничество Сеансов), отвоеванные корейцами у монголов еще в 1356 г. К этому времени государь У-ван уже перестал быть игрушкой в руках придворной группировки Ли Инима. Вместе с полководцем Чхве Ёном (1316-1388 гг.) он решил избавиться от нее. В 1388 г. Ли Иним и его сторонники были взяты под стражу. Ли Иним умер в том же 1388 г. А У-ван и Чхве Ён решили снарядить поход на северо-восток, чтобы не позволить минским войскам отнять корёские земли. Они также планировали отправить войска на полуостров Ляо-дун, который раньше принадлежал Когурё и где проживало много выходцев с Корейского полуострова, чтобы попытаться присоединить эти земли к Корё [56].

Корейские войска, возглавлявшиеся самим государем У-ваном и полководцем Чхве Ёном, выступили в поход на Ляодун в 4-й месяц 1388 г. Вторым лицом в армии Коре был полководец Ли Сонге. Дойдя вместе со всеми до реки Амноккан и благополучно заняв остров Ви-хвадо в устье реки, Ли Сонге объявил о том, что намерен прекратить поход против Китая, объяснив это затяжными дождями и невозможностью продвигаться далее (а на деле представляя ту группировку придворных, которые не желали портить отношения с минским Китаем). Во главе части войск вместе с поддержавшими его другими военачальниками, такими, как Чо Минсу, он первым вернулся в столичный город Кэгён. У-ван и Чхве Ён последовали за Ли Сонге. Однако тот, имея множество сторонников в столице, фактически захватил власть в стране. Он объявил о взятии под стражу Чхве Ёна и о низвержении У-вана, который был отправлен в ссылку сначала на остров Канхвадо, а затем на восточное побережье Кореи в город Каннын, где вскоре был казнен.

Формальной причиной отстранения короля от власти было то, что У-ван «не принадлежал к королевской семье». Действительно, в «Истории Коре» («Корёса») сказано, что будто бы У-ван был сыном буддийского монаха Синдона, а значит формально относился

к категории ноби, т. е. был человеком «подлого» сословия. (Современные исследователи говорят о том, что У-ван скорее всего был приемным или побочным сыном государя Конмин-вана.) Тем не менее на престол Ли Сонге временно возвел семилетнего сына У-вана — Чхан-вана, объявив себя регентом. В 1389 г., найдя подходящего представителя королевского рода Ванов (потомков Ван Гона), он возвел на престол нового короля. Последний государь Коре — Конъян-ван находился на троне около трех полных лет, с 1389 по 1392 гг. [54].

Фактически власть в стране стала принадлежать придворной группировке Ли Сонге, выражавшей интересы нового сословия садэбу. Поэтому Ли Сонге вместе с упоминавшейся «партией реформаторов» приступил к активному проведению реформ, указы о которых, естественно, исходили от имени Конъян-вана.

Прежде всего была реформирована система полей. В 1391 г. был издан указ о квачжонпоп, или «законе о полях по категориям [чиновников]». Согласно этому закону всем находившимся на государственной службе давалось временное право сбора налогов с полей в качестве вознаграждения. Количество полей определялось в зависимости от ранга. Максимальный размер полей составлял 150 кэль, минимальный — 10 кэль. Для провинциальных мелких чиновников были учреждены так называемые «поля для военных», или кунчжон. Размеры кунчжон колебались от 10 до 5 кэль, и раздавались такие поля не только военным, но и гражданским чиновникам. «Свободные чиновники» — халлянгвап, не имевшие конкретных обязанностей, лишились своих прежних владений. С другой стороны, сохранилась категория полей за заслуги перед государством — конымчжон, которые давались пожизненно и с правом передачи по наследству. Почтовые станции, паромные переправы, находящиеся на поселении военные гарнизоны и буддийские монастыри — все получали определенное количество полей. Незаконно присвоенные монастырями земли возвращались в казну.

Для реализации земельной реформы при дворе было учреждено особое «Управление выдачи полей» — Кыпчон тогам. Фактически реформа не вносила почти ничего принципиально нового, по сравнению с тем, что было в начале эпохи Коре. Суть реформы состояла в переучете земель и их новом распределении, в полной мере охватывавшем и новое служилое сословие садэбу, Особое отличие земельной реформы Конъян-вана — Ли Сонге состояло в

том, что впервые строго ограничивалось количество взимаемого налога с единицы площади кель — не более 30 ту [50]. Таким образом, был положен конец неограниченному налогообложению крестьянства, практиковавшемуся в конце Корё, когда у одного поля по документам было по 7-8 хозяев, а налоги собирались по несколько раз в год. Поэтому не только среднее и мелкое чиновничество, но и крестьянство поддержало новую земельную реформу.

Таким образом, создавалась экономическая основа для смены власти, для установления новой династии, тем более, что в соседнем Китае монгольская «династия» Юань была свергнута китайской династией, провозгласившей создание государства Мин. А поскольку Корё в течение более чем ста лет было связано с монголами кровными узами (так что с конца XIII в. каждый корейский наследный принц имел монгольское имя), испытывала сильнейшее монгольское влияние и проводила промонгольскую политику, то в контексте событий, происходивших как в соседнем Китае, так и в самой Корее, вопрос о смене династии Ванов, правившей в Корё, не был чем-то неестественным. Наибольшей поддержкой среди придворных, настроенных оппозиционно по отношению к старой династии, пользовался полководец Ли Сонге.

Ли Сонге (1335-1408 гг.) был выходцем из северо-восточной части Кореи, находившейся до 1356 г. в составе империи Юань в качестве монгольского наместничества Ссансон. Несмотря на то, что предки Ли Сонге одно время занимали довольно высокие посты в Юань, его отец Ли Чжачхун, будучи притесняемым монголами, сам пришел ко двору государя Конмин-вана и предложил помощь в борьбе с монголами за возвращение северо-восточных земель Кореи. Благодаря заслугам отца, Ли Сонге получил возможность рано начать продвижение по служебной лестнице как военный сановник. Его личные подвиги в сражениях с монголами и японскими пиратами, мудрая политика в отношении нового служилого сословия садэбу обеспечили ему поддержку как военных, так и гражданских сановников [56].

Однако были в Корё и противники идеи смены династии, лидером которых выступал конфуцианец Чон Мончжу (1337-1392 гг.). Поначалу Чон Мончжу был достаточно близок с Ли Сонге, также поддерживал идею установления тесных отношений с новым китайским государством Мин и являлся противником Северной Юань, за что даже был отправлен в ссылку Ли Инимом. Вместе с Ли

Сонге Чон Мончжу участвовал в походах против японских пиратов и способствовал возведению на трон Конъян-вана. Его конфликт с Ли Сонге начался тогда, когда Чо Чжун, Чон Дочжон и другие представители «партии реформаторов» предложили провозгласить новую династию, основателем которой выступил бы Ли Сонге. Как истинный конфуцианец, полный идеями самоотверженного служения государю, он не мог согласиться с планом насильственной смены династии. Поэтому пятый сын Ли Сонге (ставший впоследствии третьим государем династии Ли — Тхэчжомом), Ли Банвон, приказал служившему у него гостю Чо Ёнгю убить Чон Мончжу. Вслед за этим в 17-й день 7-го месяца 1392 г. Ли Сонге был провозглашен правителем новой династии и получил впоследствии храмовое имя Тхэчжо (1392-1398 гг.), имя, которое получали основатели новых династий императорского Китая, и которое имел основатель династии Коре Ван Гон. Тем самым потомки Ли Сонге заявили о новом, более высоком положении Кореи в известном им мире с формальным центром в Китае [57].

В первый год своего правления Ли Сонге еще сохранял старое название страны — Корё. Однако уже в следующем, 1393 г. Корея получила новое название — Чосон [25], такое, какое имело самое древнее государство, существовавшее на Корейском полуострове и основанное легендарным Тангуном. Новое название государства приближало историю Кореи по длительности к истории Китая. В Пхеньяне был выстроен храм Тангуну, в котором стали совершаться церемонии кормления его духа. В 1394 г. столицу страны перенесли к югу в город Ханъян, который переименовали в Хансон («Крепость на реке Ханган»), или в разговорной речи — Сеул, что значит «столица».

Так началась история последней королевской династии Кореи, которая правила более 500 лет, в конце своего правления провозгласила Корею империей, но вместе с тем позволила ей потерять свою независимость и стать японской колонией.

ГЛАВА 6. КОРЕЯ В XV — НАЧАЛЕ XVI ВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ЧОСОН РАННЕГО ПЕРИОДА

XV-XVI вв. в южнокорейской историографии принято называть «ранним периодом Чосон». К «позднему периоду» государства Чосон относят XVII-XIX вв. Чем характерна история Кореи XV-XVI вв., что нового дало стране это время, мы попытаемся раскрыть в этой главе.

В ранний период государства Чосон произошло становление новой власти, новых центральных органов управления, новой столичной и провинциальной административной системы, новой идеологии — корейской версии неоконфуцианства. Одним словом, в ранний период Чосон сформировался тот облик Кореи, который оставался во многом неизменным вплоть до реформ 1894 г.

Корейское общество XV-XIX вв. в южнокорейской историографии также принято характеризовать как «общество янбан и чиновников» — янбан гваллё сахве. в противоположность корёскому «обществу аристократии» — квичжок сахве. Очевидно, под новой характеристикой корейского общества позднего средневековья и начала нового времени имеется в виду большая социальная мобильность правящего класса Чосон по сравнению с Коре [25].

XV в. ознаменовался также значительными культурными достижениями Кореи, самым важным из которых следует считать введение корейского алфавита в 1443 г., во время правления короля Сечжона (1418-1450 гг.), которое по исторической значимости для Кореи можно в известной степени сравнить с эпохой Петра I для России.

Однако первые годы правления династии Ли, несмотря на сильную власть Ли Сонге, не были спокойными, и становление новой власти происходило на фоне не менее трагических и кровавых событий, чем и в конце XIV в. [56].

6.1. Борьба за власть в первые годы династии Ли

Причиной нестабильности новой власти было противостояние различных группировок внутри правящего класса. В этом противостоянии уже не участвовали выходцы из старой высокопоставленной корёской аристократии. О ее ослаблении Ли Сонге позаботился сразу по восшествии на престол. Были значительно сокращены полномочия корёского центрального совещательного органа при государе — Топхён ыйсаса. В 1393 г. Тхэчжо (Ли Сонге)

учредил новую систему управления чиновничеством, разделив его на 7 основных категорий. При этом были ужесточены требования государственных экзаменов кванго на получение чиновничьей должности. Таким образом повышалась роль служилого сословия и сокращалась степень влияния наследственной аристократии. Членов прежней королевской семьи Коре Ли Сонге отправил в ссылку на острова Канхвадо и Кочжедо.

Для укрепления королевской власти на местах Тхэчжо учредил институт губернаторов провинций — кванчхальса. назначавшихся по распоряжению из столицы, а также повысил должностной ранг правителей округов и уездов. Те же цели преследовало наделение наградными землями и ноби тех «заслуженных сановников» кэгук консин, которые помогали Ли Сонге прийти к власти, т. е. гражданских и военных представителей сословия садэбу.

Однако основу новой власти Ли Сонге стал строить, опираясь на тех людей, которые занимали высокие посты при прежней династии, — на «партию реформаторов» во главе с Чон Дочжоном, Чо Чжуном, Нам Ыном и др. Они и при династии Ли стали занимать руководящие должности, что вызвало недовольство «новых заслуженных сановников», которые выдвинулись на волне смены династий. Они объединились вокруг пятого сына Ли Сонге — Ли Банвона (1367-1422 гг.) [56].

В 1398 г. при дворе встал вопрос об определении наследника престола. Чон Дочжон предложил передать трон восьмому сыну Ли Сонге — Ли Бансоку. Тогда Ли Банвон, понимая, что передача власти младшему брату приведет к ослаблению его собственного влияния и позиций его группировки, обвинил Чон Дочжона и его сторонников в том, что те якобы хотели убить всех остальных сыновей Ли Сонге. Под этим предлогом он жестоко расправился как с самой «партией реформаторов», так и с младшим братом Ли Бансоком.

Однако же, опасаясь слишком сильного недовольства своими действиями со стороны ряда высокопоставленных сановников, Ли Банвон не стал выдвигать себя самого в качестве нового наследника престола, а предложил старшего брата — Ли Банквэ (второй сын Ли Сонге), который в том же году взшел на престол, получив впоследствии храмовое имя Чончжон (1398-1400 гг.) [25].

Тогда старший брат Ли Банвона — Ли Банхан (четвертый сын Ли Сонге) решил последовать примеру активной и весьма успешной борьбы за власть. В 1400 г. при поддержке Пак Пхо — одного из

«заслуженных сановников», не удостоившихся должных наград после первого столкновения на почве наследования престола, он попытался захватить власть в свои руки. Однако мятеж был подавлен, Пак Пхо казнен, а сам Ли Банвон как герой борьбы с придворными мятежами решил провозгласить себя новым наследником престола, став в возрасте 33-х лет третьим государем династии Ли с храмовым именем Тхэчжон (1400-1418 гг.) [25].

Именно в правление Тхэчжона окончательно укрепилась королевская власть и сформировалась такая система управления, которая просуществовала в период Чосон без значительных изменений вплоть до 1894 г. [57].

6.2. Правление ванов Тхэджона (1401 - 1418 гг.) и Седжона (1419 - 1450 гг.) - укрепление централизованного государства.

В Корее власть династии Ли, установленная в конце XIV в., укреплялась в первой половине следующего столетия благодаря политике первых ванов: основателя династии Ли Сонге (Тхэджо, 1392-1398 гг.), его пятого сына Тхэджона (1400-1418 гг.) и правившего более 30 лет преемника Тхэджона - Седжона (1418-1450 гг.) [27].

Будущий ван Тхэджон не пользовался ни доверием своего отца, ни поддержкой его сподвижников. Тем не менее искушенный в интригах, он сумел добиться назначения в качестве наследника Ли Сонге хорошо к нему относившегося второго сына основателя династии, ставшего ваном Чонджоном (1398-1400 гг.), затем заставил его отречься от трона, убил юного наследника престола и уничтожил поддерживавшую того группировку чиновников. Придя к власти, ван Тхэджон осуществил ряд мероприятий, способствующих укреплению власти правителя: ограничил полномочия высших сановников, продолжил политику отца и конфисковал часть монастырских земель (подобные акции предпринимались в 1392 г., 1402 г. и 1424 г.), распустил частные военные формирования и в очередной раз организовал проверку законности закрепощения ноби. Это нанесло существенный удар по позициям «властных домов» [24]. В XV в. наблюдается значительная дифференциация внутри «презренного» сословия ноби: часть из них уже владела другими ноби, некоторые имели собственные фамилии и совершали жертвоприношения предкам, т.е. фактически имели статус полусвободных, а иные, получив образование и пользуясь покровительством своих хозяев, даже нелегально сдавали государственные экзамены и становились

чиновниками. Правление следующего вана, Седжона, рассматривается корейской историографией как «золотой век» Чосона (сам ван известен под именем Седжона Великого, распространено представление о том, что после смерти он стал духом). Седжон был третьим сыном Тхэджона, с детства он так впечатлял своих родственников и окружающих способностями и образованностью, что один из его братьев, чтобы освободить ему дорогу к престолу, намеренно испортил себе репутацию, был изгнан и провел жизнь, странствуя в горах; второй добровольно ушел в буддийский монастырь, а отец Тхэджон отказался от трона в пользу Седжона, когда тому исполнился 21 год. Создание корейского алфавита Ван Седжон прославился в первую очередь тем, что создал и возглавил комиссию, которая разработала корейский алфавит из 28 букв (14 гласных и 14 согласных), из которых до сих пор используются 24. В работе принимали участие и другие члены правящей династии (в том числе будущий ван Мунджон, 1451-1452 гг.). По легенде ван придумал идею для создания букв, рассматривая простые геометрические фигуры, из которых состояла оконная рама. Алфавит получил официальное название «хунмин чоньым» («обучение народа правильно му произношению»), но стал более известен как хангыль («корейское письмо») [24]. Он был обнародован в конце 1443 г. Созданный для повышения уровня образованности в Корее (где до этого использовалась сложная система китайских иероглифов, которые не могли точно передать значения корейских слов), алфавит быстро получил широкую популярность. Вскоре придворные дамы и жены чиновников уже активно вели на нем личную переписку, из-за чего противники внедрения алфавита называли его «женской азбукой». Алфавит сделал доступными большинству населения литературные произведения, создаваемые в Чосоне, а также переводимые с китайского. Мелкие чиновники пользовались алфавитом, чтобы разьяснить простолюдинам, не знавшим китайского, ванские указы (в официальных документах еще 400 лет использовались китайские иероглифы); среди крестьян распространялись написанные «хангылем» трактаты по животноводству, шелководству и садоводству. При реализации своей политики ван Седжон использовал политические технологии, скорее присущие современности. Например, перед введением «Закона о поставках» (который снижал поземельный налог и создавал «кладовые справедливости» - традиционный фонд помощи беднякам) было проведено исследование общественного мнения, которым было

охвачено ок. 180 тыс. человек, включая крестьян. Это масштабное мероприятие длилось 10 лет, по истечении которых закон был введен повсеместно. При назначении чиновников ван не следовал сословным предубеждениям. При Седжоне должности получили многие выходцы из числа ремесленников и торговцев, которые в конфуцианской традиции рассматривались в качестве представителей презренных профессий, и даже неполноправные ноби. Многие из высших сановников при Седжоне стремились на практике стать похожими на знаменитых мудрецов древности: один из министров жил в доме с протекающей соломенной крышей, другой ездил в свои родные места верхом на быке. При ване был создан Чипхёнджон («Павильон мудрейших») - совещательный орган, состоявший из молодых ученых, которые разрабатывали идеологическое обоснование для принятия ваном политических решений [24]. В 1424 г. был отменен запрет на куплю-продажу земли, что противоречило политике Тхэджона, направленной на ослабление позиций «властных домов». Сочетание в деятельности Седжона традиционалистских (яркий пример - создание государственных кладовых с огромными запасами зерна) и отвечающих государственным потребностям его времени мер (разрешение купли-продажи земли) привело к укреплению финансов, повышению уровня жизни населения, росту количества образованных людей. Одной из серьезных проблем, с которой сталкивалась Корея в конце XIV - начале XV в., были набеги японских пиратов (с 1393 по 1407 г. зафиксирован 61 пиратский рейд). Эти нападения разоряли хозяйство и инфраструктуру прибрежных областей, что приводило к их «обезлюдению», а также нарушали морское сообщение с Китаем и Японией (захватывались корабли, которые везли в Чосон ценные грузы). При этом пираты пользовались поддержкой как японских (например, правителей Цусимы), так и некоторых корейских могущественных кланов. Наиболее опустошительным был набег 1419 г. Пираты, высадившись в одной из провинций, разграбили ее, но были вытеснены корейскими войсками. Тем не менее они, погрузившись на корабли, доплыли до другой провинции (находившейся с противоположной стороны залива, в центре которого располагалась столица) и начали разорять ее. Такая дерзость японцев не осталась незамеченной: узнав о повторной высадке пиратов, ван Седжон предпринял ответные меры. В поход против «логова» морских разбойников Цусимы была отправлена мощная экспедиция: 227 судов и 17 тыс. солдат. За две недели корейцы

потопили 124 пиратских судна, а также добились признания князем Цусимы зависимости от Чосона и обещания бороться с пиратами. На корейском побережье было создано 50 военных гаваней и усилен военный флот. Прекращению набегов на полуостров японских пиратов способствовала также деятельность правительства сёгуната Асикага, стремившегося восстановить контроль над Корейским проливом и Японским морем.

По просьбе цусимского правителя по «Договору года кехэ» (1443 г.) японцы получили разрешение вести торговлю в трех корейских портах (Пусане, Чепхо и Ёмпхо, известных как «Три порта» - Сампхо), куда в год могло прибывать 50 кораблей, и временно селиться в этих городах. Правда, они часто незаконно оставались в этих портах. В XV в. Чосон ежегодно посещало около 6-8 тыс. японцев. В Японию вывозили продовольствие и ткани (особенно хлопчатобумажные), одежду и фарфор, меха, женьшень и книги. Из Японии в Корею привозили медь, олово, красители, серу, лекарства и благовония. С Японией (правительством сёгуната Асикага) также происходил обмен посольствами. С северными соседями - чжурчжэнями - Корею также связывали непростые отношения. Не подчинившись власти династии Мин, сменившей Юань в Китае, чжурчжэни не создали нового государства (подобного павшему под ударами монголов Цзинь). Воспользовавшись слабостью Мин, первый правитель из династии Ли попытался расширить свои границы на севере, вытесняя таким образом чжурчжэней (отвечавших на эти действия многочисленными набегами) и провоцируя конфликт с Китаем (из-за него минский император Чжу Юаньчжан в конце XIV в. отказался признавать власть Тхэд- жо, который в итоге отрекся от престола). Тем не менее следующие представители династии стали проводить активную политику освоения земель, расположенных к югу от р. Амноккан, а затем и от р. Туманган. Введение войск в эти районы привело к созданию в них к началу 40-х годов XV в. «шести крепостей» и «четырёх округов» (округа были ликвидированы в 50-е годы, а крепости до конца XV в. сохраняли свое значение в качестве оборонительных пунктов для защиты от чжурчжэней и центров организации корейских походов против них). Все это не исключало мирных отношений с чжурчжэнями, с которыми жителям пограничных районов разрешалось вести торговлю. В 1406 г. с этой целью были организованы специальные рынки. С середины 30-х годов XV в. Корея стала поощрять переселение чжурчжэней

на свои северные территории. Переселенцам оказывалась помощь при строительстве домов. Часть вождей чжурчжэньских племен согласилась приносить Чосону дань и признавать власть ванов, чего от них, как от «варваров», добивались корейские правители. Отношения обмена с Китаем были облечены преимущественно в форму регулярных посольств (шесть-семь раз в год), приносивших дары. Эти дары служили выражением признания вассальной зависимости. В этом качестве в Китай ввозили золото, серебро, шкуры, меха, ткани, бумагу, кисти, циновки, керамику, женьшень и лошадей. Кроме того, представители династии Мин требовали от Чосона поставлять для двора императора красивых девушек и евнухов. На время отбора девушек по всей Корее было запрещено заключать браки. Только ван Седжон смог в 1436 г. добиться отмены выплаты «дани» девушками. Из Китая в Чосон ввозили шелк, лекарства, книги, письменные принадлежности. Подобный обмен способствовал развитию культурных связей обеих стран. Дипломатические отношения и торговля также связывали Чосон с островами Рюкю, Аютией и яванским Маджипахитом. Посольства этих государств прибывали с дарами - предметами роскоши (расцениваемыми в Корее в качестве «дани») и увозили ответные подарки - одежду, ткани, письменные принадлежности, книги, с помощью которых Чосон надеялся оказывать культурное воздействие на «южных варваров». В этот период продолжалось развитие казенного ремесла, значительно преобладавшего над частным. В столице существовали целые улицы государственных ремесленников, которые были обязаны обслуживать двор вана (они работали в 30 учреждениях и производили 129 видов разнообразных изделий). Сеул, в котором проживало ок. 100 тыс. человек, являлся крупнейшим центром торговли, развитой в Чосоне лишь в крупных городах. Как и в Китае, торговлю в Чосоне ограничивали, считая, согласно конфуцианской традиции, более достойным занятием земледелие [23]. Существовала монополия шести торговых домов (сиджон), так называемой «большой шестерки», обслуживавших двор вана, аристократию и поставлявших на столичный рынок шелк, бумагу, рыбу, ткани из хлопка, пеньки и рами (вида крапивы). Подобные торговые дома существовали и в других крупных городах (Кэсоне, Пхеньяне, Чонджу). В деревнях купцы-носильщики обменивали предметы широкого потребления, а также соль, рыбу, посуду и книги на рис и хлопчатобумажные ткани (использовавшиеся в сельской местности вместо существовавших в

городах денег из коры шелковицы или меди). Уже при первом ване Чосона началось создание истории предыдущей династии - Корё, завершённой в 1451 г. Эта летопись («Корёса») состояла из 139 томов [24]. Также была предпринята переписка исторических произведений предыдущего периода (включая «Самгук саги» Ким Бусика) в духе неоконфуцианства. В это время проводилась активная работа по составлению точных карт и географических описаний Кореи [4]. Кроме того, в 1402 г. на основе китайских (династии Юань) карт была составлена «Карта всей территории мира и столиц государств». На ней были изображены Япония, Корея, Китай, Африка и Европа. Военные походы, предпринимаемые против чжурчжэней и японских пиратов, способствовали совершенствованию огнестрельного оружия. Во время правления вана Мунджона (1450-1452) была изобретена «хвачха» («огненная колесница»), выпускавшая 100 стрел на расстояние до I тыс. шагов. Совершенствовались военные суда: в начале XV в. появились «корабли- черепахи», предназначенные для тарана, а также небольшие быстроходные боевые джонки. В XV в. получили распространение своеобразные литературные произведения жанра пхэсолъ («разных записей»), в которых, без соблюдения определенного стиля, часто в форме острой сатиры описывались нравы всех слоев общества от высших сановников до простолюдинов и ноби. Светская архитектура раннего периода Чосон продолжала традицию конца Корё и строилась в соответствии с законами, предписывающими строго определенный размер домов для разных слоев общества (крупные чиновники могли иметь до 40 комнат, а простолюдины - не больше 10). Развивалась парковая культура, органично сочетавшая искусственные элементы с естественным пейзажем. При династии Чосон существовала группа профессиональных художников хвагон (фактически являвшихся государственными чиновниками), писавших портреты ванов, членов их семей и высших чиновников, рисовавших в подробностях важные государственные церемонии, а также географические карты. Значительное внимание в этот период уделялось развитию музыки. Ван Седжон Великий, обладавший, кроме всего прочего, редким музыкальным талантом, создал новую нотную систему и сочинил несколько музыкальных произведений (например, «Еминнак» - «Дарование радости народу»). При его правлении также были усовершенствованы 60 видов музыкальных инструментов.

6.3. Корея во второй половине XV - XVI веках. Ориентация на «идеалы древности»

В корейском государстве Чосон, находившемся под властью династии Ли (1392–1897 гг.), после политического и экономического подъема при правлении вана Седжона (1418–1450 гг.) с середины XV в. началась структурная перестройка, затронувшая многие области управления и изменившая соотношение между государственным и частным землевладением.

Ориентация на «идеалы древности», отдававшие предпочтение государственной собственности на землю, привела к тому, что правители время от времени препятствовали переходу земель в частные руки и превращению свободных крестьян (янъинов) в лично зависимых (ноби). Но тенденция к приватизации земли и личной зависимости всё больше усиливалась, поэтому проводимое перераспределение лишь ненадолго могло решить экономические и социальные проблемы. Другие же способы экономического регулирования не соответствовали корейским традициям. В конце XV — начале XVI в. на троне Чосона часто оказывались либо малолетние, либо не слишком интересующиеся государственными делами правители (эти две характеристики могли сочетаться), что способствовало снижению контроля государства за ситуацией как в провинции, так и в столице. В то же время ваны, принимавшие активное участие в государственном управлении, часто проводили разнонаправленную политику, так что чиновники и остальное население не всегда успевали приспособиться к изменениям политического курса.

В середине XV в. страна столкнулась с периодом политической нестабильности, вызванным борьбой за власть внутри правящей династии. Узурпировавший через пять лет после смерти Седжона престол ван Седжо (1455–1468 гг.) отправил в ссылку свергнутого племянника и жестоко расправился с оппозицией, попытавшейся добиться возвращения изгнанника. Стремясь укрепить государство и его «обороноспособность», новый ван увеличил численность военнообязанных, построил ряд крепостей на границе и в стратегически важных административных центрах, упорядочил организацию сухопутных войск и флота. Такая политика была до определенной степени оправдана усилением в это время внешней угрозы со стороны чжурчжэней и ослаблением династии Мин в Китае. Для претворения в жизнь крупных строительных проектов и укрепления армии

требовались средства, отсутствовавшие у государства, что привело к росту налогов и увеличению количества различных повинностей. Действия властей вызвали широкое недовольство как в столице, так и в провинциях, что выразилось в нескольких восстаниях, разгоревшихся в конце правления Седжо. Политика Седжо явно противоречила установкам неоконфуцианства, становившегося в этот период в Корее вслед за Китаем государственной идеологией. Неоконфуцианство учило правителей опираться на чиновников и стремиться к проведению мирной политики. Неприятие ваном подобных идеалов привело к притеснениям конфуцианских ученых, поддержке буддизма, даосизма и народных верований.

Но во время правления вана Сон Джона (1470–1494 гг.) началась «обратная реакция». Ван приблизил к себе группу молодых ученых — саримов («лес ученых»), большинство из которых происходили из провинции и принадлежали к сторонникам неоконфуцианства. В правление Сонджона началось и противостояние двух основных группировок чиновников, которое продолжалось на протяжении большей части XVI в. Первую из них представляли уже упомянутые саримы, вторую — хунгупха — чиновники «старого поколения», сторонники традиционного конфуцианства, выражавшие интересы столичной «аристократии». Но возрождение неоконфуцианских традиций управления было прервано правлением князя Ёнсана (Ёнсан-гуна, 1494–1506 гг., гун — «князь»), лишённого потомками за недостойное правление титула вана и посмертного храмового имени.

Ёнсан-гун был сыном второй жены вана Сонджона по имени Юн. Обвиненная в поведении, недостойном ее высокого сана (подозрение в заговоре против мужа), Юн была лишена своего положения и сослана в провинцию, когда ее сыну было три года. Через три года ее вновь обвинили в подготовке заговора, и она получила от Сонджона приказ совершить самоубийство. От Ёнсана скрывали произошедшее с его матерью даже после того, как он стал правителем Чосона. Вступив на престол в 18 лет, Ёнсан-гун проявил себя как талантливый политик, стремившийся укрепить границы на Северо-Западе и защитить побережье от японских пиратов, увеличить производство оружия и содействовать изданию исторических и географических произведений.

Но в 1498 г. произошел конфликт, связанный с подготовкой «черновой» хроники династии, описывавшей недавние события. Ёнсан воспротивился правдивому изложению событий, связанных

с воцарением вана Седжо, на котором настаивали саримы. Данный конфликт, многочисленные жалобы и петиции от представителей нового чиновничества и интриги «старых» чиновников привели к казням и ссылкам саримов, пытавшихся противостоять усилению власти вана. Сам правитель перестал интересоваться государственными делами и проводил время, развлекаясь самыми изощренными способами. Пиршества и охотничьи забавы Ёнсан-гуна разоряли казну; ради организации охотничьих угодий было приказано снести все здания на определенном расстоянии от Ханяна. В то же время члены правящего дома захватывали пахотные земли, леса, рыболовные угодья и даже реки, что превратило клан правителя в крупнейшего земельного собственника в стране. Увеличивались налоги, росли коррупция и произвол на местах.

Ситуация стала еще хуже после того, как Ёнсан-гун узнал о судьбе своей матери. Все причастные к делу лица и чиновники, включая бабушку правителя, были убиты, репрессии коснулись и сановников, не имевших никакого отношения к смерти Юн. Достаточной причиной для гонений считалась критика действий правителя. Часть институтов управления, которая могла как-либо влиять на вана (включая дворцовые совещательные органы), была упразднена. Употребление и преподавание простого по сравнению с китайской иероглификой корейского алфавита (хангыль), с помощью которого записывались содержавшие критику петиции или трактаты, было запрещено по всей стране. В 1506 г. представители оставшихся придворных хунгупха свергли Ёнсана и отправили его в ссылку. На трон был возведен родной брат свергнутого правителя, ставший ваном Чунджоном (1506–1544 гг.). Он усилил гонения на буддизм и возобновил поддержку неоконфуцианства.

Роль, сыгранная хунгупха в смещении Ёнсана, способствовала сохранению влияния этой группировки в течение 10 лет, но затем возобновилось их противостояние с молодыми саримами. В этот период сложилась оригинальная политическая система и была разработана особая политическая культура корейского общества XVI в., заложены основы сохранения власти династии Ли на протяжении трех последующих столетий. За группировками чиновников стояли интересы тех или иных слоев населения и районов страны. Во многом это было связано с развитием сети местных частных конфуцианских религиозных институтов, являвшихся одновременно школами. Они получили название «храмов славы» (совонов), некоторые из которых

стали «привилегированными» и получали от государства земли, ноби (крепостных крестьян), освобождение от налогов и повинностей.

Саримы, добившиеся во второй половине XVI в. ведущей роли в управлении, к концу столетия начали образовывать «партии», названные по сторонам света (Западная, Восточная, Северная, Южная). Борьба за власть между различными группировками и «партиями» часто была связана с борьбой внутри королевского дома, обострившейся в середине века. Вместо малолетнего вана Мёнджона (1546–1567 гг.) правила его мать, последовательница буддизма. Часть саримов осудила ее действия, направленные на восстановление позиций этой религии, и была вынуждена уйти в оппозицию, другая же относилась к буддизму и даосизму вполне терпимо. Во время правления вана Сонджо (1567–1608) саримы окончательно заняли лидирующую позицию. Но усиливались идейные противоречия между ними самими, отразившиеся в разных системах жизненных ценностей. Саримы, происходившие из относительно отдаленных, не очень богатых провинций, мало связанных с окружающим миром, выступали за необходимость сосредоточиться на совершенствовании моральных ценностей. В то же время ученые чиновники из провинций, близких к столице и портовым городам, отстаивали важность развития сельского хозяйства и торговли, которые могут принести богатство.

Стремление к обогащению отражало дух времени. Государство постепенно теряло контроль над земельным фондом страны, росли крупные частные земельные владения. Законными и незаконными способами члены семьи вана, представители знати, группировки чиновников, богатые торговцы и ростовщики захватывали различные виды земель и угодий, иногда даже целые уезды. Крестьяне в этих условиях часто уходили со своих наделов, так как не могли выплачивать налоги и исполнять повинности; продавали участки крупным собственникам и оказывались арендаторами своей же земли или становились наемными рабочими; бродяжничали, шли в буддийские монастыри. Эти же процессы вели и к увеличению числа ноби. Налоговые недоимки с покинувших свою землю или неплатежеспособных крестьян чиновники пытались получить с их соседей. Кризис в сельском хозяйстве усугублялся постепенным разрушением ирригационной системы, на ремонт которой не хватало казенных денег. Недовольство крестьян выражалось в коллективных жалобах и протестах, бегстве в глухие места, волнениях и восстаниях.

Наиболее крупное восстание, длившееся два года (1559–1560 гг.), началось в Хванхэ под руководством Лима Ккокчона. Корейский «Робин Гуд» захватывал богатства чиновников и открывал государственные зернохранилища, раздавая их запасы бедным. Движение затронуло и соседние провинции, отряды восставших доходили до столицы, где они нападали на правительственные учреждения и дома богачей, освобождали из тюрем заключенных. Возможно, именно эти события послужили основой для известного корейского романа конца XVI — начала XVII вв. «Сказание о Хон Гильдоне».

Процесс перехода земель к крупным частным землевладельцам затронул и военные поселения, благодаря которым должны были снабжаться органы управления армией и флотом, гарнизоны крепостей и военных портов. Их земли расхищались местными властями, что значительно ослабляло обороноспособность страны. Корейская армия была оснащена устаревшими видами вооружения. Во многом положение корейских войск было связано с приходом к власти саримов, выступавших за «нравственную политику» и не видевших необходимости в наращивании военной мощи. Север Кореи продолжал подвергаться нападениям чжурчжэней. Предпринятая в 1540 г. операция, в ходе которой корейские войска вытеснили обосновавшихся у Амноккана кочевников и, перейдя Туманган, нанесли удар по жившим там племенам, на определенное время обеспечила спокойствие на северных границах. С 80-х годов XVI в. нападения чжурчжэней возобновились. Однако главные внешнеполитические трудности были связаны с Японией. Для японских купцов были открыты три корейских порта, но жившие в них японские поселенцы отказывались подчиняться местным властям. Кроме того, южное побережье Кореи на протяжении нескольких веков служило местом для пиратских набегов японцев. Корейское правительство несколько раз в течение XVI в. разрывало отношения с Японией. Связи с Китаем продолжали поддерживаться в форме обмена посольствами с подарками, формально представлявшими собой дань от вассального государства. «Варвары» - чжурчжэни рассматривались Чосоном как вассалы, обязанные данью уже ему.

Несмотря на политические и экономические трудности, с которыми сталкивался Чосон в конце XV–XVI в., в этот период продолжалось развитие корейской культуры. Во время правления вана Седжо по всей Корее появились крепости и военные укрепления;

членами королевской семьи был возведен ряд храмов, в числе которых пагода буддийского храма Вонгакса в Сеуле (1467). Но дальнейшее развитие архитектуры было связано со строительством по всей стране скромных по форме комплексов «храмов славы». Совоны окружались красивейшими парками с бамбуковыми рощами, ручьями и беседками. В живописи продолжалось развитие традиций пейзажа. Виды природы сочетались с изображением людей и «жанровыми сценками», иллюстрирующими жизнь Чосона.

Среди многочисленных литературных произведений этой эпохи до нас дошли сочинения отпрысков знатных родов, саримов и других чиновников, лиц более низкого происхождения, в том числе выходцев из ноби. Многие из них критиковали правительство Чосона, высмеивали его политическую систему и чиновников. Бросивший карьеру чиновника и ставший отшельником поэт Лим Чже перед смертью сказал: «Среди четырех морей нет государства, не провозгласившего себя империей. Только наша страна не смогла этого сделать. Поэтому стоит ли горевать, что родился и умираешь в таком государстве?» Эти слова отразили политическую реальность XVI в. В то время, как различные части мира оказывались все более связанными друг с другом, Чосон проявлял мало заинтересованности в налаживании внешних контактов, развитии морской, да и сухопутной внутренней торговли. Вопрос о том, насколько был нужен Корее другой путь развития, активная внешняя политика и включение в систему международной торговли, обсуждался в самом корейском обществе XVI в. Считалось, что не корейцы заимствовали что-то у соседей, а соседи перенимали у них, не корейцы хотели что-то продать, а у них хотели купить. Но «наслаждаться» самодостаточностью и не замечать происходившие в экономике перемены Чосон мог позволить себе лишь на протяжении относительно мирных XV и XVI столетий. Вторжение японцев в конце XVI в. резко изменило всю жизнь государства.

Список рекомендованной литературы

- 1 Пак М.Н. История и историография Кореи. Избранные труды. // М: Вост.лит., 2003. – 911 с.
- 2 Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. / Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. М.Н. Пака. - М., 1995. - Т. 2.
- 3 Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Силла. / Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. М.Н. Пака. - М., 1959. - Т. 1.
- 4 Корё первой половины XII в. см. в кн.: История Кореи. Т. 1, с 125—130.
- 5 Корё са, т. 3, кн. 98 (Биографии, Ким Бусик), с. 135—143.
- 6 Самгук саги, Летописи Силла, пер. М.Пака, с. 297—298.
- 7 Ким Чхольджун. Хангук кодэ сахве ёнгу (Исследование [по истории] древнего общества Кореи). Сеул, 1976, с. 307—326.
- 8 Чубарьян А.О. Всемирная история. В 6 т. Т.2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012.
- 9 Курбанов С. О. Историографические аспекты земельных отношений в Корею X-XIV вв. по материалам «Составленной истории [Корё]»: Дис.... канд. ист. наук. СПб., 1992.
- 10 Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы. - М., 1962.
- 11 История Кореи (Чосон тхонса). / Пер. с корейск. - М., 1960. - Т. 1.
- 12 Бутин Ю.М. Древний Чосон. - Новосибирск, 1982.
- 13 Бутин Ю.М. Корея: От Чосона к трём государствам (II в. до н. э - IV в). - Новосибирск, 1984.
- 14 Ким В.В. Из истории освободительной борьбы корейского народа против киданьских нашествий в X - XI веках. // Ученые записки Кемеровского пед. института. - 1968. - Вып. 18.
- 15 Концевич Л.Р. Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон. // Этническая ономастика. - М., 1984.
- 16 Концевич Л.Р. Корейская мифология. // Мифы народов мира. - М., 1980. - Т.1.
- 17 Корейские предания и легенды из средневековых книг. - М., 1980.
- 18 Кузнецов В.С. Из истории взаимоотношений чжурчжэней с государством Корё в XIV в. (по данным “Корёса”). // Известия Сибирского отделения АН СССР. - 1969. - № 6. - (Серия общественных наук. - Вып. 2).
- 19 Пак М.Н. Самгук саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. // Институт востоковедения

- международный центр корееведения. Москва -1995.
- 20 Самгук саги. Пхеньянск. Изд., т. 2, кн. 46 (Биографии, ч.6), с.419.
- 21 Волков С.В. Буддийские монастыри в Корею в IV - X вв. // Буддизм: история и культура. - М., 1989.
- 22 Жданова Л. В. и Троцевич А. Ф. (перевод поэмы см. в кн.: Корейские предания и легенды из средневековых книг. М., 1980. С.205-228).
- 23 Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корею XVI – XVIII вв. – СПб., 1995.
- 24 Син Хёнсик. Самгук сагиый ёнгу (Исследование «Самгук саги»). Сеул, 1984.
- 25 Терентьев-Катанский А. П. С Востока на Запад. Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии VIII-XIII вв. М., 1990).
- 26 Ванин Ю.В. Феодалная Корея в XIII-XIV вв. - М., 1962.
- 27 Асмолов К.В. Система организации и ведения боевых действий корейского государства в VI - XVII вв. Эволюция воинской традиции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1995.
- 28 Курбанов С.О. О важности изучения категории хё (“сыновней почтительности”) для понимания корейской культуры. // Вестник Центра корейского языка и культуры. - СПб, 1996. - Вып. 1.
- 29 Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. - М., 1982.
- 30 Никитина М.В. Фигура жреца в корейском ритуале VII - XIV вв. // Кунсткамера. - СПб., 1995. - Вып. 7.
- 31 Никитина М.И. Миф о Матери-Свинье и её Сыне и государственный ритуал переноса столицы в Когурё. // Вестник Центра корейского языка и культуры. - СПб, 1996. - Вып. 1.
- 32 Корейские предания и легенды из средневековых книг. - М., 1980.
- 33 Пак М.Н. К периодизации ранней истории Кореи. // Историография стран Востока (проблемы феодализма). - М., 1977.
- 34 Пак М.Н. Новые представления о древней истории Кореи. // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. - 1978. - № 3.
- 35 Глухарёва О.Н. Искусство Кореи: С древнейших времен до конца XIX в. - М., 1982.
- 36 Ванин Ю. В. Аграрный строй феодалной Кореи XV-XVI вв. М., 1981
- 37 Сон Ен Чжон, Пак Ен Хэ, Ким Ён Ган. Очерк корейской истории. – Пхеньян, 1992. – Кн. 1.
- 38 Концевича Л. Корейская средневековая проза в ее историческом и жанровом развитии. Изд. «Художественная литература», 1975 г.

- 39 Николаев М.Н (псевдоним Пака М.Н.). Дискуссия по проблемам древнего Чосона. // Вопросы истории - 1962. - № 6.
- 40 Пак М.Н. О возникновении и утверждении феодализма в Корее. // Историография Востока: Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока. - М., 1969.
- 41 Ланьков А. Н. Политическая борьба в Корее XVI-XVII вв. СПб., 1995.
- 42 Асмолов К.В. Панорама корейских боевых искусств. // Кэмпс. - 1992. - № 3.
- 43 Чосон чонса (Полная история Кореи). Т. 7. Пхеньян, 1979. С. 57)
- 44 Чубарьян А.О. Всемирная история. В 6-т. Т.2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. 2012.
- 45 Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. - М., 1987.
- 46 Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 157.
- 47 Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. 2-е изд. М., 1995.
- 48 Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток, 1995.
- 49 Ванин Ю.В. Аграрный строй феодальной Кореи XV-XVI вв. М., 1981.
- 50 Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы. - М., 1962.
- 51 Джарылгасинова Р.Ш. Жилище корейцев. // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. - М., 1979.
- 52 Рю Хакку. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. - М., 1975.
- 53 Пак Си Хен. Флотоводец Ли Сун Син. // Вопросы истории. - 1952. - № 3.
- 54 Серов В.М. Поход монголов на Корею 1231 - 1232 гг. и его последствия. // Татаро-монголы в Азии и Европе. - М., 1977.
- 55 Кузнецов В.С. Из истории чжурчжэньско-корейских отношений в первой трети XV в. // Известия Сибирского отделения АН СССР. - 1970. - № 6. - (Серия общественных наук. - Вып. 2).
- 56 Хван И.И. Собрание официальных и личных бумаг флотоводца Ли Сун Сина (1545 - 1598). // Письменные памятники Востока. - М., 1970.
- 57 Тягай Г.Д. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего

феодализма. - М., 1971.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Корейский полуостров	Китай, кидани и Ляо	Япония
	Падение династии Хань (220 г.). Возникновение Троецарствия: Цао – Вэй, Шу – Хань, У.	
	Цао хуан (Вэй Юань-ди) (260 – 265 гг.)	
	Гибель Шу – Хань (263 г.)	
	Падение Цао – Вэй. Возникновение государства Цзинь (265 г.)	
	Цинь У-ди (265-290 гг.)	
	Гибель государства У (280 г.)	
Мичхон (300 – 331 гг.)	Объединение Троецарствие под началом Цзинь (280 – 316 гг.)	
	Войма восьми князей (291 – 316 гг.)	
	Падение объединенной династии Цзинь (316 г.)	

	Цзинь Хуай – ди (307 – 313 гг.)	
	Лю Цун, правитель Северной Хань (310 – 318 гг.)	
	Падение объединенной Цзинь (316 г.)	
Когутвон (331 – 371 гг.)	Цзинь Юань-ди (317 – 323 гг.)	
Кынчхого (346 – 375 гг.)	Фу Цзинь II из Цзянкана (357 – 385 гг.)	
Нэмуль (356 – 402 гг.)		
Сосурим (371 – 384 гг.)		
Принятие буддизма на Корейском полуострове		
Чхимрю (384 – 385 гг.)	Битва на реке Фейшуй (383 г.)	
	Битва на реке Фэй (Хуайхэ)	
	Восхождение Северной Вэй (386 г.)	
Квангэтхо (391 – 413 гг.)	Тоба Гуй (Дао У-ди) из династии Вэй (386 – 409 гг.)	
Чансухо (413 – 491 гг.)	Закат династии Цинь. Возвышение династии Лю Сун (420 г.)	

	Сун Шао (422 – 424 гг.)	
	Сунь Вэнь-ди (424 – 452 гг.). Тай У-ди из династии Вэй (424 – 452 гг.)	
	Основание конфуцианских школ (439 г.)	
	Объединение северных княжеств под началом династии Бэй Вэй (440 г.)	
	Первые гонения буддистских на севере (446 г.)	
	Сяо У-ди (454 – 464 гг.)	
	Сун Мин (465 – 472 гг.)	
	Хоу Фэй-ди (473 – 476 гг.)	
	Сун Шунь-ди (477 – 479 гг.)	
	Закат династии Лю Сун. Подъем династии южная Ци	
	Ци Гао – ди (479 – 482 гг.)	
	Ци У-ди (483 – 493 гг.)	

	Ци Мин-ди (494 – 498 гг.)	
Чиджын (500 – 514 гг.)	Ци Хэ-ди (501 г.)	
Попхын (514 – 540 гг.)	Закат династии Южная Ци. Подъем Лян. Ля У-ди (502 – 549 гг.)	Киммей (539 – 571 гг.)
Чинхын (540 – 576 гг.)		Появление буддизма
Видок (554 – 598 гг.)		Бидацу (572 – 585 гг.)
Сон (523 – 554 гг.)	Вэй Сяо-мин (515 – 528 гг.)	Йомэй (585 – 587 гг.)
	Хэйинская резня	Сусюн (587 – 592 гг.)
Хонвон (536 г.)	Вэй Сяо-чжуан (528 – 531 гг.)	Сейко (593 – 628 гг.)
	Западная Вэй (534 г.)	
Восточная Вэй	Конституция 17 статей (602 г.)	
	Лян Янь-ди (550 – 551 гг.)	Сётоку (593 – 621 гг.)
	Подъем Северной Ци (550 г.)	
	Лян Юань-ди (552 – 555 гг.)	
	Падение Южной Лян и Западной Вэй. Подъем Южной Чэнь и Северной Чжоу (557 г.)	

	Чжоу У (561 – 578 гг.)	
	Падение Северной Чжоу. Подъем Суй (581 г.)	
	Воссоединение Китая династией Суй (589 г.)	
	Тибет - Намри Сонгцэн (600 – 620 гг.)	
Сопративление Ыльчи Ундока	Сунь Янь-ди (605 – 618 гг.)	
Падение Суй (618 г.)		
Подъем Тан (618 г.)		
	Тан Гао-цзу (618 – 626 гг.)	
	Тюрки – Ильхан (ок.620 -630 гг.)	
	Тибет – Сонгцэн Гампо (620 – 650 гг.)	
Ыйджа (641 – 660 гг.)	Порожение Восточного Каганата (626 г.)	
Тай Тан-цзун (626 – 649 гг.)	Саймэй (642 – 645 гг.)	
Муйоль Великий (654 – 661 гг.)	Тай Тан-цзун (650 – 683 гг.).	
Тибет – Мангсонг Мангцэн (650 – 676 гг.)	Котоку (645 – 654 гг.)	

Мунму (661 – 681 гг.)	Тюрки – Падение Западного Каганата (657 г.)	Саймэй (655 – 661 гг.)
	Тан Чжун-цзун (683 г.)	Нака-но Оэ (661 – 668 гг.)
Объединенная Силла (668 – 935 гг.)	Тан Жуй-цзун (684 – 690 гг.)	Основание клана Фудзивара
	Тан У (690 – 705 гг.)	Момму (697 – 707 гг.)
	Восстановление Восточного каганата	Гэммей (707 – 714 гг.)
	Тан Чжун-цзун (705 – 710 гг.)	
	Тан Жуй-цзун (710 – 712 гг.)	Начало периода Нара (710 – 794 гг.)
	Тан Сюань-цзун (712 – 756 гг.) Поэт Ли Бо	Генсё (715 – 724 гг.)
Кодекс Ёро		
	У Даоцзы	Сёму (724 – 749 гг.)
Мун из Пархэ (737 – 793 гг.)	Объединенная Силла – Мун из Пархэ (737 – 793 гг.)	
	Ван Вэй	
Кёндок (742 – 765 гг.)	Объединенная Силла – Кёндок (724 – 765 гг.)	
Вон Сон (785 – 798 гг.)	Битва при Таласе (751 г.)	Камму (781 – 806 гг.)
Переезд в Нагаоку		

Со- Сон (798 – 800 гг.)	Битва при Сягуане (754 г.)	
	Мятеж Ань Лушаня (755 – 763 гг.)	
Эджан (800 – 809 гг.)	Тан Су-цзун (756 – 762 гг.)	Хэйдзэй (806 – 809 гг.)
Хон Док (809 – 826 гг.)	Тан Дай-цзун (762 – 779 гг.)	Сага (809 – 823 гг.)
Хонган, Объединенная Силла (875 – 886 гг.)	Тан Си-цзун (873 – 888 гг.)	Ёдзэй (876 – 884 гг.)
Хёгон Объединенная Силла (897 – 912 гг.)	Мятеж Хуан Чао	Мотацуна - кампаку (881 – 891 гг.)
	Битва при Лянтяньпо (882 г.)	Уда (887 – 897 гг.)
	Тан Чжао-цзун (888 – 904 гг.)	
	Тан Ай-ди (904 – 907 гг.)	
Кён Хвон из Позднего Пэкче (900 – 935 гг.)	Падение Тан. Подъем поздней Лян (907 – 926 гг.)	Дайго (897 – 930 гг.)
Кун Гё из Позднего Когурё (901 – 918 гг.)	Эпоха Пяти династий и десяти царств (907 – 960 гг.)	Судзаку (930 – 946 гг.)
Ван Гон из Позднего Когурё (918 – 943 гг.)		
Корё поглощает Силлу (935 г.)		

Корё поглощает Позднее Пэкче (936 г.)	Падение поздней Тан. Подъем Поздней Цзинь (936 – 947 гг.)	Мятеж Масакадо (939 г.)
	Падение поздней Цзинь. Подъем Поздней Хань (947 – 951 гг.)	Тадахира – кампаку (941 – 949 гг.)
Кван Чжон, Корё (949 – 975 гг.)	Падение поздней Цзинь. Подъем Поздней Чжоу (951 – 979 гг.)	
	Ляо Му-цзун (951 – 960 гг.)	
	Падение поздней Чжоу. Подъем Сун (960 – 1279 гг.)	
	Сун Тай-цзу (960 – 976 гг.)	
	Сун Тай-цзу (976 – 997 гг.)	
	Династия Сун воссоединяет Китай (979 г.)	
	Ляо Шен-цзун (982 – 1031 гг.)	
	Сун Чжэнь-цзун (997 – 1022 гг.)	
	Чанъаньский договор (1005 г.)	
	Сун Жэнь-цзун (1022 – 1063 гг.)	

	Падение Ляо (1122 г.)	
	Начало Южной Сун	

한국학총서 IV

<중세기한국의역사>

History of Medieval Korea
Almaty: Center for Korean Studies of KazUIR&WL, 2020, 145p.

ISBN 978-601-270-501-0

저 자: 우쓰케너프 E.M., 소타노바 G.A.

발행일: 2020년 12월 28일

발행기관: 카자흐 국제관계 및 세계언어대 한국학센터

발행처: 카자흐 국제관계 및 세계언어대 출판부

주소: Muratbaeva Str. 200, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

“이 저서는 2015년 대한민국 교육부와 한국학중앙연구원(한국학진흥사업단)을 통해 해외한국학중핵대학육성사업의 지원을 받아 수행된 연구임(AKS-2015-OLU-2250007)”

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОРЕИ

*Almaty: Center for Korean Studies of
KazUIR&WL, 2020, 3 p.*

ISBN 978-601-270-501-0

Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А.

Издание подготовлено к выпуску Центром корееведения КазУМОиМЯ
им. Абылай хана г. Алматы, ул. Толе би, 84, cks@ablaikhana.kz, http://
www.canks.asia

Отпечатано с готовых файлов заказчика

Подписано в печать 28.12.2020. Формат 84/1081/16
Бумага офсетная. Объем 11.9 п.л.

Заказ № Тираж 500 экз.

Издательство «Полилингва» КазУМОиМЯ имени Абылай хана
050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
Тел.: +7 (727) 292-03-84, 292-03-85, вн. 24-09
E-mail: kazumo@ablaikhana.kz, ablaikhana@list.ru